

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

Н.В. Греков — Защита Транссибирской магистрали от диверсий в годы первой мировой войны 15

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

С.Е. Лазарев — Дмитрий Аркадьевич Шмидт 31

СООБЩЕНИЯ

К.А. Степанов — Татьянинский Комитет в Ярославской губернии в годы первой мировой войны 49

С.О. Буранок — Первая мировая война и японское общество 64

А.В. Федин — Становление иезуитской миссии среди ирокезов в первой половине XVII в. 77

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Д.Н. Копелев** — Утрехтский мир и война с пиратством в Вест-Индии в XVIII в. 94

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- И.В. Кучумов, Л.Ф. Сахибгареева** — Исследователь истории Российской империи Б.Э. Нольде 107

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- О.И. Капчинский** — «Октябрь» под следствием 119
- А.А. Бочаров** — Улучшение положения нижних чинов военно-морского флота России в 50—70-х гг. XIX в. 126
- Ш.А. Магарамов** — Сотрудничество дагестанской правящей элиты с Россией в XVI—XVIII вв. 133

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Р. Павлушков** — Нарушения православного клира в конце XV—XVII в. 138
- А.Н. Андреев** — Католический приход Петербурга в XVIII в. 148

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Д.С. Платонов** — Русская армия накануне Февральской революции 1917 г. в оценке историков Русского Зарубежья 161
- Н.А. Мицюк** — История материнства в англоязычной историографии 167

Конференция Пражской группы партии социалистов- революционеров 1931 г.

Протокол
заседания от 6 февраля 1931 г.

Присутствуют гг. Архангельский, Милашевский, Лазарев, Минахорян, Марков, Рабинович, Постников, Николаев, Ригана, Лозовой, Якушев, Якушева, Савинкова, Новожилов, Мальгин, Кобяков, Нестеров, Воронович.

Председательствует т. Архангельский.

Доклад т. Николаева «Государственный строй России после большевизма».

Т. Н и к о л а е в. Я буду говорить немного; на социологическом основании государства останавливаться также не стану. Во-первых, этот вопрос не связан с темой моего доклада, во-вторых, об этом будет говорить т. Лазарев. Меня интересует вопрос о государственном строе после большевизма. Я понимаю эту задачу как задачу юридическую. Я считаю нужным заранее сказать, что я не исходил из потребностей переходного периода; будет ли непосредственно после падения большевиков установлена диктатура или безвластие, или найдутся претенденты на власть — этого вопроса я не касаюсь. Я имею в виду период «после бури», тот период, когда должен сложиться государственный новый строй.

Исходной точкой по вопросу о сложении государства является вопрос о суверенитете власти. То, что мы видим в Европе, с нашим пониманием о суверенитете не согласуется. В Европе нет суверенитета народа, есть суверенитет права государства. Я, конечно, не отрицаю принцип «власть принадлежит народу», но эта власть только исходит от народа, но ему не принадлежит. Теория «общественного договора» Руссо лишена и исторического, и теоретического значения. Это учение было учением борьбы против понятия, что «государственная власть исходит от бога». Как известно, французская революция

исходила исключительно из этой теории. Но власть народа для конвента фактически имела ограниченное значение. По существу власть народу принадлежит в одном моменте: это момент подачи избирательного бюллетеня. В дальнейшем власть принадлежит органическому целому, государству. Отсюда я делаю свой вывод о сущности государства, о примате государственной власти как ф о р м ы, необходимости обеспечить возможность осуществления этой власти. Признавая такое значение государства, вместе с тем я признаю, что оно исходит из права и опирается на право. Отсюда вытекает принцип господства правопорядка. Но во взаимоотношениях власти и народа имеет значение не только право, которое может быть легко игнорировано властью. Отношение власти к народу должно быть основано и на праве, и на доверии народа. Но власть может пользоваться этим доверием при участии в государственной жизни всего народа. Вот почему я считаю необходимым говорить только о демократическом государстве. Однако помимо общих теоретических настроений надо учесть и настроения, которые будут в России после большевиков. Нет никакого сомнения в том, что и монархия, и диктатура в равной степени дискредитировали себя в глазах народа, и народ ощущает потребность осуществлять свою волю путем демократических форм государства.

В тезисах я говорил об унитарном государстве. Это отнюдь не значит, что я в принципе отрицаю федерацию. Вопрос о федерации я рассматриваю с точки зрения целесообразности и полагаю, что применение федеративного строя к моменту падения большевиков может повлечь за собой распад всей государственности, что, конечно, не послужит ни целому, ни... .

До федерации Россия дойдет, но на первое время, по-моему, достаточно введение широкого местного самоуправления, и в этом смысле должны быть поняты соответствующие пункты в моих тезисах о централизации власти. Я не придаю существенного значения конкретным формам организации государственной власти; вопросы об однопалатной или двухпалатной системах являются второстепенными и разрешение их зависит от данной конкретной обстановки. Поэтому на них останавливаться не буду. То, что об этом сказано в тезисах, мне представляется достаточным.

Т. Л а з а р е в. Я приготовил большой доклад по всем вопросам, подлежащим обсуждению нашей конференции. Там уделил большое место вопросу о государстве. Но я предпочитаю этот доклад использовать в особом порядке, а сейчас скажу вам о некоторых общих положениях этого доклада.

§1. Классовому социализму большевиков с.р. должны противопоставить социализм народнический, демократический. Поэтому всю классовую организацию государства нужно заменить демократической. Классовый социализм воплощен в системе «советов». Демократический социализм должен быть восстановлен в исторически выработанной форме системы земских самоуправлений. Советы так быстро покрыли всю Россию потому, что они явились на готовое место муниципальных и земских самоуправлений. Замена советов муниципальными и земскими, сельскими, волостными, районными и окружными самоуправлениями не составит никакого затруднения, и

все население, до того лишенное прав избирательных, явится энергичным организатором.

Правом голоса пользуются все граждане обоюбого пола, достигшие 21 года. Это преобразование должно быть сделано д е к р е т н ы м путем с обращением ко всему народу, что отныне провозглашается полное гражданское равенство, всякая междоусобная борьба прекращается, и население должно воздерживаться от всяких беспорядков и самосудов.

§2. Лозунг Ленина: «Национальное самоопределение вплоть до отделения» должен быть признан р е а к ц и о н н ы м, вредным и антигосударственным. Национальное самоопределение столь же законно, как и всякое другое самоопределение, например религиозное или профессиональное. Но разбивать государственную территорию по национальностям столь же нецелесообразно, как разбивать ее по религиям. Человеческий прогресс ведет не к умножению государств, а к их уменьшению, к превращению непроходимых государственных границ в этнографические путем образования европейских и мировых Штатов, т.е. всемирной ФЕДЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВ. В настоящее время деление земной поверхности на множество больших и карликовых государств является для всех государственных людей величайшим злом, источником войн и пагубных вооружений. Признание какой-нибудь страны «Государством» означает отказ всего остального человечества от права въезда в эту страну или проезда и даже пролета по воздуху над нею без позволения установленных властей. Колониальные доминионы Британской Империи в сущности являются самостоятельными государствами, составляющими одну федерацию. Каждый из доминионов мог бы безнаказанно отделиться в самостоятельное государство, но опыт современной общественной и государственной жизни показывает страшный вред существования непроходимых государственных границ. Доминионы Британской Империи разделены целыми океанами и населены высококультурными народами. И, казалось бы, нет никаких препятствий для объявления себя самостоятельными государствами, но выгоды федерации так велики, даже в смысле национальной безопасности, что никакие из них не желают стать изолированными. Расчленение континентальной России на ряд самостоятельных государств привело бы их к бесконечным столкновениям и войнам и сделало бы карликовые государства игрушкой в руках великих держав.

§3. Для выработки всеобщей конституции страны необходимо как можно скорее созвать Учредительное Собрание по расчету примерно один депутат от 200 тысяч душ населения.

§4. Национальное самоопределение может легко найти себе осуществление в форме широкого земского, областного самоуправления.

§5. Исходя из христианского признания святости человеческой личности и из анархического признания «примата личности над государством», в последних стадиях своего развития, народнический социализм отверг с равной решительностью и мистицизм церковного христианства, и принципиальное отрицание государства анархистами. Начиная с выступления «Народной воли», государство признано необходимой функцией человеческого общества. Посему, что касается форм и конституции государственной власти, это дело юристов и

указано в тезисах т. Николаева. Как общее положение, можно констатировать, народнический социализм всегда был против всякого централизма и диктатуры и всегда стоял за федеративную и демократическую республику. Широкое муниципальное и земское самоуправление России наилучшим способом отвечают этому назначению.

§5. На той же основе муниципального и земского самоуправления следует создавать и всенародное хозяйство, в котором все производство распределялось бы между государством, муниципалитетами и земствами и частными — индивидуальными и групповыми предпринимателями.

Т. М и н а х о р я н. Прежде всего должен заметить, что много из того, что можно было бы сказать по поводу тезисов т. Николаева, после его доклада отпадает. Впрочем, о тезисах будет слово потом, и я теперь остановлюсь на некоторых общих положениях, вытекающих из доклада и тезисов.

Т. Николаев исходит из критической оценки русской государственности и нашего отношения к вопросу в прошлом. Первая часть этой критики имеет для нас академическую ценность. Об этом имеется соответствующая литература, и можно согласиться и не спорить с докладчиком. Практического результата от обмена мнениями по данному поводу я не жду, поэтому перехожу ко второй части критики т. Николаева. Он возводит на партию целый ряд обвинений, которые я считаю голословными. Партия целиком без критики признала программу марксизма о государстве, говорит он в тезисах. Она усвоила полуанархическое представление о государстве, так что все в конечном итоге по мнению т. Николаева свелось к отрицанию самодержавия и капитализма, и место для положительной роли государства осталось пустым. Прежде всего должен сказать, что «анархизм», в чем обвиняет партию докладчик, ни в какой мере не согласуется с другим обвинением в одном и том же пункте тезисов — с обвинением в марксизме. И если уж сами марксисты нас обвиняют в анархизме, то следовало бы заключить, что оба обвинения докладчика лишены основания. Понятие правового государства со всеми демократическими атрибутами, предложенными нам докладчиком, не было чуждо первым народникам. Радищев до сих пор считается «Первым русским республиканцем». В дальнейшем вопрос о значении государства, о его политической, социальной ценности и роли дебатировался поколениями и от полного отрицания до признания всемогущества государства было бесчисленное множество течений. Каждому пониманию социальной и экономической эволюции соответствует определенная политическая концепция. В этом отношении наши пути с самого начала резко и определенно разошлись с марксизмом. Известно, что и в прошлом, и в последующем немало писалось об особых путях развития России. Думать так, не мысля одновременно о самостоятельной политической концепции государства, было бы нелогично, и такой концепцией для нас явилась федерация. Критическое народничество было далеко от марксистского понимания государства, наоборот, со всей силой обрушилось на марксизм; против примата государства над личностью оно отстаивало противоположную позицию. Классовому пониманию государства оно противопоставляло понятие организованного коллектива — народа, задачи кото-

рого оно свело к политическому, социальному и моральному раскрепощению человека. Представления ПСР о государстве исходят из этих общих положений, и в нашей литературе можно найти немало подтверждений этого. Да и кроме того всем известно, что группы и течения с анархистическими тенденциями, как например максималисты, синдикалисты, не могли ужиться в рядах нашей партии и вынуждены были уйти.

Казалось бы, что докладчик «пустоту» нашей программы должен был бы заполнить новой программой о государстве. Но он нам говорит: сила без права — насилие, право без силы — ничто, защищает выборность, ответственность, разделение властей, предлагает нам республиканскую форму правления, а разве первый пункт нашей программы-минимум в чем-нибудь противоречит этим положениям?

Второе обвинение т. Николаева сводится, так сказать, к излишнему интернационализму, которым была заражена, по его словам, партия. Она, мол, недооценила национально-культурное значение государства, пренебрегала национальными интересами. Все эти обвинения я считаю критикой справа, т.к. марксисты, в частности русские с.д., обвиняли нас как раз в обратном. ПСР никогда не была национальной партией и, конечно, не преследовала изолированных национальных задач той или иной отдельной нации. Она называлась просто ПСР и в этом интернациональном ее значении заключалась вся ее моральная сила и значение для всех народов России. Исходя из самооценки личности, она логически пришла к пониманию самооценки нации, и, требуя раскрепощения личности, она одновременно требовала раскрепощения и наций. И разве весь пройденный нами этап борьбы не сводится к этому? Разве федерация, национальное самоопределение, вызвавшее в свое время целую бурю критики, одновременно и слева, и справа, недостаточно доказывает это? Разве жизнь не оправдала проведение программы нашей партии в области государственного строительства народов России?

Субъективно докладчик в этом вопросе исходит из боязни расчленения и распыления российской государственности на отдельные единицы, враждующие между собой. Но я склонен думать, что докладчик недостаточно учитывает значение центробежных сил. Ведь проект, предложенный нам «после бури революционного периода», означает ничто иное, как революцию, так как он отрицает даже ту «кущую» свободу, которая обеспечивается исковерканной федерацией большевиков. Ведь на федерацию они шли не по желанию, а просто потому, что только этим путем было возможно сплотить вокруг общей государственности народы бывшей России. В чем же дело? В том, чтобы лишить народы России той свободы, которую они имеют? Но тогда в чем же отличие этой программы от политики самодержавия, против которого боролись как русский народ, так и остальные народы России? Простите меня за такую аналогию, но она вытекает из всего вышесказанного. Долго останавливаться на теории самодовлеющего значения государства не буду. Из доклада ясно, что этот § тезисов означает господство права. Докладчик не обвиняет нас в отрицании права, остается предположить, что он хочет подчеркнуть преобладающее значение права, его самодовлеющее значение в государстве, иначе говоря, государство, опираясь на право и на доверие на-

рода в лице данного правительства, должно усилить значение права. Неопределенность постановки вопроса не дает возможность делать прямые выводы, но если господство права означает господство государства в смысле его самодовлеющего значения, то это противоречит нашим основным значениям программы и всей нашей идеологии. Основная ошибка докладчика заключается в том, что в мире нет надклассового самодовлеющего государства. Государство не абстрактно, а реальный факт, и каждое государство в лице данного правительства в капиталистическом обществе защищает интересы буржуазии. Государство все больше и больше вмешивается в так называемую частную жизнь человека. Вся экономическая политика современных государств, смена правительств, борьба партий, доказывают это. В заключении я не могу скрыть моего огорчения по поводу предложенных нам тезисов. Формально юридический подход к вопросу без учета конкретной действительности, существующей в настоящее время в России, не отвечает нашим потребностям. Там сейчас действует известная всем конституция. Думать о том, что одним росчерком пера мы уничтожим уже установленный там строй и восстановим унитарное государство, я считаю утопией. Очевидно, что-то должно остаться из того, что проделано большевиками, и вот надо было поближе подойти к этой конституции, выяснить вопрос, что и как подлежит изменению, а вопросы чисто академического характера о разных системах организации палат и т.д., как вопросы, связанные с нормальной обстановкой жизни государства, отложить.

Т. П о с т н и к о в. Как доклад, так и тезисы т. Николаева, дают возможность говорить и спорить по вопросу. Нужно отдать справедливость докладчику за проделанную работу. Но я должен признаться, что все это более годится как материал для лекции молодежи, а не нам. Он ссылается на авторитеты по государственному праву, можно привести много других авторитетов и спорить о положениях того или другого, но этим мы не добьемся цели. Прав т. Минахорян в том, что самодовлеющего государства в природе нет, если, конечно, не считать большевицкое и фашистское государства, против которых мы ведем борьбу. Но не прав он в своих суждениях о том, что партия занималась вопросом о государстве. Правда, докладчик в подтверждение своего утверждения об этом не приводит ссылок и доказательств, но т. Минахорян не указывает источников, опровергающих его положение. Верно то, что мы больше занимались вопросом о социально-экономической структуре России, чем вопросом о государстве. Наше несчастье заключается в том, что мы из подполья прямо пришли к власти, без того, чтобы предварительно привыкнуть и освоиться с этой ролью, в положении оппозиционной партии при власти. Мы должны были работать, да еще в чрезвычайно тяжелых условиях: мы должны были вести войну, заключать договоры, ликвидировать старый порядок, создавать новый и т.д.

Останавливаться на национальном вопросе не буду. Скажу только одно: правильное разрешение вопроса национального мы усматривали в добровольном сотрудничестве народов, в чем и заключался наш интернационализм. Обвинения т. Николаева в излишнем интернационализме не соответствуют действительности. Из нашей революционной литературы и деятельности можно привести немало фак-

тов, доказывающих несостоятельность такого вывода. Что же касается тезисов, то они должны быть сданы в комиссию вместе с тезисами т. Архангельского.

Т. К а л ю ж н ы й. Доклад носит название «Государственный строй России после большевиков», и надо было думать, что докладчик нам укажет в деле государственного строительства те пути, которые представляются нам необходимыми для переходного времени. С этой точки зрения меня не интересует вопрос, что думала ПСР о государстве, а практическая сторона дела, в связи с данной обстановкой в русской действительности. Пусть мне не говорят о нашей «государственности». Ясно, что мы были антигосударственниками. В 1917 г. мы признали советы, и таким образом частно-политические организации противопоставили государству.

Идея самодовлеющего государства не нова, но она не согласуется с нашим мировоззрением. Поэтому я хочу себе выяснить вопрос: какова, по мнению докладчика, роль личности в этом государстве? Я бы хотел, чтобы докладчик заодно высказался бы и о федерации. Правда, на ней лежит, если можно так выразиться, «революционное табу», но это ничего не значит. С точки зрения интересов социализма федерация, как государственная система, не выдерживает критики. Мы стремимся к объединению. Между тем федерация обособляет народы России в самостоятельные гос. формы. Национальный вопрос должен быть рассмотрен нами с точки зрения интересов личности всех наций с тем, чтобы обеспечить максимум благ каждой личности в деле ее всестороннего развития.

О практических предложениях тезисов сейчас говорить не буду, но практическое осуществление той или иной задачи государственной системы зависит также от тех средств и путей, которыми оно протекает. В этом отношении чрезвычайно важно было бы выслушать взгляд докладчика об избирательной системе.

Т. Я к у ш е в. Я также неудовлетворен тезисами докладчика. Проекта по вопросу не имеем. Верно, что мы не разрабатываем вопроса о государстве. Фактов и оснований можно привести много. И если такой государственник, как т. Вишняк ¹, говорит, что в случае несогласия Учредительного Собрания с партией мы его разгоним, то говорить о нашей государственности не приходится. Вопросы теории государства, возбужденные докладчиком в тезисах и в докладе, следует отложить.

Мы должны исходить или из того, что проделано большевиками, или же проработать свои конкретные предложения. В национальном вопросе я не согласен с т. Калюжным. Мы не можем отрицать право каждой нации иметь в собственной среде все возможности для своего развития. Вопросы об отделении, полной самостоятельности и т.д., являются вопросами целесообразности.

Собрание закрывается в 8 часов вечера.

Т. К а л ю ж н ы й. Доклад называется — «Государственный строй России после большевизма». Можно было бы ожидать, что докладчик скажет нам, как он себе представляет и переходный период от момента падения большевиков и до образования нового государственного строя. Я понимаю, формально эта тема не имеет отношения к

теме настоящего доклада, но практическая потребность в ее постановке и разработке — колоссальная. Вряд ли можно отрицать, что советы, возникшие в февральскую революцию и занявшие — при нашем к тому участии — не соответствующую им роль органов государственного управления, предопределили в весьма значительной мере всю власть советов и все дальнейшее развитие событий. Поэтому нам, членам партии, предполагающей осуществить иной государственный строй, чем тот, который действует в настоящее время в России, нельзя заниматься этой проблемой только академически, вне времени и пространства, вне реальных предпосылок к новому строю. По моему мнению, развитие темы о переходном времени и организации в нем власти должно было бы предшествовать как введение к настоящему докладу. Может быть, докладчик найдет возможным в своих дальнейших выступлениях и заключительном слове заполнить этот пробел. Я бы этого очень желал.

Помимо указанного сейчас мною пробела, а также неиспользования имеющегося в истории России материала для более успешного развития темы о государственном строе и некоторых недоумений, о чем я скажу ниже, — в общем, я разделяю основные тезисы доклада. Возражать против них, оставаясь на почве государственности вообще и, в частности, признавая идею правового порядка, трудно.

Упоминание докладчика в тезисах о том, что партия не была государственной, я целиком разделяю. И совершенно не разделяю возражений против этого утверждения. Мне кажется, возражения эти звучат голословно. Нас уверяют, что «партия много говорила и писала» о государственности. Такое уверение не совсем точно. Предположим, однако, что это так. Но ведь «говорить и писать» мало — надо еще действовать в духе слов и писаний. И тут факты свидетельствуют об обратном. За краткостью времени я не буду приводить многочисленных иллюстраций, напомним лишь об одном — уже приведенном мною выше — весьма важном факте, имевшем огромное значение в нашем поражении и определившем на годы дальнейшие судьбы России, — я говорю о советах, о нашем к ним отношении. На этом факте, как на оселке, была испытана твердость нашей государственности, и, как в зеркале, отразился ее подлинный лик. Партия государственная не могла попустительствовать созданию двоевластия и, притом, в самой худшей его форме. Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия перед страной, оказалась фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации — у советов. И партия с.-р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему.

Мне скажут: партия была против передачи советам всей власти. Вопрос о передаче в с е й власти встал уже позднее, когда все к тому было подготовлено. Помимо этого, характерна имена эта в с я власть. Против передачи в с е й власти главным образом партия и возражала и, притом, не так уж единогласно. Но передача в с е й власти означала, что безответственная власть фактическая становится властью единственной, социальной, ответственной за свои действия. Партия с.-р. оказалась негосударственной и несостоятельной логически. Если она

сознательна и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы — возложить на советы и ответственность, устранить временное правительство и установить единовластие.

Если бы партия была государственная, она должна была понимать всю опасность и недопустимость двоевластия, она должна была бороться против захвата советами не принадлежащих им функций и несоответствующей их роли положения.

Партию не удовлетворяло правительство? Обладая в то время огромным влиянием, она могла его изменить. Но она не смела становиться на путь разрушения основ государственности.

Может быть, я искажил действительность, может быть, я приписал партии неправильно то, что она содействовала захвату советами фактической власти. Допустим. Но и в случае такого допущения остается «самое лучшее» — пассивность партии в одном из коренных вопросов государственности — организации ее власти. Едва ли пассивность — патент на государственность. Партия не была государственной. И этому не могли помочь одни ее декларирования государственности, ибо она не имела главного — чувства государственности. Я не боюсь этого сказать. Наоборот, я чувствую себя обязанным сказать это в интересах будущего партии. Но меня тревожит, печалит, когда я слышу возражения некоторых товарищей против бесспорных положений доклада. Это означает, что чувство государственности и поныне у них не родилось.

Теперь отмечу некоторые возражения докладчику, относящиеся к другой области нашего спора и водораздела между нами в данном случае «к марксистскому пониманию государства». Наиболее любопытны в этом отношении некоторые положения т. Минахоряна в его большой речи по докладу. Защищая партию по обвинению ее докладчиком в марксистском классовом понимании государства, он весьма пространно доказывает обратное, в конечном итоге формулируя свою цель тем, что классовому пониманию государства партия противопоставила понятие организованного коллектива — народа. Но и в другом месте, возражая против самодовлеющего значения государства, он заявляет, что в м и р е н е т н а д к л а с с о в о г о с а м о д о в л е ю щ е г о г о с у д а р с т в а.

От такой защиты партии вряд ли поздоровится. Но оставим партию. Партия в целом, может быть, и не потребует такой защиты. Одно ясно, что т. Минахоряна трудно обвинить в неклассовом, немарксистском понимании государства.

Лично я также не разделяю положения докладчика о самодовлеющем государстве, но по иным, по сравнению с тов. Минахоряном, соображениям. Мне представляется опасной такая мистика. Суббота для человека, а не человек для субботы. Государство — не цель и не самоцель, а средство для защиты прав личности. Государство — одна из функций общества. Государство для личности и общества, а не наоборот. Отсюда, конечно, нельзя делать анархистского вывода, что всякий делает то, что и когда захочет. Государство должно обладать властью и принудительным аппаратом. В демократическом государстве большие основания и возможности сильной власти, ибо она опирается на волю большинства. Но мне думается, что докладчик сам

вкладывает не тот смысл в выражение «самодовлеющее государство». В этом пункте мой недоуменный вопрос и просьба к докладчику — ответить на него и самому снять это двусмысленное выражение, если он действительно вкладывает не тот смысл, в котором его можно подозревать и против которого можно и следует возражать.

Странным кажется в тезисах докладчика отсутствие ответа на вопрос, поставленный им самим. Он упрекает партию в том, что она взяла готовые европейские образцы правового строя, а не использовала для этой цели особые формы государственности в прошлом России. Сам докладчик, однако, тоже игнорирует это историческое прошлое России и, в сущности, нам преподносит один из европейских образцов государственного строя. По существу он прав. Действительно, в историческом прошлом России много самобытного, своеобразного и свойственного и по сию пору духу русского народа. Вече, сход, земские самоуправления — обильный и доброкачественный материал для построения проекта демократического государственного строя, более совершенного и более соответствующего духу русского народа. Мне кажется, что в этом материале можно отыскать и то, что может предохранить нас от действительно существующего в Европе парламентского кризиса. Было бы крайне желательным, чтобы докладчик обратил внимание на настоящее мое замечание и снял бы с себя обвинение, которое он обратил партии.

Было бы нелишним узнать, какую избирательную систему предполагает докладчик. В постройке всякого здания, в том числе государственного, имеет огромное значение и то, как оно строится.

По вопросу о федерации я, судя по докладу, занимаю иную точку зрения, чем докладчик. Он принципиально не отрицает федерацию, но рекомендует от нее пока воздержаться, ибо после падения большевиков проведение ее может повести к распаду всей государственности. Он надеется, что до федерации Россия дойдет, но на первое время, по его мнению, достаточно широкого местного самоуправления.

Я, в противоположность докладчику, принципиально, как социалист, возражаю против федерации и могу ее принять только в том случае, когда все разумные усилия бесплодно исчерпаны и когда отказ от нее может повести к большим потрясениям, к резне. По существу мы вряд ли сильно расходимся с докладчиком. Мне почему-то думается, что он обходит прямую постановку этого весьма острого вопроса. Я же ставлю его прямо.

По моему мнению, ни одна из форм развития общества не может быть на вечные времена и при разных исторических условиях, при разных ступенях развития народов, их культур быть неизменно прогрессивной. Прогрессивная сегодня, при данных условиях и обстановке — может на завтра, в ином месте и обстоятельствах, стать регрессивной.

Так же обстоит дело и с федерацией. Сейчас в Европе идея федерации — несомненно, идея прогрессивная. Она ведет к устранению обособления, разрозненности и вражды существующих в Европе самостоятельных государств, к содружеству, к согласованию их интересов и нужд и намечает путь к их полному в дальнейшем объединению в единое государство. Наоборот, для России идея федерации — идея регрессивная. Осуществление ее ведет к распаду целого на час-

ти, хотя бы и в формах «союзного государства». Как социалист, задачей и обязанностью которого должно быть объединение, а не разъединение, я не могу быть принципиальным сторонником федерации, ибо социализм мыслится как создание единого общества социалистического. Как социалист я могу быть принужденным принять федерацию и согласиться на нее в силу крайней необходимости, но не могу пропагандировать и декларировать ее. Как-то, в частном разговоре я спросил одного из товарищей, принципиального сторонника федерации: «а скажите, лучше было бы, если бы в России не потребовалось осуществлять федерацию, и Россия сохранилась бы как единая демократическая республика, в которой культурные и бытовые особенности национальностей нашли бы свое полное разрешение и удовлетворение через органы местного самоуправления»? Он ответил: «да, так было бы лучше». Так вот, я хочу этого лучшего. Я понимаю возникновение идеи федерации в эпоху самодержавий. Она психологически естественна. Но в условиях самодержавия она фактически была не осуществима. В условиях демократической республики она осуществима, но психологически неестественна, а практически нецелесообразна и вредна. Демократическая республика, как и всякого гражданина, также всех национальных своих членов делает одинаково равноправными. Их культурные и бытовые особенности, как я уже сказал, могут быть удовлетворены в местных самоуправлениях. Я — малоросс по происхождению. Но я предпочитаю быть гражданином большого государства, как человек и как социалист. Для меня, как для социалиста, предпочтительнее мелкому большому плацдарм для развития поступательного хода социализма.

В условиях демократического строя стремление к федерации может быть объяснимо только разжиганием шовинизма, базирующегося на перенесении вины с бывшей политики самодержавия на голову великоруссов. Но ведь этот «тюремщик народов» был в одной тюрьме с другими национальностями. И сейчас он в одной тюрьме, хотя на ней вместо двуглавого орла — серп и молот, и крупная надпись «федеративная». Ссылаться на эту вывеску как на аргумент необходимости федерации не следовало бы. А затем, мне думается, что к национальной федерации мы подходим вообще легкомысленно, без надлежащего всестороннего и тщательного изучения этого вопроса. На существующие в мире федерации мы не можем ссылаться и не можем их брать за образец в доказательство в пользу национальной федерации, ибо это — федерации не национальные. Национальная федерация — один из сложнейших и больших вопросов и подходить к нему так, с кондачка, непозволительно. В Австро-Венгрии ставился этот вопрос, но не был разрешен и не дал нам готовых образцов. Война разрешила национальный вопрос в Австро-Венгрии, как известно, не в духе федерации.

Практическое разрешение федерации и немыслимо удовлетворительное, в особенности в России, где такая масса национальностей. Осуществление ее обострит национальный вопрос и создаст совершенно неразрешимую задачу о национальных меньшинствах, вкрапленных в среду небольших или даже карликовых федеральных государственных образований. И как, по какому признаку должны устанавливаться границы этих федеральных единиц? О, некоторые

принципиальные сторонники федерации просто выходят из затруднительного положения. Они — неоднократно приходилось слышать раньше — заявляют, что в России не будет много федераций. Почему? Да потому, что многим не дадим ее. Не правда ли, недурная принципиальность.

Нет, избавьте нас от такого разрешения вопроса о федерации. Это вероломство, и неприципиальная позиция. Дадите тому, кому нельзя не дать, кто вырвет сам зубами, и не дадите тому, у кого нет зубов, кого можно прижать. Таковую политику я считаю опасной и вредной. Лучшая политика — честная. Об этом не следовало бы говорить социалисту социалистам. Принципиальное принятие федерации, ее декларирование — означает, что федерацию получает каждая нация, которая выявит к тому свою волю.

Вопрос о федерации должен быть основательно продуман при обсуждении национального вопроса. Но и при обсуждении государственного строя нельзя его не коснуться или коснуться мимоходом. Если демократическая ф е д е р а т и в н а я республика, то почему. Поэтому я счел необходимым, хотя и далеко неполно, но все же остановиться на этом вопросе подробнее, чем это сделал докладчик.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Вишняк Марк Вениаминович (1883—1975) — сын купца 1-й гильдии. Окончил в 1901 г. Московскую гимназию с серебряной медалью, учился в Берлине и Фрайбурге (Германия), окончил, будучи нелегалом, юридический факультет Московского университета (1908). В революционном движении с 1905 г., эсер, делегат I съезда ПСР. Участник Московского восстания 1905 года. В 1906 г. эмигрировал. Добровольно вернулся и в 1910 г. выслан в Нарымский край на 4 года, освобожден досрочно по болезни. 4 раза подвергался арестам. С 1912 г. — вольноопределяющийся, с 1914 г. служил в Союзе городов. В 1917 г. — член Особого совещания по УС, участник Государственного и Демократического совещаний, секретарь Предпарламента. Член Исполкома всероссийского Совета КД. Делегат III съезда ПСР. Избран как обязательный кандидат ПСР в УС в Тверском и Ярославском округах, член бюро фракции, секретарь УС, участник заседания 5 января. В 1918 г. был арестован в Киеве при гетмане Скоропадском. Сторонник широкой антибольшевистской коалиции. С 1919 г. — эмигрант, жил во Франции, затем в США. Редактор журнала «Современные записки». См.: ПРОТАСОВ Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М. 2008, с. 273.

Защита Транссибирской магистрали от диверсий в годы первой мировой войны

Н.В. Греков

Великая Сибирская (Транссибирская) магистраль к 1914 г. была самой протяженной в мире железной дорогой. Она объединила Центральную Россию, Сибирь и Дальний Восток в единое военно-стратегическое пространство. Линия дороги Челябинск — Владивосток, длиной почти 7,5 тыс. верст, пролегла от Урала до Тихого океана.

С началом войны балтийские и черноморские порты России были блокированы неприятелем. Для торговых контактов с внешним миром и, прежде всего, — с союзниками, у России остались два порта — Архангельск, имевший выход на железнодорожную сеть страны только через узкоколейную дорогу, и Владивосток, связанный с центром линией Транссиба. По ироничному замечанию очевидца, Россия «уподобилась заколоченному дому, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу»¹.

В этот период резко изменился характер военных перевозок по Транссибирской магистрали. Дорога подтвердила свое стратегическое значение, но если до 1914 г. ее предполагалось использовать для переброски войск и боевого снаряжения из центральных губерний России на Дальний Восток при возникновении там угрозы войны, то с июля 1914 г. главный поток грузов пошел в обратном направлении. Во Владивосток из Японии и Северной Америки морем доставляли оружие, боеприпасы, промышленное оборудование, локомотивы, железнодорожные вагоны, рельсы и многое другое². Только в 1915 г. Россия получила из Японии 481 тыс. винтовок и 366 полевых орудий³. Кроме того, по сибирским дорогам перевозили хлеб для населения промышленных районов империи, продовольствие и фураж для армии. Объемы работы транспорта возросли многократно.

В 1915—1916 гг. основное звено Транссиба — Томская, Омская и Забайкальская дороги — перевезли 1 279 млн пудов грузов и более 27 млн пассажиров⁴. Значительная часть перевозок была связана с

Греков Николай Владимирович — доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета путей сообщения.

потребностями армии. В 1915—1916 гг. по Омской дороге проследовало 4 871 562 «воинских чина», что составило 53,8% общего числа ее пассажиров⁵.

Напряженная работа Сибирской магистрали не могла не привлечь внимание противника. Ведь в случае успеха диверсии на сибирских дорогах (взрывы и поджоги) способны были не просто нарушить режим перевозок, но и нанести тяжелый удар по военному престижу империи. Это понимали в русских правительственных кругах и потому придавали особое значение защите линий Транссиба. Изначально разрозненные действия многих ведомств в процессе решения этой проблемы стихийно слились в масштабную военно-политическую операцию по обеспечению безопасности магистрали. Защита сибирских дорог в годы войны стала, пожалуй, единственной сферой противоборства, где Россия сумела победить. Однако этот успех не был замечен современниками и не оставил следа в историографии.

В настоящей статье реконструированы основные направления и формы деятельности государственных структур империи по предотвращению диверсий Германии и Австро-Венгрии на Сибирской железнодорожной магистрали. Основное внимание уделено трем из пяти дорог Транссиба: Омской, Томской и Забайкальской, пролежавшим по Западной и Восточной Сибири⁶. Общая протяженность этих дорог составляла 6 933 км (70,9% всех линий Транссиба). Именно по ним шли самые напряженные грузопотоки⁷.

Русско-японская война положила начало разработке принципов охраны сибирских дорог. Однако потрясшие страну в 1905 г. забастовки железнодорожников заставили правительство сконцентрировать свое внимание на внутренних угрозах безопасности дорог. Опыт борьбы с рабочими подвел власти к идее объединения усилий военного, железнодорожного и жандармского ведомств ради обеспечения «спокойной работы» железных дорог России.

На основании императорского Указа правительствующему Сенату от 14 декабря 1905 г. министр путей сообщения получил право вводить чрезвычайные меры охраны на отдельных линиях железных дорог империи. После введения этих мер дорога поступала в распоряжение особого комитета при управлении данной дорогой. Председателем комитета становился ее начальник, членами — заведующий передвижением войск района и начальник жандармского полицейского управления соответствующей дороги. Руководил деятельностью всех особых комитетов Главный комитет по охране железных дорог. В его состав вошли: начальник Управления железных дорог МПС, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и начальник Управления военных сообщений Генерального штаба.

Особые комитеты должны были обеспечить охрану «внешнего порядка, непрерывности и правильности действия дороги», а также «наблюдение за должным исполнением всеми служащими лежащих на них обязанностей»⁸. По существу, изначально целью особых комитетов являлась борьба с забастовками и подавление антиправительственных выступлений в полосе отчуждения дорог. Восстанавливать «надлежащий порядок» собирались быстро и безжалостно с помощью железнодорожных «летучих отрядов». В состав каждого отряда входили: пехотная рота, взвод кавалерии при двух пулеметах (в случае не-

обходимости добавляли два артиллерийских орудия) с полным боекомплектом, команда жандармов, путейские и запасные паровозные бригады. На каждой дороге формировали от 3 до 5 отрядов. Для их передвижения по линии были зарезервированы особые «охранные поезда». Кроме того, жандармские управления имели право в экстренных случаях формировать «вспомогательные поезда»⁹. Поскольку власти готовились к схватке с врагом внутренним, вопросам защиты дорог от диверсий врага внешнего в инструкциях места не нашлось.

Транссибирская магистраль проходила по территории Казанского, Омского, Иркутского и Приамурского военных округов. В мирное время каждый штаб самостоятельно разрабатывал собственные меры охраны в зоне своей ответственности. Как правило, линию дороги делили на ротные участки (от 300 до 550 км), а сами охранные роты поступали в подчинение старшему офицеру, начальнику отдела охраны. Войска должны были усилить постоянную охрану дорог мирного времени — железнодорожную жандармерию и вольнонаемную стражу. По планам Омского штаба, в случае войны дороги его района, протяженностью 2 516 км, должны были охранять 870 солдат и жандармов, а также около 400 наемных стражников¹⁰. С учетом протяженности дорог следует признать, что охрану планировали весьма немногочисленную.

Генеральный штаб и военные округа не готовили специальных антидиверсионных мероприятий. Обычные армейские подразделения накануне объявления мобилизации должны были просто выставить посты у наиболее важных объектов на линии дорог.

Война не застала врасплох русское железнодорожное ведомство. 14 июля 1914 г., за пять дней до официального объявления войны, решением министра путей сообщения на стратегически важных дорогах европейской части империи были введены чрезвычайные меры охраны. 15 июля шифрованной телеграммой управляющий МПС приказал ввести чрезвычайные меры охраны на сибирских дорогах и «незамедлительно» создать особые комитеты¹¹.

Все было исполнено без промедления. Одновременно в столице приступил к работе Главный комитет по охране железных дорог. К началу мобилизационных перевозок армейские караулы уже стояли на дорогах.

Действия властей по защите железных дорог от диверсий противника можно свести в три блока: организация вооруженной охраны, поддержание ее боеготовности, осуществление специальных дипломатических, полицейских и контрразведывательных акций. Эти виды деятельности были тесно связаны между собой, что позволяет выделить общие этапы их развития. Первый (июль 1914 г. — февраль 1915 г.) характеризуется корректировкой довоенных взглядов на организацию охраны дорог и поиском способов противодиверсионной защиты. Определяющей чертой второго периода (март 1915 г. — апрель 1916 г.) стало усложнение и совершенствование системы охраны. На протяжении третьего периода (май 1916 г. — лето 1917 г.) нарастала мозаичность охранных мероприятий и непоследовательность в их реализации под влиянием транспортного кризиса.

В первые дни войны охрану расставили по дорогам в соответствии с заранее разработанными схемами. Рациональная умеренность

в построении охраны исчезла после того, как в августе 1914 г. сибирские дороги были объявлены на «военном положении». Так, командующий Омским военным округом, он же главноначальствующий в полосе отчуждения Сибирской и Омской дорог, немедленно увеличил армейскую стражу в 5 раз. На участке Тюмень — Омск вместо 92 было выставлено 696 солдат. На станции были высланы усиленные дозоры, все без исключения мосты взяты под охрану¹². Видимо, генерал руководствовался простой мыслью: чем больше народа с оружием будет стоять вдоль дорог, тем надежнее будет обеспечена их безопасность. Однако вскоре выяснилось, что излишне многочисленные посты и караулы сковали работу дорог.

Часовые у мостов, водонапорных башен, депо без разрешения караульных начальников не подпускали посторонних к охраняемым объектам. Беда была в том, что «посторонними» оказывались рабочие, обслуживавшие эти объекты. Только теперь обнаружили, что заранее никто не продумал детали взаимодействия военных и железнодорожников. Караул соглашался пропускать рабочих лишь в присутствии старших агентов дороги. Инженеров и мастеров постоянно отвлекали от основных обязанностей, среди рабочих начала падать дисциплина.

Управления дорог потребовали немедленно сократить число постов на объектах¹³. Согласование новых схем охраны заняло еще три месяца. Штабы оказались в полной растерянности: сколько нужно войск для защиты дорог, как и от кого их защищать? Дело в том, что Россия готовилась к скоротечной войне. Подобно планам работы транспорта, планы охраны дорог были рассчитаны на время мобилизации и последующий за ней краткий период. Однако война затягивалась. Нервозность первых месяцев прошла. Оказалось, что все спонтанные решения кроме путаницы и помех в работу транспорта ничего не принесли. Враг себя ничем не обнаружил. Единственная зримая угроза железным дорогам Сибири исходила от ехавших на фронт солдат-запасников. В поисках спиртного они грабили торговые лавки и разбивали станционные буфеты. Под давлением железнодорожников количество охраняемых объектов и число солдат возле них были сведены к минимуму.

Но с весны 1915 г. по мере роста обнаруженных властями угроз, вновь начался постепенный рост армейского контингента на сибирских дорогах, не прекращавшийся до весны 1917 года.

К 1916 г. Транссибирскую магистраль охраняли около 7,5 тыс. военных. В 5-и жандармских полицейских управлениях (ЖПУ) Транссиба службу несли 1 030 офицеров и унтер-офицеров. Кроме того, по решению особых комитетов были вооружены около 2 тыс. линейных служащих дорог. Им помогали 1 100 вольнонаемных стражников. По приблизительным подсчетам в разные периоды войны на дорогах магистральной находилось от 9 до 12 тыс. вооруженных людей¹⁴.

В течение 1914—1917 гг. неизменной оставалась структура управления многотысячной охраной дорог. Возглавляли охрану командующие округами, они также были главноначальствующими в полосе отчуждения дорог. Им подчинялись начальники отделов охраны, каждый отвечал за сектор дорог, разделенный на ротные участки. Наряду с армейским аппаратом действовали особые комитеты при управлениях дорог. Они имели двойное подчинение: местное — ко-

манующему округом и центральное — Главному комитету охраны дорог.

Сибирские железные дороги находились в тысячах верст от фронта, но это не гарантировало их безопасность. Агентура противника работала напористо и изобретательно. В питерской Охте был взорван динамитный завод, в порту Архангельска организован пожар. В нескольких местах германцы разрушили железнодорожную линию Ровно-Броды. Разведка Австро-Венгрии пыталась расстроить движение на железной дороге Архангельск — Вологда. Активную диверсионную деятельность немцы развернули в Северной Америке и Азии¹⁵. Тревожная информация о готовящихся взрывах сибирских дорог поступала в правительство постоянно и, главное, из разных источников. Основным поставщиком сведений была разведка. По своим каналам информацию получали Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), штаб Верховного главнокомандующего, Департамент полиции МВД, Министерство иностранных дел. Особая роль Транссиба заставляла всех забыть традиционную межведомственную конкуренцию, обмениваться сведениями и действовать сообща.

Принятый бюрократический порядок предполагал, что глава ведомства, первым получившего информацию о возможных покушениях на железные дороги, должен был поставить об этом в известность министра путей сообщения, тот, в свою очередь, уведомлял Главный комитет охраны дорог, а последний обязывал особые комитеты изыскивать способы нейтрализации новых угроз. Однако порядок этот редко соблюдался. Строгая последовательность в передаче информации отсутствовала. ГУГШ прежде всего оповещало Департамент полиции МВД и штабы округов. В Департаменте считали необходимым извещать сибирских жандармов, МИД и Генштаб, зачастую минуя МПС с его Главным комитетом.

Сигналы центра сибирским властям можно разделить на два уровня: предупреждения и особые сообщения с требованием принятия экстраординарных мер охраны. Первый уровень составляли предостережения общего плана. Так, 4 сентября 1914 г. сибирские ЖПУ были оповещены о том, что Германия «командировала в Россию 200 молодых людей, переодетых учащимися, специально для взрывания мостов»¹⁶. 3 марта 1916 г. ГУГШ шифрованной телеграммой информировало штаб Омского военного округа: «... получены сообщения о том, что наши противники не оставляют мысли о взрыве мостов в тыловом расположении наших войск». 13 апреля 1916 г. Департамент полиции предупредил начальников сибирских ЖПУ: «...в виду полученных указаний на принятие немцами через своих агентов мер к взрывам и порче железных дорог, мостов и т.п. сооружений военного характера... просим Вас озаботиться установлением самого строгого наблюдения за появившимися вблизи означенных сооружений подозреваемыми лицами»¹⁷.

Десятки подобных посланий центра, в силу своей неконкретности, мало помогали обнаружению «злоумышленников», зато позволяли регулярно напоминать сибирякам о нависавшей над их дорогами угрозе. Впрочем, уже в 1914 г. стало ясно, что держать систему охраны в постоянном напряжении не удастся. Поэтому с лета 1915 г. центр начал инициировать специальные операции по максимальному

усилению охраны Транссиба на период перевозки больших партий военных грузов из Японии и Северной Америки. В конце сентября 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего телеграфировал министру путей сообщения А.Ф. Трепову: «Имеются сведения, что германцами прилагаются особые усилия для подкупа частных лиц, и особенно железнодорожных служащих Сибирской дороги, чтобы устроить подрыв сооружений, мостов, внести расстройство движения на предстоящее время усиленной перевозки грузов. Его Величество повелел сообщить Вам для усиления охраны...»¹⁸.

Главный комитет предложил сибирским особым комитетам еще раз пересмотреть способы охраны и расклеить «на видных местах» плакаты с обещанием тяжких наказаний всем вредителям. В Сибири знали, что плакаты делу не помогут, и решили просто увеличить воинскую охрану. Обычно на время «повышенной готовности» воинские команды увеличивали на 20—25%, а спустя пару недель, когда особые комитеты приходили к выводу, что важные перевозки вне опасности, то без распоряжений центра охрану немного сокращали, чтобы еще больше увеличить при следующей тревоге.

Штабы сибирских военных округов не довольствовались ролью пассивных исполнителей приказов Петрограда и пытались на равных включиться в процесс регулирования режима охраны дорог. За время войны в рамках отношений Генерального штаба со штабами округов сложился особый стиль взаимного запугивания. Центру периодически требовался предлог для того, чтобы сконцентрировать внимание местных властей на охране дорог. Окружные штабы, демонстрируя бдительность и усердие, поставляли в столицу малодостоверные, но убедительно скомпонованные доказательства активности противника в глубоком тылу. На основании полученной информации Главное управление Генштаба, в свою очередь, строго предписывало окружным штабам усилить охрану железных дорог. По прошествии некоторого времени округа, выполнив требования центра, вновь слали в ГУГШ вести о якобы готовившихся диверсиях и опять получали приказ усилить бдительность со ссылкой на полученные от одного из штабов сведения. Так могло длиться без конца. Главное — это устраивало всех. Сибирские штабы получали возможность привлекать к себе внимание центра, а ГУГШ получало регулярные подтверждения пользы своих однообразных циркуляров. Постепенно совершенствование защиты железных дорог стало приоритетным направлением в деятельности сибирских окружных штабов. Некоторое плутовство штабов в донесениях центру и его ответная реакция, в конечном счете, способствовали действительному усилению контроля за состоянием охраны железных дорог.

Специальный государственный орган, который бы возглавил охрану всей Транссибирской магистрали, не планировался и не был создан. Однако сходный характер угроз и наличных ресурсов для их нейтрализации, соседская взаимозависимость, близкие условия работы транспорта привели к тому, что на всех дорогах Транссиба к середине 1915 г. ввели практически одинаковые меры безопасности. В результате, независимо от центра и его планов, стихийно возникла локальная система охраны сибирской магистрали с устойчивыми горизонтальными связями между штабами округов, особыми комите-

тами дорог и жандармскими управлениями. Постепенно инициатива на местах крепла и реальное руководство охраной магистрали общегосударственного значения уходило из центра вниз.

Ключевыми объектами охраны Сибирской магистрали стали железнодорожные мосты. Их было много. Только на линии Челябинск — Иркутск, протяженностью 3 236 км, насчитывалось 1 077 мостов, из них 19 крупных металлических мостов на каменных опорах ¹⁹.

Несмотря на то, что мосты всегда признавались самыми ценными и, одновременно, уязвимыми сооружениями, в довоенный период ясного представления о способах и специфике их охраны ни у кого не было. В первые недели войны мостам уделяли внимания не больше, чем прочим искусственным сооружениям. Следуя указаниям центра, особые комитеты весь мобилизационный период готовились к подавлению ожидаемых забастовок железнодорожников. Между тем, в августе 1914 г. Австро-Венгрия организовала ряд успешных диверсий в Сербии, в частности, были взорваны два железнодорожных моста через Мораву и ущелье Тимок ²⁰.

4 августа 1914 г. начальник штаба Иркутского военного округа известил жандармские управления о том, что германцы направили из Китая диверсионные группы для разрушения мостов и тоннелей на Сибирской и Забайкальской железных дорогах. И только теперь выяснилось, что никто не знает, как защищать мосты. 23 августа 1914 г. Министерство путей сообщения обязало все управления дорог России в кратчайшие сроки определить способы охраны железнодорожных мостов. К процессу спешно подключилась армия. Командующий Омским военным округом срочно сформировал комиссию для разработки мер охраны мостов Западной Сибири. В течение 8 суток члены комиссии изучали линию дороги, словно она пролегла по захваченной у неприятеля местности, и обследовать ее раньше не было никакой возможности. Только на третий месяц войны, наконец, были выработаны правила охраны сибирских мостов. Посты были выставлены на всех мостах, длиной более 20 метров. Однако на этом вопрос не был закрыт. С октября 1914 до марта 1917 г. особые комитеты постоянно пересматривали число охраняемых мостов. Так, на линии Челябинск — Красноярск — Иркутск в июле 1914 г. Иркутский и Омский военные округа выставили посты на 23 мостах, в январе 1915 г. — на 21, в октябре 1915 г. — на 27 ²¹.

Особые комитеты продолжали дополнять правила охраны новыми положениями. К зиме 1914 г. все вероятные угрозы были рассмотрены, и все меры их нейтрализации приняты. Поэтому 23 декабря 1914 г. в ответ на требование Генштаба еще более усилить охрану железнодорожных мостов, начальник Омской железной дороги с достоинством заявил: «осуществленные уже на дороге меры достаточны» ²².

Постепенно сложился следующий порядок: все большие мосты, длиной свыше 30 сажень (64 м и более), охраняли войска, от 10 до 30 сажень — вольнонаемная стража, на прочих мостах или сидели мостовые сторожа или постоянной охраны не было вовсе. На Томской и Омской дорогах малые мосты раз в сутки проверяли путевые сторожа. На Забайкальской дороге решили взять под охрану все мосты, длиной более 5 сажень ²³.

Главное внимание власти уделяли большим мостам. У подходов к ним под береговыми пролетами выставляли часовых. Когда реки были свободны ото льда, у крупных мостов дежурили катера и лодки с солдатами. Для защиты мостов через Енисей, Обь, Иртыш, Ишим и Тобол на расстоянии версты вверх по течению ставили дополнительные посты с лодками и катерами, а с 1916 г. — еще по одному посту за 5 верст. Были разработаны правила охраны и освещения в зимнее время.

Кроме того, жандармы и армейские команды осматривали поезда перед их проходом по крупным мостам, а затем сопровождали до следующей за мостом остановки, чтобы пресечь возможные попытки разрушений мостов брошенными из вагонов взрывными устройствами. Солдаты даже располагались в коридорах пассажирских вагонов, а поездная прислуга следила за тем, чтобы никто не открывал окна. Иногда особо нервные часовые с моста открывали огонь по появившимся в окнах вагонов людям.

10 сентября 1914 г. Главный комитет рекомендовал устанавливать решетки в окнах всех пассажирских вагонов в целях «предупреждения выбрасывания из вагона бомб при проходе мостов». И никто не задумался, можно ли вообще разрушить железнодорожный мост легким снарядом. Начальник 14-й Сибирской стрелковой дивизии генерал Редько попытался образумить коллег. В докладе командующему округом он подчеркнул: «...даже при закрытых окнах невозможно помешать злоумышленнику выбросить из окна отдельного купе бомбу», но и удачно брошенная бомба не разрушит мост. На дорогах Западной Сибири избыточные запреты временно были сняты, но продолжали действовать на других дорогах страны. В апреле 1916 г. по предложению командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого, Главный комитет признал необходимым запираить все двери вагонов на замок при следовании через большие мосты²⁴. Такие рекомендации подстегивали фантазию властей на местах.

Особые комитеты сибирских дорог каждый месяц уточняли старые и вводили новые правила охраны, все более погружаясь в мелочную детализацию надуманных мер предосторожности. Об очередных нововведениях доносили штабам округов и Главному комитету. Таким образом, создавали видимость беспрестанного приращения бдительности, хотя на самом деле все действительно полезные меры охраны были реализованы еще в первый год войны. Зато постоянно росла численность воинских команд на мостах. Так, мост через Обь в июле 1914 г. охраняли 32 военнослужащих, в январе 1915 г. — 51, в октябре 1915 г. — 148; мост через Иртыш, соответственно — 32, 51 и 184; мост через Тобол — 32, 51 и 101 нижний чин²⁵.

Многолюдную охрану у особо важных жандармских объектов выставляли во всех военных округах. Например, осенью 1916 г. Александровский железнодорожный мост через Волгу охраняли 219 солдат, мост через Каму — 147. Тоннели на участке Байкал — Слюдянка Забайкальской железной дороги охраняли 440 рядовых и унтер-офицеров²⁶.

Власть предпочитала простые решения, и поэтому общая численность охранного контингента стабильно возрастала. Предел росту

ставила потребность фронта в пополнениях. Если в Казанском и Омском военных округах после очередной отправки частей в действующую армию численность охраны быстро восстанавливали за счет запасников, то в бедном людскими ресурсами Иркутском округе выделять дорогам требуемый контингент было все труднее. Вторым препятствием служило отсутствие у железных дорог средств на постройку теплых бараков для охраны.

Простое наращивание войск в полосе отчуждения дорог само по себе еще не гарантировало безопасности объектов. Необходимо было обеспечить добросовестное несение солдатами караульной службы. Первые три месяца войны охрана дорог была поручена подразделениям стрелковых дивизий мирного времени. Но с октября 1914 г. после ухода кадровых частей на фронт, на охрану дорог заступили дружины ополченческих корпусов. Боевая выучка ратников была слабой, а дисциплина в дружинах зачастую поддерживалась лишь страхом наказаний. Подобная воинская охрана могла более-менее сносно выполнять свои обязанности, лишь находясь под постоянным надзором начальства. Между тем, ратники, назначенные в караулы на железную дорогу, фактически оказывались вне контроля офицеров. Командиры не могли держать под круглосуточным наблюдением караулы, рассредоточенные на десятки и сотни верст по линиям дорог. Не видя рядом офицера, ратники нередко ощущали себя свободными от несения всякой службы. Разнообразные комиссии регулярно проверяли состояние охраны дорог, но пользы не приносили. Заранее извещенные начальством о прибытии инспекторов, охранные команды встречали их в полной готовности. Проверяющие, ознакомившись с расстановкой постов и бытом ратников, как правило, выражали удовлетворение состоянием охраны, сделав «для порядка» несколько поверхностных заключений. Так, генерал-инженер Саранчёв остался доволен организацией охраны Александровского моста и был огорчен лишь тем, что ратники в строю недостаточно выровнены и «примем “на молитву”! делают не все»²⁷. А вот внезапные проверки, особенно ночные, давали самые удручающие результаты.

К концу 1915 г. похожая ситуация сложилась и на других дорогах страны. С января 1916 г. Генеральный штаб разрешил привлекать жандармов к проверке несения войсками охранной службы на железных дорогах. Начальникам ЖПУ были предоставлены права начальников гарнизонов, офицерам — права дежурных по караулу²⁸. Жандармские унтер-офицеры следили за часовыми на мостах и станциях, сопровождали поезда с особо важными грузами, наблюдая за воинским конвоем. На некоторое время это новшество позволило укрепить дисциплину в охранных командах.

Обеспечение безопасности Транссиба предполагало масштабное использование полицейских методов контроля. Согласно рапортам, поступившим в Петроград, к 1916 г. ЖПУ Сибирской магистрали вели постоянное наблюдение за проживавшими в полосе отчуждения подданными нейтральных государств, осуществляли проверку принимаемых на дорогу служащих. Особый надзор был установлен за жителями поселков близ крупных мостов. Для раскрытия «готовящихся покушений» жандармская агентура была внедрена в среду железнодорожников и военнопленных²⁹.

Как и любая система, созданная для противодействия внешней опасности, охрана сибирских дорог не могла долго существовать в отрыве от противника. Отсутствие контакта с ним приводит подобную систему к гибели³⁰. Поэтому в целях самосохранения система начинает «достраивать» реальность, находя или изобретая врага. Охране Сибирской магистрали такой враг явился в образе «германских аэропланов».

Если верить армейским рапортам, 8 августа 1914 г. часовые увидели в небе над участком железной дороги Тюмень — Омск неизвестный летательный аппарат, который двигался к Омску, зависая над мостами и разъездами³¹. Вскоре движущиеся объекты были замечены в небе над Забайкальской дорогой (Иркутский военный округ) и над Пермской дорогой (Казанский округ). Случайные наблюдатели (солдаты, крестьяне, путевые рабочие) по-разному описывали увиденные ими летающие устройства. Сегодня трудно понять, что же это было на самом деле — массовые галлюцинации, искусная мистификация или банальные выдумки. Поскольку русских самолетов в Сибири тогда не было, небесные сюрпризы были официально объявлены «германскими аэропланами». Штаб Омского округа пришел к заключению, что их сборка производится немцами в «глухих местах», а полеты осуществляются с целью разрушения железных дорог. Начальники штабов Иркутского и Омского округов отдали приказ частям охраны дорог открывать огонь по аэропланам³². Осенью 1914 г. войска вдоль всей Транссибирской магистрали приготовились отражать нападение с воздуха, хотя не было ни единого факта, подтверждавшего обоснованность тревоги. Генеральный штаб был обеспокоен поступавшими из Сибири донесениями и обратился в Департамент полиции с просьбой провести розыск «тайных ангаров»³³. Но ни полиция, ни жандармы ничего не нашли. 7 октября 1914 г. военный министр В.А. Сухомлинов запретил обстрел летательных аппаратов в местностях, не входящих в состав театра военных действий. Смягчая тон запрета и.д. генерал-квартирмейстера ГУГШ Н.А. Монкевиц разъяснил, что открытие огня на линии сибирских дорог «в случаях сомнительного появления аэропланов» нанесет несравненно больший ущерб работе транспорта, чем можно было ожидать от реальных самолетов противника³⁴. Летом 1915 г. сибирские власти вновь развернули «антиаэроплановую» кампанию. Теперь было решено искать агентов-авиаторов среди немецких колонистов, а неуловимые летательные аппараты — в их усадьбах. 15 августа 1915 г. командующий войсками Омского округа генерал от кавалерии Н.А. Сухомлинов призвал жителей Степного края помочь обнаружить аэропланы. Генерал заявил: «Целью появления аэроплана в Степном крае может служить попытка повредить железнодорожные мосты и саму железную дорогу. Поэтому вопрос о расследовании места, где скрывается указанный аэроплан, становится вопросом первостепенной государственной важности»³⁵.

«Всенародные» поиски вражеских самолетов вылились в травлю обосновавшихся вблизи железных дорог немецких колонистов. Полиция и добровольцы круглосуточно следили за немецкими хуторами и поселками, казаки патрулировали окрестности, но аэропланов так и не нашли. По линии Транссиба вновь была объявлена «воздушная» тревога. На железнодорожных мостах выставили посты наблюдения

за воздухом, было решено прекратить освещение ночью крупных мостов. Удивляло одно: летательные аппараты так ни разу и не атаковали железную дорогу. Среди солдат и рабочих начали крепнуть сомнения в реальности существования вражеских самолетов. Эти сомнения нужно было срочно развеять. 1 января 1916 г. заведующий передвижением войск Иркутского района подполковник Чириков сообщил по линии, что над горами юго-западного берега озера Байкал рабочие видели аэроплан, а позже часовые слышали три взрыва в горах выше тоннелей № 35 и 36. Так новые доказательства существования угрозы были получены, а особые комитеты обязали всех без исключения железнодорожников, имевших оружие, при появлении аэропланов открывать по ним огонь и стрелять, пока те не упадут или не улетят ³⁶.

Насколько командование округов и управления дорог верили в реальность неизвестных летательных аппаратов, остается загадкой. Тем не менее, они использовали эту мнимую угрозу для того, чтобы укрепить дисциплину среди служащих дорог, стряхнуть с охраны налет тыловой беспечности. Генштаб изменил свое отношение к «анти-аэроплановой» кампании и, видимо, оценив ее выгоды, больше не препятствовал сибирским властям.

Низкая эффективность и противоречивость управленческих решений были характерные для государственного аппарата последних лет империи и наложили печать абсурда на систему обеспечения безопасности железных дорог. Проводя колоссальную работу по организации охраны Транссибирской магистрали, власти сами же ставили под угрозу их безопасность, привлекая к обслуживанию военнопленных и иностранных рабочих.

На 1 января 1915 г. в Сибири были размещены 186 тыс. пленных солдат и офицеров противника. К лету 1915 г. количество пленных в сибирских округах возросло и достигло: в Иркутском — 200 тыс., в Омском — 152 тыс. человек ³⁷.

До войны и в первые ее месяцы сама мысль об использовании труда пленных солдат в полосе отчуждения дорог русским военным казалась безоговорочно неприемлемой. 30 сентября 1914 г. командующий Омским округом приказал начальникам гарнизонов «иметь за всеми военнопленными строжайший надзор, не позволять им подходить к железной дороге ближе одной версты». Однако администрация дорог имела свой взгляд на эту проблему и тайком от штаба округа начала использовать бесплатный труд пленных на разгрузке вагонов. Узнав об этом, начальник штаба Омского округа 13 ноября 1914 г. официальным письмом напомнил управлениям дорог о запрете допуска пленных «ко всякого рода работам в полосе отчуждения» ³⁸. Впрочем, строгости держались недолго. Сибирские железные дороги постоянно нуждались в массе рабочих для очистки и ремонта пути, погрузочных и земляных работ. Обычно администрация нанимала сезонных рабочих из крестьян, проживавших поблизости. После ряда мобилизаций мужское население сибирских деревень значительно сократилось. Дороги попали в трудное положение.

Не только сибирские, но и прочие дороги России стремились заполучить в свое распоряжение военнопленных. Разгоревшийся осенью 1914 г. спор между МПС и ГУГШ о целесообразности использо-

вания труда пленных на железных дорогах империи к началу 1915 г. закончился победой железнодорожников.

Весной 1915 г. Омской дороге были выделены 5,5 тыс. военнопленных. Летом дорога пыталась выпросить еще 2 тыс. человек для ремонтных работ. Железнодорожники уверяли, что без помощи пленных не смогут обеспечить непрерывность движения поездов. Производственные проблемы заслонили важный вопрос: а кто же будет охранять тысячи пленных солдат, круглосуточно находящихся на линии дорог?

В начале июля 1915 г. МПС, напуганное известиями о готовящихся немцами диверсиях на сибирских дорогах, предложило управлению Омской дороги отказаться от труда пленных³⁹. Однако дорога уже не в состоянии была бы нормально функционировать, лишившись разом почти шести тысяч рабочих. Железнодорожное начальство согласилось взять на себя организацию охраны пленных, лишь бы их не отняли. В действительности же дороги не могли обеспечить серьезную охрану военнопленных, так как надзор за ними возложили на русских ремонтных рабочих и артельных старост, раздав им оружие⁴⁰.

Осенью 1915 г. только на участке Челябинск — Обь работало более 7 тыс. пленных. Охраняли эту армию кое-как, а сами пленные фактически перешли на положение сезонных рабочих. Армейское командование и управления дорог путались в собственных запретах. С одной стороны, власти, пытаясь подчеркнуть несвободное положение пленных рабочих, запрещали им находиться возле линии дорог, а с другой, — возлагали на них обязанности путейцев. Управления дорог требовали от начальников станций не допускать пленных на пути и перроны, но в то же время им поручали ремонт путей и станционных сооружений. Жандармам было приказано задерживать всех пленных, появившихся у станций, но никто не пытался на деле выполнять эту бесполезную работу.

Штаб корпуса жандармов со всей России получал сведения о пленных «бродящих без надзора» по железным дорогам. По мнению штаба, это ставило под угрозу непрерывность движения, поскольку пленные вполне могли осуществить взрывы и поджоги.

В феврале 1916 г. Петроград попытался внести ясность в запутанный вопрос: кто и как должен охранять пленных на железных дорогах? Общее руководство их охраной в полосе отчуждения было возложено на железнодорожных жандармов, а непосредственно караулить пленных должны были вольнонаемные стражники. Однако стражников не хватало, поэтому, невзирая на распоряжения центра, в Сибири охрану пленных по-прежнему возлагали на ремонтных рабочих. Трудившиеся бок о бок с пленными рабочие, в охранники не годились, да и сам характер труда исключал строгий надзор. К пленным привыкали, в них нуждались, а потому особенно к ним никто не придирался. Строгий контроль за ними существовал только в отчетах начальства. Бедственное состояние железнодорожного транспорта и хроническая нехватка рабочих постепенно лишали актуальности вопросы защиты тыловых дорог от неприятеля, оставляя единственно значимой проблему их выживания.

4 сентября 1916 г. шифрованной телеграммой МПС разрешило управлениям дорог привлекать пленных славян к работам в железно-

дорожных мастерских ⁴¹. Еще за год до этого Главный комитет по охране дорог считал преступлением даже краткое пребывание там пленных, но теперь транспортный кризис заставил забыть о всякой осторожности.

Аналогичные обстоятельства заставили русские власти в ходе войны изменить свое отношение к вопросам использования труда китайских рабочих на железных дорогах Сибири.

В первый период войны русские власти с подозрением смотрели на всех находившихся на территории империи китайцев. Обычно в них видели вероятных агентов японской разведки, но с началом войны Департамент полиции осенила мысль, что те же китайцы (торговцы, прислуга, разнорабочие и т.п.) вполне могут быть и агентами Германии. К началу сентября 1914 г. из Петрограда были высланы все китайские торговцы. В Сибири вероятность работы китайцев на Германию не вызывала у властей ни малейших сомнений. Эту гипотезу приняли легко и сразу. Энергичные меры по выдворению китайцев из страны начали осуществлять власти Западной Сибири. Старания были чрезмерны. В итоге правительство Китая выразило протест по поводу отношения к китайцам в России как к подданным враждебного государства ⁴².

Однако дефицит рабочей силы во всех отраслях экономики заставил русские власти, забыв страхи, изменить свой взгляд на роль трудовых мигрантов из Китая. За годы войны в Россию прибыло около 60 тыс. китайских рабочих ⁴³. 15 марта 1916 г. Совет Министров разрешил «применение труда» китайцев в районе между озером Байкал и правым берегом Волги за исключением 20-верстной полосы по обе стороны Сибирской магистрали. Нанятых в Китае рабочих специальными эшелонами пытались доставлять на предприятия. Но на сибирских станциях почти четверть контингента разбегалась из вагонов. Тысячи китайцев блуждали по России в поисках заработка. Мелкими группами они жались к рельсовым путям, чтобы иметь ориентир в незнакомой стране. В этих условиях все грозные предписания о «недопущении» китайцев к сибирским железным дорогам теряли смысл. Жандармы и армейская охрана пытались задерживать китайцев, но уследить за всеми было невозможно. Дорогам во все возраставшем количестве требовались землекопы, грузчики и т.п. Чтобы избежать срыва ремонтных и погрузочных работ на Транссибирской магистрали, Совет Министров, игнорируя протесты Главного комитета по охране дорог, разрешил использовать труд китайцев на Забайкальской, Томской и Омской дорогах ⁴⁴.

Таким образом, широкое и почти бесконтрольное использование военнопленных и иностранных рабочих на сибирских дорогах к 1917 г. вошло в полное противоречие со всеми предписаниями и инструкциями по обеспечению безопасности транспорта. Однако воспользоваться этой ситуацией и осуществить диверсии на дорогах Сибирской магистрали противнику не удалось. Прежде всего, серьезным препятствием стала многолюдность охраны значимых железнодорожных объектов. Вероятно, сказалась ограниченность возможностей разведывательных структур Германии и Австро-Венгрии. Кроме того, зарубежные операции русских спецслужб и мероприятия контрразведывательного характера в полосе отчуждения дорог

позволили до предела сузить круг потенциальных исполнителей диверсионных актов.

С первых дней войны русские спецслужбы (военная разведка, Департамент полиции МВД, контрразведывательные отделения) пытались выявить и разрушить неприятельские планы диверсий на железных дорогах. Чтобы выйти на германскую агентуру в России и предотвратить диверсии, сотрудники Департамента полиции (ДП) затеяли сложную игру с германской разведкой. Участник этой операции жандармский подполковник Эргардт в докладе заведующему заграничной агентурой ДП А.А. Красильникову среди прочего предлагал поддержать иллюзию активности «революционеров-диверсантов» и обеспечить доверие к ним со стороны противника путем публикации в столичных газетах ложных сообщений о взрывах мостов без указания конкретного места. В результате, по его мнению, «немцы будут ожидать спокойно дальнейших событий... и не будут искать других средств к выполнению задуманного ими плана»⁴⁵. И хотя перехитрить немцев не удалось, русские власти убедились в том, что противник ищет способы нанесения удара по Сибирской магистрали.

Для разведслужб Германии и Австро-Венгрии диверсии на сибирских дорогах были крайне желательной, но трудновыполнимой задачей. Засылка агентов из нейтральных стран Европы, а тем более транспортировка взрывчатки были сопряжены с огромным риском и практически не имели шансов на успех. Линии Забайкальской и Уссурийской дорог находились в непосредственной близости от китайской границы, не говоря уже о проходившей по территории Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги. Именно на китайской территории германцы могли создать базы для подготовки диверсий в Сибири. Это постоянно тревожило русских военных. Тайная разведка, которую совместно с французами и англичанами вели русские дипломаты, выявила наличие многочисленной германской агентуры. Например, знали, что германский консул в Тяньцзине осенью 1914 г. имел в своем распоряжении 87 агентов. Контрразведка штаба Иркутского округа установила 8 германских агентов, действовавших в Северной Маньчжурии⁴⁶. В начале января 1915 г. германский военный атташе капитан Вернер фон Паппенгейм возглавил диверсионную группу, тайно отправившуюся из Пекина разрушать русские дороги. Группа погибла в полном составе, так и не выполнив своей задачи⁴⁷.

В марте 1915 г. русская разведка в Мукдене перехватила письмо некоего Лю Цзы Фына, адресованное начальнику организации «Гун Вэй Туан» («Общество нерушимой охраны»), по всей видимости, сформированной германским консульством. В письме шла речь о подготовке к взрыву неизвестного моста. Помощник русского военного агента в Китае подполковник Блонский сумел добыть инструкцию начальнику «Гун Вэй Туан», где среди прочих задач организации была упомянута подготовка взрывов мостов и других важных железнодорожных сооружений⁴⁸.

Помещенные в тексте инструкций правила вознаграждения агентов позволяют судить о наиболее желательных для противника формах и методах тайной войны. Максимальная награда — 30 тыс. марок и выше — полагалась агенту за «сожжение складов, арсеналов, воен-

ного судна, взрыв железнодорожного моста». Русская разведка сумела установить фамилии 24 агентов «Гуй Вэй Туан». В основном это были китайцы, меньшую часть составляли монголы и корейцы.

Энергичные действия германцев в Китае нервировали российский МИД и пугали власти приграничных губерний. Министр юстиции А.А. Хвостов, ссылаясь на донесения сибирских прокуроров, сообщал министру иностранных дел С.Д. Сазонову о том, что «преступная деятельность немцев в Китае» ставит на очередь вопрос о «принятии мер борьбы с указанным явлением». Генеральный штаб предложил дипломатическому ведомству принять «особые меры наблюдения» за германскими организациями в Китае для предупреждения покушений на Сибирскую магистраль⁴⁹. В итоге, действия русских спецслужб, поддержанные союзниками, сделали практически невозможным использование противником территории Китая для подготовки диверсий на Транссибирской магистрали.

Война стала мощным ускорителем кризиса российской государственности. Паралич транспорта сковал экономику. После свержения монархии в феврале 1917 г. новая власть ликвидировала корпус жандармов и Департамент полиции. Нарастание хаоса в стране и разложение армии привели летом 1917 г. к окончательному распаду системы охраны Транссиба. И все же она выполнила свое предназначение. Противник так и не смог осуществить диверсии на железных дорогах Сибири.

Примечания

1. ГОЛОВИН Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М. 2006, с. 74.
2. ВАСИЛЬЕВ Н. Транспорт России в войне 1914—1918 гг. М. 1938, с. 117; САМОЙЛОВ Ф.Л. Краткий обзор коммерческой деятельности Омской железной дороги за 1916 год. Омск. 1917, с. 34—35; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение России в годы I мировой войны. М. 1973, с. 621.
3. ЕМЕЦ В.А. Очерки внешней политики России 1914—1917 гг. М. 1977, с. 198.
4. Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 17, оп. 1, д. 22, л. 147.
5. Там же, л. 74.
6. С 1.01.1915 г. Транссибирская магистраль была разделена в административном отношении на 5 дорог: Омскую, Томскую, Забайкальскую, Амурскую и Уссурийскую.
7. История железнодорожного транспорта России. Т. 1. 1836—1917 гг. СПб. 1994, с. 313—320.
8. ГАОО, ф. 190, оп. 1, д. 292, л. 187.
9. Там же, ф. 17, оп. 1, д. 5, л. 5, 47.
10. Там же, ф. 271, оп. 1, д. 41, л. 70—72; ф. 272, оп. 1, д. 266, л. 6; Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 411, оп. 1, д. 385, л. 43.
11. ГАОО, ф. 90, оп. 1, д. 6^а, л. 1.
12. Там же, ф. 271, оп. 1, д. 37, л. 79.
13. Там же, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 4.
14. ГАТО, ф. 411, д. 385, л. 2, 49, 51, 55; ГАОО, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 6, 172—187.
15. ЗВОНАРЁВ К.К. Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. Кн. 2. М. 2003, с. 159—160; СИМБИРЦЕВ И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880—1917. М. 2006, с. 331, 361.
16. ГАОО, ф. 272, оп. 2, д. 54, л. 12.
17. Там же, оп. 1, д. 42, л. 27, 123.
18. Там же, оп. 2, д. 54, л. 57.

19. История железнодорожного транспорта России, т. 1, с. 222; Вековой путь на службе Отечеству. Страницы истории Западно-Сибирской железной дороги. Новосибирск. 2001, с. 18.
20. РОНГЕ М. Разведка и контрразведка. Киев. 1993, с. 66—67.
21. ГАОО, ф. 271, оп. 1, д. 37, л. 26; д. 41, л. 70—72; ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 356—357, 427; д. 12, л. 12—13, 172—187.
22. Там же, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 342.
23. Там же, л. 423.
24. Там же, ф. 271, оп. 1, д. 37, л. 40; д. 42, л. 136—137.
25. Там же, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 70—71, т. 356—357; д. 12, л. 172—187.
26. Там же, д. 1, л. 573; ф. 272, оп. 2, д. 54, л. 74.
27. Там же, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 574.
28. Там же, ф. 271, оп. 1, д. 16, л. 25.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 102 (ДПОО), оп. 245, д. 352, л. 184.
30. Белая книга российских спецслужб. М. 1996, с. 100.
31. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2000, оп. 15, д. 511, л. 40.
32. ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 1, л. 109; ф. 271, оп. 1, д. 37, л. 57.
33. РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 511, л. 41.
34. ГАОО, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 292.
35. Там же, ф. 270, оп. 1, д. 648, л. 3; ЦВЕТКОВА Г. Крутится, вертится шар голубой. — Иргыш. 1992, № 1, с. 218.
36. ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 648, л. 66; д. 215, л. 11; д. 42, л. 1.
37. Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М. 1967, с. 16.
38. ГАОО, ф. 271, оп. 1, д. 4, л. 264; ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 333; ф. 271, оп. 1, д. 50, л. 147.
39. Там же, ф. 272, оп. 3, д. 195, л. 153.
40. Там же, л. 179.
41. Там же, ф. 17, оп. 1, д. 13, л. 162.
42. Там же, ф. 271, оп. 1, д. 41, л. 125.
43. Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов, с. 31.
44. ГАОО, ф. 272, оп. 2, д. 54, л. 73.
45. Немецкий шпионаж в царской России. М. 1942, с. 256.
46. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1787, л. 13; Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. 1, оп. 6, д. 1, л. 156.
47. ДРОБОВ М.А. Малая война (партизанство и диверсии). http://www.libma.ru/istorija/malaja_voina_partozanstvo_i_doversii/.
48. ГАОО, ф. 272, оп. 2, д. 57, л. 135—138; ЗВОНАРЁВ К.К. Ук. соч., с. 169.
49. Там же, с. 168.
50. АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1787, л. 13; ф. 134, оп. 473, д. 78, л. 102.

Дмитрий Аркадьевич Шмидт

С.Е. Лазарев

Дмитрий Аркадьевич Шмидт — легендарный герой гражданской войны. В немногочисленных отзывах современников, уцелевших в годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны, он характеризуется как очень яркая личность, один из самых популярных командиров Красной армии. Между тем, написано о нем до обидного мало, кроме того факты его жизни путались, искажались. Лишь во время «перестройки» смогли увидеть свет воспоминания ветерана 1-го кавалерийского корпуса Червоного казачества полковника И.В. Дубинского, хорошо знавшего Дмитрия Аркадьевича ¹. Казалось, что написать больше нечего, документы тех лет закрыты в спецхранах или безнадежно утрачены. Однако мне удалось установить связь с дочерью комдива Д.А. Шмидта Александрой Дмитриевной и ее супругом, доктором медицинских наук Анатолием Владимировичем Токарем, проживающими в Киеве, которые бережно хранят память о военачальнике. В моем распоряжении оказались воспоминания вдовы комдива Александры Константиновны Шмидт и материалы следственного дела из архива Службы безопасности Украины. Все это позволило приблизиться к пониманию необыкновенной личности этого военачальника и посмотреть на него с совершенно новой стороны.

Настоящие имя, отчество фамилия комдива — Давид Аронович Гутман. Он родился 19 декабря 1896 г. в г. Прилуки Полтавской губернии (ныне Черниговская область Украины). Отец, Арон Григорьевич Гутман, на момент рождения сына работал служащим-конторщиком в страховом агентстве ². По воспоминаниям родственников, А.Г. Гутман был непутевым, гулящим человеком, вечно мыкавшимся в поисках работы (по одним сведениям, он умер в 1917 г., по другим — в 1919) ³. Семья держалась, исключительно благодаря усилиям его жены Софии Израилевны, трудившейся набивщицей папирос на табачной фабрике. У Давида Гутмана было 4 брата. Семья жила в вечной нищете.

Лазарев Сергей Евгеньевич — кандидат исторических наук. Орловская область.

Из-за бедности Давид получил лишь домашнее образование ⁴. С 10 лет он работал в кинобудке, и к 16—17 годам стал киномехаником. В дальнейшем трудился землекопом, слесарем ⁵. Проникнувшись идеями большевиков, в 1915 г. он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Взял партийную кличку Шмидт в честь П.П. Шмидта, поднявшего в 1905 г. восстание на крейсере «Очаков», и стал Дмитрием Аркадьевичем ⁶. За революционную деятельность был арестован, сидел в тюрьме в г. Николаеве.

В январе 1915 г. Шмидта призвали рядовым в действующую армию, и он принял участие в первой мировой войне. Службу начал электромонтером на постройке стратегического моста через р. Южный Буг на железной дороге Вознесенск — Раздельная. В дальнейшем храбро сражался, в боях получил три ранения, был награжден четырьмя георгиевскими крестами. В феврале 1916 г. за боевые заслуги был произведен в прапорщики (в военное время это звание являлось офицерским). Однако, по признанию Александры Константиновны Шмидт, кресты свои он впоследствии уничтожил и никогда о них не вспоминал. О том, что комдив был полным георгиевским кавалером, вдова и дочь узнали только после его реабилитации от земляков ⁷.

После Февральской революции 1917 г. Шмидт вел большевистскую пропаганду среди солдат частей Юго-Западного фронта, оказывал помощь в формировании и обучении отрядов Красной гвардии. Руководил большевистской фракцией в комитете 164-й пехотной дивизии 12-го корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта. Последние его чин и должность в старой армии — поручик, командир батальона ⁸.

Роль Шмидта в гражданской войне, к сожалению, осталась историками недооцененной. Например, в фундаментальной энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», вышедшей в 1983 г., Дмитрию Аркадьевичу так и не посвятили персональной статьи ⁹. А ведь его имя должно находиться рядом с именами других легендарных командиров Красной армии: Г.Д. Гая, Г.И. Котовского, Ф.К. Миронова, В.М. Примакова, В.И. Чапаева, Н.А. Щорса.

Вернувшись в январе 1918 г. на родину, Шмидт стал военным комендантом Прилуки и развернул активную борьбу против Центральной рады. С началом оккупации Украины австро-германскими войсками он был объявлен вне закона, за его голову была назначена денежная награда ¹⁰. Гайдамаки помещика-монархиста гетмана П.П. Скоропадского (в апреле 1918 г. распустил Центральную раду и захватил власть в Киеве) схватили Шмидта, привели его на улицу, где располагалась гимназия, поставили к стенке и расстреляли. Ночью друзья подобрали окровавленного Дмитрия и, обнаружив в нем признаки жизни, увезли тайком в лес. Там его выходили. В лесу, на хуторе Богданы Шмидт организовал «крепкий партизанский отряд» ¹¹.

Вспоминает известный советский разведчик и дипломат А.Г. Бармин: «Шмидт стал командиром одного из ударных отрядов, который был грозой для белых. Обнаженные до пояса, опоясанные крест-накрест пулеметными лентами, отважные красноармейцы шли во весь рост на врага под жестоким огнем, забрасывая его гранатами. Они наводили ужас на белых, которые прозвали их “красными дьяволами”. В конце концов... его отряд стал известен по всей Украине. Молодые крестьяне валили к нему валом...» ¹².

Весной 1918 г. партизанское движение на Украине в тылу белогвардейцев и интервентов приобрело широкий размах. В Черниговской и соседних губерниях развернули активные действия отряды В.Н. Боженко, Н.Г. Крапивянского, Примакова, Т.В. Черняка, Шмидта, Щорса. Именно из этих партизанских отрядов зарождались будущие полки регулярной Красной армии. Шмидт стоял у истоков этих формирований: он возглавлял большевистское подполье и партизанский отряд в Прилуцком уезде, который летом 1918 г. контролировал половину Полтавщины. По признанию И.В. Дубинского, уже в то время этот прилуцкий партизан был знаменит, и народная молва складывала о нем легенды¹³.

В июне 1918 г. вспыхнули восстания против оккупантов и правительства гетмана Скоропадского, охватившие всю Киевщину и прилегающие губернии (около 30 тыс. партизан). Для его подавления было брошено 2 немецкие дивизии. После упорных боев в начале августа партизаны вынуждены были уйти на левобережье Днепра, а затем в «нейтральную зону» между Украиной и РСФСР. По указанию Пленума ЦК Коммунистической партии Украины в сентябре 1918 г. началось формирование двух украинских повстанческих дивизий из добровольцев и партизан в районе Сураж—Новгород—Северский—Рыльск. Шмидт возглавил 7-й Суджанский полк, который вошел во 2-ю Украинскую повстанческую дивизию. Этот полк (впоследствии переименован в 5-й Советский) был одним из самых больших и боеспособных на Украине.

Главной движущей силой партизанского движения на Украине были рабочие и трудовое крестьянство, однако в нем участвовали также зажиточные слои, поэтому иногда во главе повстанческих отрядов оказывались антисоветские элементы, анархисты (например, Н.И. Махно). Это создавало значительные трудности в понимании общих целей борьбы и внутренние конфликты.

В ноябре 1918 г. развернулось наступление советских войск на харьковском и киевском направлениях, которое поддерживалось партизанским движением в тылу врага. 7-й Суджанский полк Шмидта одним из первых (еще до подхода регулярных советских войск) вышел на стратегический простор из «нейтральной зоны» и освободил первый город на оккупированной врагами территории — Рыльск, о чем лично телеграфировал В.И. Ленину: «Доношу, что 20 ноября с. г. в 8 часов вечера я занял г. Рыльск. Граждане г. Рыльска и я от имени 7-го Суджанского повстанческого полка приветствуем Вас»¹⁴. Таким образом, большевики уже игнорировали договор с немцами о «нейтральной зоне», рассчитывая при этом на революции в Австро-Венгрии и Германии.

Во время заминки наступления на Харьков под стратегически важным узлом — ст. Люботин — состоялось «знакомство» Шмидта с Л.Д. Троцким. Троцкий распекал Шмидта: «Вы, что, не знаете, где дорога на Харьков?! Вон дорога на Харьков! Я вас расстреляю перед строем!» На что Шмидт спокойно ответил: «Вы можете меня расстрелять, но перед *этим* строем — никогда!»¹⁵. В итоге, Дмитрий Аркадьевич взял ст. Люботин, захватив несколько петлюровских эшелонов со снаряжением. Впоследствии за эти бои его наградили первым орденом Красного Знамени.

В начале 1919 г. большая часть Украины была освобождена от интервентов и петлюровцев регулярной Красной армией во взаимодействии с партизанами. Полк Шмидта к тому времени вырос уже во 2-ю сводную бригаду 2-й Советской украинской стрелковой дивизии, которая вместе с полком Червонных казаков в январе 1919 г. освободила Полтаву и Кременчуг. Именно тогда произошло близкое знакомство Шмидта с Примаковым, С.А. Туровским, М.О. Зюком, которое со временем переросло в крепкую дружбу и продолжалось вплоть до их трагической гибели.

Весной 1919 г. Шмидт был командующим группой войск на Южном фронте и вместе с Махно (его отряды тогда находились на стороне красных и были переформированы в бригаду) сдерживал денкинцев, вышедших со стороны Екатеринодара к Мелитополю. Впоследствии Шмидту пришлось сражаться и с самим Махно, но он никогда не отзывался о нем презрительно ¹⁶.

Когда в марте 1919 г. была провозглашена Венгерская Советская республика, один из основателей Венгерской коммунистической партии Т. Самуэли специально прилетел на самолете в Москву, чтобы обсудить с Лениным перспективы мировой революции. Попав под обаяние Шмидта, Самуэли просил советское руководство назначить его командующим группой войск для прорыва через границы Польши и Румынии на помощь венгерским большевикам. Но приказ об операции так и не был отдан. В августе 1919 г. Будапешт пал.

В 1919 г. партизанское движение на Украине (свыше 50 тыс. чел.) совместно с уже сформированными регулярными частями Красной армии направлялись на борьбу с денкинцами. Осенью 1919 г. под натиском белогвардейцев и войск С.В. Петлюры Шмидт ушел из Украины на восток вплоть до Царицына со всеми украинскими войсками. Это был тяжелый поход-отступление.

Под Царицыном Шмидт командовал 37-й стрелковой дивизией, сыгравшей большую роль в обороне города. «Отбивая натиск белогвардейцев и донской казачни, бывший прапорщик был тяжело ранен и контужен, — вспоминал Дубинский. — Но поля боя не оставлял. Два красноармейца поддерживали его, и он покинул строй лишь после того, как были разгромлены беяки. За царицынские бои Шмидта наградили вторым орденом Красного Знамени» ¹⁷.

В 1920 г. Шмидт командовал Херсонской группой войск во время прорыва Красной армии в Крым при разгроме П.Н. Врангеля. В конце 1920 г. Дмитрий Аркадьевич был зачислен слушателем младшего курса Академии Генерального штаба ¹⁸. Вспоминает его сокурсник А.Г. Бармин: «На вступительных экзаменах Шмидт был трогательно-беспомощен. Экзаменационную комиссию из трех старых генералов возглавлял Мартынов, известный своей книгой о маньчжурской кампании 1905 г. и склонный к философствованию. Генералы относились к стоявшей перед ними задаче без особого энтузиазма, задавая молодым командармам и комбригам те же вопросы, которые они задавали бы в прежние времена молодым офицерам, еще ничего, кроме учебников, не видевшим...

На втором, устном, экзамене Шмидт был вызван первым. Прихрамывая, он со своей огромной саблей на боку медленно подошел к столу.

— Назовите годы правления Петра Великого, — попросили его.

— Не имею представления, — сухо ответил он с небольшим украинским акцентом, который придавал его речи оттенок пренебрежительности.

— Назовите войны Екатерины Второй.

Шмидт криво усмехнулся, как если бы он понимал, что экзаменаторы насмеются над ним.

— Я их не знаю.

Генералы переглянулись между собой, и Мартынов повторил вопрос:

— Назовите нам годы правления Екатерины Второй и год ее смерти.

— Меня тогда не было на свете, и она меня не интересует.

Он нетерпеливо постукивал своей тростью, и это взорвало Мартынова.

— Господа, это недопустимо! Я отказываюсь экзаменовывать дальше этого кандидата.

Тут вмешался комиссар академии, и этот замечательный кавалерист был принят при условии, что он пообещает сдать экзамен позже, когда у него будет больше времени на изучение истории, что практически означало — никогда»¹⁹.

Стены академии тяготили Шмидта, он рвался на фронт и в мае 1921 г. наконец возглавил штаб 17-й Червонно-казацкой дивизии (позже переименована в 2-ю Черниговскую червонно-казацкую дивизию). Ей пришлось вести борьбу с многочисленными бандами, бесчинствовавшими на Подолии, среди которых были и остатки отрядов Махно. Повстанцам сочувствовали зажиточные крестьяне, они получали помощь от «правительства Украинской Народной Республики», находившегося в Польше. Они жестоко расправлялись с коммунистами. По воспоминаниям участника тех боев будущего генерала А.В. Горбатова, Шмидт проявил себя отважным командиром, готовым выполнить любой приказ и не щадившим жизни, отстаивая дело революции²⁰. Он возглавил разгром «последнего похода Антанты» — рейд Волынской группы петлюровского генерал-хорунжего Ю.О. Тютюнника на Подолию и Полесье в конце 1921 года.

За годы гражданской войны Дмитрий Аркадьевич был девять раз ранен. Как уже отмечалось, проявленные им мужество и храбрость были отмечены двумя орденами Красного Знамени (приказы Реввоенсовета Республики от 19 октября 1920 г. № 505 и от 25 июня 1921 г. № 205)²¹.

Участник гражданской войны, будущий академик И.И. Минц сравнивал Шмидта с французским полководцем Лазаром Гошем, одним из самых популярных генералов Французской республики в XVIII веке. Впоследствии Л. Гош стал любимым полководцем Шмидта, которому импонировало то, что в отношениях французского генерала с подчиненными не было никакого солдафонства, бойцы любили его, и их не надо было ни к чему принуждать²².

Шмидт пользовался большой популярностью в войсках. Несмотря на тяжелую жизнь, он сохранил жизнерадостность, бодрость и удивительную работоспособность. Его отличали оптимизм, большое чувство юмора и умение ценить шутку других. Один из примеров приводит в своих воспоминаниях полковник Дубинский. Однажды на совещании в Харькове при штабе командующего войсками Укра-

ины и Крыма М.В. Фрунзе обсуждался вопрос о сроках обучения в военных училищах. Многие командиры настаивали на четырех-пятiletнем курсе. Попросил слово Шмидт. «Он сказал, обращаясь к Михаилу Васильевичу:

— Товарищ командующий! Вчера я ходил в цирк. Смотрел, как моржи ловко катают носами шары. Спросил я Дурова (имеется ввиду Владимир Леонидович Дуров. — С.Л.): “Сколько Вы их учите?” Он ответил: “Два года”. Я спрашиваю вас, — повернулся он к участникам совещания, — так неужели наши курсанты тупее дуровских моржей?

Фрунзе расхохотался, а за ним и все командиры.

— Шмидт меня уморил, — сквозь смех произнес Михаил Васильевич. — А по существу — он прав»²³.

В 1922—1923 гг. Шмидт обучался на Высших академических курсах при Военной академии РККА. В 1923—1924 гг. был командиром 1-й и 2-й дивизий Первого кавалерийского корпуса Червоного казачества. С августа 1924 г. возглавлял Елисоветградскую кавалерийскую школу на Украине²⁴. По признанию современников, в тот период времени он был вполне лоялен по отношению к И.В. Сталину, с которым ему довелось познакомиться под Царицыном. По признанию Дубинского, однажды, угощая товарищей вином «Цинандали», он сказал: «Пью это вино, потому что его пьет сам Сталин!»²⁵.

В августе 1926 г. Дмитрий Аркадьевич возглавил 7-ю Самарскую кавалерийскую дивизию (Белорусский военный округ). В ту пору одним из ее полков командовал будущий маршал Г.К. Жуков. Георгий Константинович вспоминал: «Д.А. Шмидт — умница, свои мысли выражал кратко, но, к сожалению, не любил кропотливо работать». При Шмидте особое внимание уделялось полевой тактической подготовке командного состава, штаба и подразделений. Дмитрий Аркадьевич понимал, что армия к предстоящей войне с врагом, прежде всего, должна быть подготовлена тактически. Большое внимание в дивизии уделялось также спортивной и физической подготовке²⁶.

Но долго служить в Белоруссии Шмидту не довелось. В 1927 г. старые приятели по гражданской войне Е.А. Дрейцер и Я.О. Охотников вовлекли его в троцкистскую оппозицию²⁷. Через них Шмидт снова встретился с Троцким, который посчитал комдива недостаточно грамотным в политических вопросах, и познакомился с К.Б. Радеком, который пытался заразить его своими идеями. В частности, Карл Бернгардович показал Шмидту последние письма Ленина, в которых вождь критиковал Сталина и называл Троцкого своим вероятным преемником²⁸.

А.Г. Бармин вспоминает: «В период 1925—1927 гг. Шмидт присоединился к оппозиции. Он приехал в Москву на съезд партии как раз в тот момент, когда было объявлено об исключении из партии троцкистской оппозиции. Он был одет, как обычно, в форму своей дивизии: большая черная бурка, пояс с серебряными украшениями, огромная сабля и папаха набекрень. Выходя вместе с Радеком из Кремля, он столкнулся со Сталиным. Политические страсти в тот момент были накалены. Сталин активно интриговал в партийных делах, но ему еще не удалось подчинить себе партию.

Шмидт подошел к нему и начал полушутя-полусерьезно поносить его, как только может делать это настоящий солдат, то есть та-

кими словами, которые надо слышать, чтобы поверить в это. А под конец сделал вид, что обнажает шашку, и пообещал Генеральному секретарю когда-нибудь отрубить ему уши. Сталин выслушал его, не проронив ни слова, с бледным лицом и плотно сжатыми губами»²⁹. По воспоминаниям же других свидетелей, общение Шмидта с генсеком имело характер скорее не угрозы, а шутки³⁰.

Шмидт был убежден, что «если человек завоевывал Советскую власть, то и охранять ее он должен, как считает нужным»³¹. Позже военачальник отказался от своих оппозиционных взглядов, и после 1927 г. не был связан с кем-либо из троцкистов. Однако осадок в отношении с вождем, безусловно, остался.

В мае 1927 г. Шмидта направили во Владикавказ для организации особого военного учебного заведения — Северо-Кавказской горских национальностей кавалерийской школы. В 1928 г. Шмидт окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1930 г., когда недовольство насильственной коллективизацией охватило значительную часть Кавказа, Дмитрий Аркадьевич со своей кавалерийской школой принял участие в подавлении Карачаевского восстания (Кабардино-Балкария). У мятежников были танки и отравляющие газы, которые им поставляли англичане через турецкую границу, это была настоящая война. Однако Шмидту удалось подавить восстание малой кровью — он предпочитал договариваться, убеждать горцев словом. Сталин тогда сказал: «После этого Шамиля мне и делать на Кавказе нечего»³². Шмидт был представлен к награде, однако не получил ее.

Восстание не остановило насаждения на Кавказе коллективных форм хозяйства и «ликвидацию кулачества как класса». Сотни карачаевцев, объявленных раскулаченными, были сосланы в восточные регионы СССР. В мае 1930 г. Шмидта назначили заместителем начальника штаба Северо-Кавказского военного округа.

В 1931—1933 гг. Дмитрий Аркадьевич учился в Особой группе Военной академии имени М.В. Фрунзе, по окончании которой был назначен командиром и военным комиссаром 2-й отдельной механизированной бригады³³. По сути, он стоял у истоков советских бронетанковых войск. 2-я механизированная бригада была создана в Украинском военном округе в мае 1932 г., насчитывала по штату 2,7 тыс. чел. и имела в своем распоряжении 145 легких танков Т-26³⁴.

В это время Шмидт встретил любовь всей своей жизни — Александру Константиновну Прибыткову, которая была моложе его почти на 18 лет. Она родилась в с. Калмычок Воронежской губернии в

семье фельдшера, мать потеряла еще в детстве и привыкла рассчитывать только на свои силы. Александра Константиновна работала токарем на вагоностроительном заводе, набирала трудовой стаж для поступления в вуз. Ее старшая сестра Вера вышла замуж за комкора С.А. Туровского³⁵. Александра поселилась на даче у Туровских, готовилась к экзаменам в Институт гражданской авиации.

В мае 1933 г. Туровский привез на дачу своего соратника по гражданской войне — Дмитрия Аркадьевича Шмидта. «Он был острижен по-солдатски под машинку, у него были темные монголоидные глаза и очень смуглая кожа, — вспоминала Александра Константиновна. — Никогда [еще] я не видела ни одного командира, хоть сколько-нибудь похожего на Шмидта. Речь у него была спокойная, негромкая, чувствовалось, что он только слегка вежливо отвечает на вопросы С.А. (Туровского. — С.Л.), не проявляя себя. Мы ужинали четвером: С.А., Шмидт, Верочка и я. Утром Шмидт спросил у С.А., указав на меня: “Что это за чудо, откуда оно?” С.А. ответил: “Я сам воспитывал ее, она как дрессированный щенок”. Шмидт стал часто приезжать в Святошино»³⁶.

Их отношения развивались стремительно. «В июле 1933 г. Д.А. (Шмидт. — С.Л.) объяснился мне в любви. Он сказал, что не может жить без меня и не может жениться, потому что в любой день ему, как и его другу Охотникову, “мудрый вождь” может дать “десятку”. По этой же причине Туровский был против нашей женитьбы. С.А. сказал Шмидту: “Ты не имеешь права жениться на ней”. Шмидт ответил: “С нее довольно того, что она твоя родственница”. Сначала С.А. пытался отговорить Шмидта от женитьбы. А когда уговоры не помогли, С.А. приказал мне сидеть дома и заниматься, а Шмидту сказал, чтобы он прекратил свои визиты. Через несколько дней Шмидт явился в новом мундире с приказом Генштаба, что он является инспектирующим войска Киевского гарнизона. Туровский расхохотался. А мне Д.А. привез письмо от поэта Эдуарда Багрицкого: “Милая Сашенька! Выходите замуж за моего друга — это самый лучший *еврей* во всем мире”. И приглашал в гости. В конце 1933 г. Д.А. получил назначение в г. Киев и мы стали жить вместе»³⁷.

По семейной легенде, Шмидт так сильно влюбился, что отказался от должности командующего Приволжским военным округом (и последующего присвоения звания комкора), которую ему прочили после окончания Особой группы Военной академии РККА, и настоял на своем назначении на Украину. Но на Украине в двух ее военных округах (Киевском и Харьковском) уже не было свободных соединений, равных послеакадемическому званию Шмидта, и он, в полном смысле слова, «отвентил» один из своих трех «ромбов» (фигурирующих на ряде документальных фотографий «московского» периода) и возглавил уже в звании комдива новую по тем временам военную структуру — отдельную мотомеханизированную бригаду с перспективой ее развертывания в первый в Красной армии танковый корпус.

Ни Дмитрий Аркадьевич, ни Александра Константиновна не строили оптимистических планов на будущее: у обоих были «темные пятна» в биографиях. За плечами Шмидта было троцкистское прошлое, а у Прибытковой четырех маминых братьев и бабушку раскулачили и

сослали на Север ³⁸. «Еще в самом начале нашей совместной жизни мы обсуждали всевозможные варианты и договорились обо всем, — читаем мы у Александры Константиновны. — Если ему, как Охотникову, дадут 10 лет лагерей (тогда больше 10-ти лет не давали), то я обещала Д.А., что приеду к нему на Север и буду работать шофером. Если будет война, говорил он, то в войну он продержится три — четыре дня, потому что наши не научились еще вовремя присылать подкрепления. Воевать Шмидт собирался в авиации. Осенью 1936 г. он должен был принять авиакорпус в г. Ленинграде. После частых поездок в г. Москву он [восхищенно] говорил об академии имени Жуковского: “Там сидят ночами!” В бесконечных разговорах о будущей войне Д.А. утверждал, что можно воевать на чужой территории, можно не дать немецким самолетам подняться со своих аэродромов. Он располагал обширной информацией через своих московских друзей. И третий вариант — счастливый — если останемся живыми после войны, тогда он говорил: “Я покажу тебе весь мир!”» ³⁹

«Когда я первый раз спросила Д.А. “а кто такой Сталин?”, — продолжает А.К. Шмидт, — он ответил мне как положено отвечать студентке и комсомолке. Он сказал, что у него большой государственный ум и т.д., все, как говорили нам на “военке” в институте.

Через несколько месяцев мы ехали с Д.А. вдвоем, я вела машину, так как он любил, не быстро и спокойно. Он сидел рядом, глубоко задумавшись. Я еще раз задала этот вопрос: “Митя, а кто такой Сталин?” Он коротко ответил: “Кретин!” (ударение комдив делал на первый слог. — С.Л.). Я испуганно посмотрела на него. Он с досадой сказал: “И какого черта ты задаешь мне такие вопросы?”» ⁴⁰

В феврале 1934 г. Шмидт возглавил 8-ю отдельную мотомеханизированную бригаду Киевского военного округа. Тем не менее, своим положением в армии он не был доволен. В беседе с сослуживцами Дмитрий Аркадьевич как-то сказал: «В гражданскую войну я был начдивом, водил в бой десять полков, а сейчас у меня аж четыре танковых батальона... Ясно, [другие] люди растут, это закономерно. Но нельзя же забывать о тех, кто имеет заслуги...» ⁴¹.

Свое соединение Шмидт превратил в одно из лучших. Весной 1934 г. на песчаном берегу Днепра в Вышгороде был построен образцовый лагерь с водопроводом и электричеством. Комдив много работал с изобретателями. В то время уже начиналось управление танками по радио. Кустарно, в своих мастерских, делались приспособления и испытания для плавающих танков — «амфибий». Впервые в его танковой бригаде были сделаны поворотные круги для сохранения подшипников при учебных стрельбах. В газете «Красная Звезда» настолько часто помещались заметки об изобретениях и рационализаторских предложениях в 8-й Киевской отдельной механизированной бригаде, что заместитель начальника политуправления округа Орлов, здороваясь со Шмидтом, жал ему руку и вместо «здравствуйте» говорил: «...в части, которой командует Шмидт...». Так обычно начинались газетные статьи ⁴².

Работал Шмидт всегда напряженно и с увлечением. Не было в 8-й Киевской отдельной механизированной бригаде человека, который бы не был захвачен энтузиазмом стройки лагеря и не считал это своим личным делом. «Один раз, за все время, я видела Шмидта уни-

женным и доведенным до крайней степени отчаяния; — пишет А.К. Шмидт. — На первомайском параде в 1934 г., на Крещатике, прямо против правительственной трибуны заглох танк, и ни с места. Пришлось тягачом подцепить его и увезти».

На собрании с водителями танков Шмидт говорил: «То, что танк стал перед трибуной, это конечно позор, но это еще не все. А вот что надо сделать, чтобы он не стал в бою?»⁴³.

В сентябре 1935 г. бригада участвовала в крупных маневрах в Киевском военном округе, результаты которых были использованы для совершенствования организационной структуры и оперативно-тактического применения механизированных войск в различных видах боя.

Это были наиболее крупные маневры из всех учений, проводившихся в Советском Союзе в предвоенные годы. В них участвовали 65 тыс. чел., свыше 1000 танков, 600 самолетов, 300 орудий и другая военная техника. Условные боевые действия развернулись на фронте свыше 200 км и в глубину до 250 км. Под руководством командующего войсками Киевского военного округа Якира впервые в истории был выброшен парашютный десант и применен посадочный десант с военной техникой⁴⁴.

По признанию Александры Константиновны Шмидт, в период подготовки и проведения маневров Якир, Туровский (командовал одной из «сторон»), Шмидт работали настолько напряженно, что почти не ложились спать⁴⁵. На глазах у военных атташе Франции, Италии и Чехословакии 8-я Киевская отдельная механизированная бригада блестяще выполнила поставленные перед ней задачи. «Слышал о твоих успехах на Киевских маневрах», — писал Шмидту 6 декабря 1935 г. хорошо знавший его драматург В.В. Вишневский⁴⁶.

«После маневров был разбор учений при огромной аудитории в Киевском оперном театре, — вспоминала Шмидт. — Люди от переутомления давно отключили внимание. Выступал Будённый. Он сказал, что врага надо гнать, гнать и гнать... Шмидт поднял руку, спросил: “Куда, Семен Михайлович?” Тот от неожиданности быстро ответил: “В лес!” Д.А. торопливым движением схватил карандаш и стал записывать. Зал грохнул хохотом, все оживились»⁴⁷.

Несмотря на недостаток образования, Дмитрий Аркадьевич впоследствии многое наверстал. По воспоминаниям жены, он «брал книги в фондах университетской библиотеки и много читал»⁴⁸. Шмидт был наделен литературными талантами — он был автором рассказов, сатирических стихов, киноповести «Станция Хролин» (написанной по впечатлениям от гражданской войны на Украине и опубликованной в журнале «Молодая гвардия» в 1933 г.), входил в редколлегия союзного журнала «Крокодил». В период обучения в Военной академии редактировал стенную газету.

Шмидт постоянно находился в центре внимания, он всегда был в курсе всего происходившего в стране, обладал обширной информацией. Он дружил с писателями И.Э. Бабелем, Э.Г. Багрицким, В.П. Катаевым, Л.В. Никулиным, Ю.К. Олешей, М.А. Светловым. Свою лучшую поэму (либретто к опере) «Дума про Опанаса» Багрицкий посвятил именно комдиву. Ему же посвятил свои рассказы «Жизнеописание Павличенки Матвея Родионыча» и «Соль» Бабель.

«Шмидт на первый взгляд казался хмурым, неразговорчивым, — вспоминал Никулин. — Потом он поражал меня своеобразным и очень умным юмором. О войне и своих подвигах он не говорил никогда, только как-то сказал, что все войны (он был георгиевским кавалером в Первую мировую войну) “гнил в бинтах”. Хотя он был в полном смысле слова “военная косточка”, но в нем не было ни тени солдафонского духа... Юмор и любовь к литературе, эрудиция, образованность, которой он нисколько не кичился, сочетались в нем с элегантностью военачальника»⁴⁹.

«Дмитрий Аркадьевич был чрезвычайно общительным человеком, — вспоминала жена. — У нас в доме бесконечно были люди: писатели, артисты, военные и прочий интересный народ. Когда в Киев приехал на гастроли Московский художественный театр, Д.А. огорчился, что не может повести всю свою бригаду в театр. Тогда он договорился с народным артистом Москвиным и пригласил актеров театра приехать в выходной день в лагерь.

Д.А. знакомил артистов с лучшими людьми бригады, потом гостям демонстрировались соревнования на лучшее вождение танков, с раздачей призов, после чего был концерт и обед»⁵⁰.

Комдив дружил со многими артистами: В.И. Качаловым, А.К. Тарасовой, Н.П. Хмелевым, Л.О. Утесовым, М.М. Яншиным. Он был желанным гостем на Киностудии имени А.П. Довженко. Ему охотно показывали все — от диснеевских мультфильмов до картин, запрещенных цензурой⁵¹. В Вышгороде, в военном лагере 8-й Киевской отдельной механизированной бригады, снимались сцены из художественных фильмов «Горячие денечки» и «Последний табор» (оба — в 1935 г.). Близким другом комдива являлся кинорежиссер, сценарист А.Я. Каплер, который собирался поставить на Киевской кинофабрике повесть «Станция Хролин».

Известно, что в армии было принято пышно принимать инспектирующих воинские части командиров. Вешали в штабе портрет инспектирующего на коне, устраивали банкет и в тостах величали инспектора «верным соратником И.В. Сталина» и т. п. Ничего подобного не было в соединениях, которыми командовал Шмидт⁵².

Результаты одного такого инспектирования описала в своих воспоминаниях его жена: «Были и такие проверки, когда цеплялись за каждую мелочь. Я помню случай, когда только что вышел приказ подшивать белые полоски под воротник гимнастерки. Лето, жара, группа танкистов возвращалась со строительных работ и, конечно же, воротнички были не в лучшем виде. Инспектор отметил нарушение приказа. Вот здесь Д.А. сорвался. Он сказал с раздражением, обращаясь внешне к танкистам, но речь была явно для инспектора: “Почему вы не понимаете, что от Вас требуется? Вы можете ни черта не знать, кое-как работать, но только чтобы воротничок на шее был белый!” Снял свою фуражку, со злостью бросил ее о землю и ушел»⁵³.

Летом 1935 г., прогуливаясь с женой по улице К. Маркса в Киеве, Шмидт повстречал редактора Партиздата Ермолова. Они обнялись, расцеловались. Ермолов сообщил о том, что приехал специально к нему из Москвы, чтобы получить материал про гражданскую войну. «Напиши 18-й год на Украине, — попросил он, — кому же еще писать? Только про хозяина не забудь». На это Шмидт отреаги-

ровал мгновенно: «Какого хозяина? Его тогда знали как вон того цуцика» (в тот момент через дорогу пробежала собака). «Нет, про “хозяина” пиши сам, — решительно подытожил комдив, — я не идиот писать всякую белиберду, а потом деточек заставят это учить в школе»⁵⁴. Хорошо понимая, почему он не имеет карьерного роста, Дмитрий Аркадьевич признавался друзьям: «Язык мой — враг мой. Из-за него уже сто мест переменил»⁵⁵.

26 ноября 1935 г. Шмидту было присвоено воинское звание «комдив» (соответствует современному генерал-лейтенанту). Звание он получил на перспективу — планировалось развертывание 8-й бригады в механизированный корпус. Дмитрий Аркадьевич говорил по этому поводу: «Это еще ничего, я думал, что Он (Сталин. — С.Л.) из меня полковника сделает»⁵⁶.

В декабре 1935 г. у Дмитрия Аркадьевича родилась дочь Сашенька. После этого он решил, что нужно быть осторожным, тщательно выбирать себе круг общения.

После внезапной смерти в мае 1936 г. С.С. Шаумяна начальник Автобронетанкового управления РККА И.А. Халепский предложил назначить Д.А. Шмидта начальником Автобронетанкового управления Ленинградского военного округа. Вспоминая об этом времени, Председатель Совета народных комиссаров В.М. Молотов признавался: «знали все, что Шмидт, бывший троцкист, не заслуживает большого доверия, но работает, говорят, неплохо, да не просто неплохо, а представляется к награждению орденом Ленина»⁵⁷.

Однако и награждение, и перевод на новую должность сорвались: недоброжелатели убедили Халепского в том, что Шмидт, как бывший троцкист, политически неблагонадежен, помимо этого, в частных разговорах критикует самого Халепского⁵⁸. Впоследствии на допросах комдив признавался: «Обращает на себя серьезное внимание то, что в результате вредительских действий, исходящих из Автобронетанкового управления, отсутствуют средства связи на танках Т-26 и БТ, что исключает возможность управления частями, управления огнем в бою. Безусловно вредительским является мотор на Т-26, который на среднем переходе совершенно выдыхается...

Очень серьезным вопросом в области эксплуатации танков является то, что буквально сотни танков разрушаются на стрельбищных полях, т.к. в течении нескольких месяцев в году, ежедневно — через каждые 15 минут танк поворачивается по 2 раза на 180°. Чтобы избежать этой массовой порчи танков, достаточно на стрельбищных полях оборудовать поворотные круги (по примеру железнодорожных депо).

Халепский, несмотря на сделанное ему по этому вопросу мотивированное предложение, своего согласия на это не дал, ссылаясь на то, что подобный метод (без поворотных кругов) дает попутную тренировку водителю на крутых поворотах. Абсурдность этого довода совершенно очевидна, поскольку в условиях боевых действий, танку никогда не придется делать именно таких эволюций (180°)»⁵⁹.

В середине 1930-х гг. внутриполитическая обстановка осложнилась до предела. 1 декабря 1934 г. был убит С.М. Киров. 18 апреля 1936 г. «за подготовку террористических актов против И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова» арестовали приятеля комдива Е.А. Дрейцера. Арес-

ты бывших троцкистов следовали один за другим. Предчувствуя недоброе, Шмидт просился в Испанию — там в июле 1936 г. вспыхнул военно-фашистский мятеж, и Сталин направил в помощь правительству Народного фронта своих военных советников. «Но я уже стар, — сетовал Шмидт друзьям на свой возраст. — Скорей всего, не пустят туда...»⁶⁰. Служебная командировка в Испанию действительно могла бы спасти комдива от репрессий.

Вечером 4 июля 1936 г. Шмидт находился в военном лагере в Вышгороде. Ему позвонил дежурный из НКВД, который сообщил, что Дмитрия Аркадьевича вызывает начальник 3-го оперативного отдела. Шмидт ответил дежурному: «Если я ему нужен, хай он едет сюда» (заместитель наркома НКВД УССР З.Б. Кацнельсон был близким другом Шмидта). Комдив никому не позвонил и не выяснил, в чем дело.

В два часа ночи с 5 на 6 июля последовал звонок из штаба округа: «[Немедленно] явиться в штаб!». Это был приказ. В штаб округа на улице М. Коцюбинского в Киеве в качестве шофера его везла жена. «Я ни о чем его не спрашивала, боялась приступа. После многочисленных ранений и контузий он иногда бывал в таком состоянии, что не мог говорить и двигаться, — вспоминала Александра Константиновна. — То, что это была катастрофа, ясно было даже мне. Так с ним никогда не разговаривали ни в НКВД, ни в штабе округа. В штабе ярко горел свет, чувствовалось, что в здании много народа. Мы попрощались в машине без слов. Он только благодарно улыбнулся, видимо, за то, что не плакала и держалась, как положено. Через 10 минут ко мне вышел начальник политуправления Киевского военного округа М.П. Амелин. Он уже не поздоровался со мной и заговорил официальным тоном. Он сказал, что Д.А. Шмидт останется на совещании до утра, и чтобы я [уезжала]. Меня эта перемена отношения ко мне так возмутила, что я не стала дальше слушать. Завела машину и уехала. Поехала в г. Вышгород. Там была семимесячная дочь. Часа через два подъехали две черные машины, и четыре человека из НКВД произвели обыск»⁶¹.

Туровский был сбит с толку телеграммой «На арест Шмидта даю свое согласие. Маршал Ворошилов». Сначала решил выждать время, дожидаться суда, затем сам отправился в Москву протестовать против ареста родственника, и был задержан ночью в гостинице (2 сентября 1936 г.). Арестовали и Веру Туровскую. Из казенной квартиры А.К. Шмидт переселилась на съемную. «Меня вызывали несколько раз на допрос в НКВД, — вспоминала она. — Спрашивали, кто бывал у нас дома, о чем говорили. Требовали развестись с “врагом народа”. Обещали дать квартиру и возможность закончить институт. Я ничему не верила и на развод не соглашалась. Были такие жены, что отказывались от мужей, и все равно сидели в лагерях»⁶².

Обвинения против Шмидта основывались на «собственноручных показаниях» Дрейцера. Дмитрию Аркадьевичу инкриминировалось участие в контрреволюционной организации, подготовка террористического акта против наркома обороны Ворошилова, срыв боевой подготовки вверенного ему соединения и содействие поражению армии в предстоящей войне⁶³. На первых допросах Шмидт решительно все отрицал. 10 июля 1936 г. подследственный написал письмо чле-

нам Политбюро Коммунистической партии Украины В.А. Балицкому, С.В. Косиору, П.П. Постышеву, Якиру, содержащее следующую просьбу: «Я не виновен и на миллионную долю. Заступитесь за меня»⁶⁴.

Якир был уверен, что причина ареста — «язык Митьки Шмидта»: «Очевидно, болтнул лишнее». Иона Эммануилович специально прилетел в Москву, встречался с Ворошиловым, потом с руководством НКВД, добился личной встречи со Шмидтом. Комдив очень похудел, смотрел безучастно, разговаривал вяло. По словам Якира, у него был вид «марсианина»⁶⁵. Однако это не помешало ему отрицать все обвинения и вручить Якиру записку для Ворошилова: «Дорогой Климент Ефремович! Меня арестовали и предъявили чудовищные обвинения, якобы я — троцкист. Я клянусь Вам всем для меня дорогим — партией, Красной армией, что я ни на одну миллионную не имею вины, что всей своей кровью, всеми мыслями принадлежу и отдан только делу партии, делу Сталина. Разберитесь, мой родной, сохраните меня для будущих тяжелых боев под Вашим начальством»⁶⁶.

В Киев Якир вернулся немного повеселевшим, так как не сомневался, что справедливость восторжествует. Но радость его была недолгой: позвонил по телефону Ворошилов и сообщил, что на следующий же день Шмидт на новом допросе сознался, что хотел обмануть и народного комиссара, и Якира, и признал себя виновным. «Здесь что-то не так, — говорил семье командующий Киевским военным округом. — Ничего не могу понять»⁶⁷.

22 августа 1936 г. Шмидт сообщил следователям: «Я убедился, что против меня имеется достаточное количество улик... Я действительно с мая 1935 г. являюсь участником террористической троцкистской организации, от которой я получил задание произвести террористический акт над народным комиссаром обороны Ворошиловым». При этом комдив оговорился, что «практически по заданиям Дрейцера (по версии следствия, входившего в руководство военного центра троцкистской организации. — С.Л.) мне ничего не удалось сделать, т.к. вскоре после моей встречи и беседы с Дрейцером начались аресты». Среди «соучастников-троцкистов» он назвал даже Туровского, хотя в армии было известно, что Семен Абрамович отличался политической принципиальностью и никогда ни в каких оппозициях замешан не был⁶⁸.

В дальнейшем Шмидт неоднократно отказывался от своих показаний. Надежды на то, что его дело пересмотрят, а его восстановят в армии и партии, не оставляли комдива. В конце августа — начале сентября 1936 г. он передал через следователя записку супруге следующего содержания: «Родные мои обе Сашеньки. Пока не могу сообщить ничего определенного, но много хороших надежд»⁶⁹.

В следственном деле содержатся показания «свидетелей», в том числе нескольких командиров из бригады Шмидта. Показания они начали давать спустя несколько месяцев после ареста комдива. Все показания содержали исключительно бытовые и хозяйственные выдумки о делах в бригаде. Один из примеров — показания командира 3-го батальона 8-й отдельной мехбригады К.П. Кулика от 10 февраля 1937 года. Он указывал, что Шмидт намеренно создавал плохой быт начальствующего состава бригады («организация питания была поставлена вредительски») ⁷⁰. В столовой, по мнению Кулика, у комди-

ва сидели сплошь жулики и воры. Заведя две столовые — для старшего и среднего начсостава — Дмитрий Аркадьевич якобы вбивал клин в отношения между командирами. Припомнил Кулик Шмидту и то, что вода в домики начсостава подавалась с перебоями, и то, что дрова командирам приходилось хранить в квартирах. По признанию комбата, из среды начсостава Шмидт выделял для себя любимчиков, остальные чувствовали себя ущемленными. «С шайкой воров и вредителей из числа своих любимчиков он расхитил до полумиллиона рублей», — писал Кулик. Всего эти «свидетельства» комбата о «вредительской деятельности» Шмидта заняли 10 страниц. Интересно, что в 1956 г. Кулик, будучи уже генерал-лейтенантом, давал реабилитационную характеристику Дмитрию Аркадьевичу как честному командиру и преданному члену Коммунистической партии ⁷¹.

6 апреля 1937 г. Шмидт сделал последнюю попытку спасти свое честное имя: он обратился с письмом к Сталину. «Глубокоуважаемый т. Сталин! Имея такого авторитетного наркома, в заключении которого я нахожусь, я не писал бы Вам, но состояние и суть дела таковы, что мне хочется с Вами поделиться. Находясь в одиночной камере в Лефортово (такой мрачной), будучи подавлен всем происшедшим, у меня хватает сил к Вам обратиться. Все обвинения — миф, показания мои — ложь, 100 %. Почему я давал показания? К этому много причин. Вызвали бы Вы меня к себе, а Вы должны это сделать — Вы выросли не на лебяжьем пуху, а в нужде и тюрьмах, — Вы должны чутко относиться. Помню, как Вы при мне с чувством большой грусти сожалели о загубленном нами кавалеристе, а ведь у него вина была (речь идет о талантливом красном командире Б.М. Думенко, расстрелянном в мае 1920 г. по клеветническому доносу. — С.Л.), но в этом потом я понял железную последовательность в заботе о людях, в борьбе за кадры. Я у Вас прошу не милости — после моего разговора с Вами совершить какое-нибудь преступление перед партией — это было бы в меньшей мере вероломство, да этому названия нет. Пишу Вам, зная, что Вы можете все проверить, тем более у меня надежда на скорейшее окончание дела. Ваше одно слово и произойдет недвусмысленное воскрешение человека.

Дорогой т. Сталин! Самое основное, что я ни в чем не виновен. — Ну, в такой степени, как был невиновен Бейлис или Дрейфус. Т. Сталин! Верните меня к жизни, верните меня к семье — я так наказан. Теперь есть возможность писать, я Вам еще хочу написать, т.к. что-то нескладно, кажется, это потому, что в своей одиночке я заболел и пишу Вам, лежа в постели. Родной мой Сталин! Сотни миллионов будут праздновать 1 Мая (я не мечтаю, как в прошлом году, вести за собой колонну танков), отпустите меня к ним! Честно-му человеку, бойцу и революционеру не место в тюрьме» ⁷².

Реакции на обращение не последовало, а 17 июня 1937 г. было вынесено обвинительное заключение. Военной коллегией Верховного суда СССР 19 июня 1937 г. по обвинению в участии в «военном заговоре» комдив был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение 20 июня 1937 года ⁷³. Останки комдива захоронены на Донском кладбище в Москве.

Александру Константиновну вызывали на допросы следователи НКВД. Один из часто задававшихся вопросов — почему ни дома, ни

в штабном кабинете мужа не было портрета Сталина? Ее исключили из комсомола и отчислили из Института гражданской авиации. Райком комсомола дал ей направление на работу на автобазу. Она ездила с ребенком в Москву, пыталась добиться свидания с мужем, но встретиться им не позволили. В сентябре 1937 г. арестовали и ее. Сашеньку незадолго до этого забрал к себе дедушка (отец Александры Константиновны) в Воронеж. После Лукьяновской тюрьмы в Киеве с 1938 по 1946 г. Шмидт отбывала наказание по обвинению в связях с «врагом народа» в Карагандинском лагере в Казахстане, работала на тракторе. Дочь Сашенька вместе с ее родителями в годы Великой Отечественной войны была эвакуирована в с. Панино Воронежской области. Осенью 1946 г. после окончания срока Александра Константиновна была освобождена.

В дальнейшем она работала бухгалтером в районной больнице и аптеке. После реабилитации вернулась в Киев, работала секретарем-машинисткой в Научно-исследовательском институте археологии Академии наук УССР и в Научно-исследовательском институте спирта. В 1957 г. Шмидт написала письмо Н.С. Хрущеву с просьбой реабилитировать мужа. Ее просьбы были услышаны. Определением Военной коллегии от 6 июля 1957 г. комдива реабилитировали. Помимо вышеупомянутого Кулика, реабилитационные характеристики написали высокопоставленные военные: полковник И.В. Дубинский, генерал-лейтенант А.И. Тодорский и генерал армии А.В. Хрулёв. Свои мысли военачальники выражали кратко и четко. «Считаю, что Шмидт честно работал», — написал Хрулёв. «Шмидт — член партии с 1915 г.», — отметил Тодорский⁷⁴. И этим было все сказано.

Согласно Заключению военной прокуратуры по делу Шмидта от 27 ноября 1956 г., предшествовавшему его реабилитации, дело это велось с грубым нарушением законности, обвинительный приговор основывался исключительно на «признании» комдивом своей вины и показаниях Дрейцера (расстрелян 25 августа 1936 г.). При этом отмечено, что «Шмидт в процессе предварительного следствия неоднократно изменял свои показания, категорически отрицая предъявляемые ему обвинения». Показания Дрейцера и других подследственных противоречат друг другу. Например, имеющиеся в деле свидетельства Якира «весьма неконкретны, малоубедительны и не могут служить доказательством виновности Шмидта». Отмечается и намеренная ложь в показаниях: названный комдивом «троцкистом» Туровский никогда в оппозиции не состоял⁷⁵. Таким образом, никакими документальными подтверждениями существования «заговора» следствие не располагало.

Шмидт был очень талантливым человеком, из него мог получиться писатель, дипломат или прекрасный педагог. Сам он считал, что у него нет специальности, а военная деятельность вызвана необходимостью — нельзя было не участвовать в первой мировой и Гражданской войнах. «Д.А. любил музыку, — вспоминала А.К. Шмидт. — Считал, что он мог бы быть дирижером. Хотел быть инженером по строительству железнодорожных мостов. Хотел быть клоуном. Он говорил: “Командовать может каждый дурак, а рассмешить — не каждый”. Д.А. любил шутку, и на первый взгляд, мог показаться несерьезным человеком, развлекающим слушателей. Но его выдум-

ки и анекдоты всегда были оружием. Сарказмом он приводил в отчаяние своих недоброжелателей. Шуткой он пользовался и воспитывая подчиненных»⁷⁶.

Примечания

1. ДУБИНСКИЙ И.В., ШЕВЧУК Г.М. Червонное казачество. Киев. 1987; ДУБИНСКИЙ И.В. Портреты и силуэты: Очерки, документальная повесть. М. 1987; ЕГО ЖЕ. Особый счет: Военные мемуары. М. 1989.
2. ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937—1941. Биографический словарь. М. 2012, с. 303.
3. Следственное дело комдива Д.А. Шмидта, т. I. Государственный архив Службы безопасности Украины.
4. ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Ук. соч., с. 303.
5. ДУБИНСКИЙ И.В. Портреты и силуэты, с. 145; ЕГО ЖЕ. Особый счет, с. 31.
6. ДУБИНСКИЙ И.В. Начдив Шмидт. В кн.: Портреты и силуэты, с. 150.
7. ШМИДТ А.К. Воспоминания. Из семейного архива Токарей. Киев.
8. ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Ук. соч., с. 303.
9. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М. 1983.
10. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
11. ДУБИНСКИЙ И.В. Портреты и силуэты, с. 145.
12. БАРМИН А.Г. Соколы Троицкого. М. 1997, с. 108.
13. ДУБИНСКИЙ И.В. Портреты и силуэты, с. 147.
14. Там же, с. 146.
15. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
16. Там же.
17. ДУБИНСКИЙ И.В. Портреты и силуэты, с. 146.
18. ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Ук. соч., с. 304.
19. БАРМИН А. Ук. соч., с. 108—109.
20. ГОРБАТОВ А.В. Годы и войны: Военные мемуары. М. 1992, с. 111.
21. Герои гражданской войны. — Военно-исторический журнал. 1973, № 10, с. 48.
22. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
23. ДУБИНСКИЙ И.В. Портреты и силуэты, с. 151.
24. ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Ук. соч., с. 304.
25. Следственное дело комдива Д.А. Шмидта, т. II.
26. ЖУКОВ Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1992, с. 150—151.
27. Из протокола допроса Д.А. Шмидта 9 июля 1936 г. Без срока давности. К 60-летию раскрытия органами НКВД так называемого «Военно-фашистского заговора в Красной армии». Из архивов ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. — Научно-документальный журнал. 1997, № 1/2 (4/5), с. 141.
28. Там же, 1998, № 1/2 (6/7), с. 150—152.
29. БАРМИН А.Г. Ук. соч., с. 110.
30. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
31. Там же.
32. Там же.
33. ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Ук. соч., с. 304.
34. ДАЙНЕС В.О. Бронетанковые войска Красной армии. М. 2009, с. 48—49.
35. Семен Абрамович Туровский (1895—1937 гг.) — советский военачальник, комкор (1935 г.). Был арестован 2 сентября 1936 г. по обвинению в участии в военном заговоре. Расстрелян 1 июля 1937 г. Реабилитирован 29 сентября 1956 г. См.: ЧЕРУШЕВ Н.С., ЧЕРУШЕВ Ю.Н. Ук. соч., с. 116.
36. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
37. Там же.
38. Там же.

39. Там же.
40. Там же.
41. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 134.
42. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
43. Там же.
44. Маневры Киевского военного округа 1935. Советская военная энциклопедия. Т. 5. 1978, с. 121—122.
45. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
46. Следственное дело комдива Д.А. Шмидта, т. II.
47. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
48. Там же.
49. НИКУЛИН Л.В. Воспоминания о Бабеле. М. 1989, с. 138—139.
50. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
51. Там же.
52. ЖУКОВ Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1992, с. 154.
53. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
54. Там же.
55. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 51.
56. Там же.
57. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. — Вопросы истории. 1994, № 8, с. 25.
58. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М. 2008, с. 294—295.
59. Из архивов ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. — Научно-документальный журнал. 1997, № 1/2 (4/5), с. 159—160.
60. ДУБИНСКИЙ И.В. Особый счет, с. 135.
61. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
62. Там же.
63. Из архивов ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, с. 141—157.
64. Следственное дело комдива Д.А. Шмидта, т. II.
65. ЯКИР П.И. «Будь настоящим, сын!» В кн.: Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М. 1963, с. 146, 224.
66. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года, с. 7—8.
67. ЯКИР П.И. Ук. соч., с. 226.
68. Из архивов ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, с. 147.
69. ШМИДТ А.К. Ук. соч.
70. Следственное дело комдива Д.А. Шмидта, т. II.
71. Там же.
72. Протоколы допроса комдива Д.А. Шмидта. В кн.: ПРУДНИКОВА Е.А., КОЛПАКИДИ А.И. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М. 2009, с. 563—564.
73. Следственное дело комдива Д.А. Шмидта, т. II.
74. Там же.
75. Заключение главного военного прокурора по делу Д.А. Шмидта от 27 ноября 1956 г. Из архивов ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. — Научно-документальный журнал. 1997, № 1/2 (4/5), с. 165.
76. ШМИДТ А.К. Ук. соч.

Татьянинский Комитет в Ярославской губернии в годы первой мировой войны

К.А. Степанов

История различных обществ, комитетов, попечительств, комиссий по оказанию помощи увечным бойцам русской армии, их семьям и беженцам в годы первой мировой войны в последнее время привлекает к себе пристальное внимание исследователей¹. Однако деятельность Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий в Ростовском уезде не изучена. Настоящее исследование призвано несколько восполнить имеющийся пробел и на примере отдельно взятого уезда показать работу Татьянинского Комитета не только в Ярославской, но и в соседних губерниях.

С началом военных действий мирное население стало уходить из прифронтовой полосы, хотя это еще не носило массового характера. Но с лета 1915 г. неудачи на фронте вызвали большой поток беженцев в глубь России, в том числе и в Ярославскую губернию. К середине сентября в губерниях было уже около 750 тыс. вынужденных переселенцев, к началу 1916 г. только маршрутными поездами было эвакуировано на восток свыше 2 млн человек². В свою очередь, в Ярославской губернии на 1 января 1916 г. нашли приют более 10 тыс. беженцев, из них 2890 проживали в Ростовском уезде³.

Лишенные крова, хлеба, родственников, заработка вынужденные переселенцы нуждались в помощи, которую и получали от образованного 14 сентября 1914 г. Комитета под почетным председательством Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны⁴. В связи с постоянно увеличивавшимся количеством беженцев для организации работы по приему и размещению их на местах, Николай II 30 августа 1915 г. утвердил закон «Об обеспечении нужд беженцев»⁵. На его основании в Ярославле был открыт губернский комитет помощи беженцам и комиссия по устройству беженцев, а в Ростовском уезде — земско-городской комитет помощи беженцам.

Степанов Константин Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».

Для упорядочения работы Татьянинского Комитета было подготовлено и 14 сентября 1914 г. утверждено Николаем II Положение о Комитете, согласно которому в его состав входили председатель, вице-председатель и члены, назначенные княжной Татьяной Николаевной. В ведении Комитета находились вопросы, связанные с оказанием единовременной материальной помощи беженцам, участие в отправке на родину или на место постоянного жительства, поиск занятий для трудоспособных, содействие в распределении нуждающихся в богадельни, приюты, частичное финансирование этих богоугодных заведений и открытие своих, содействие в получении денежной помощи и вознаграждении за причиненные военными действиями убытки, принятие пожертвований. Согласно 6-му пункту Положения, Комитет мог оказывать «временную помощь лицам, впавшим в нужду вследствие бедствий, вызываемых военными обстоятельствами, в пределах их постоянного места жительства, либо временного пребывания»⁶. Денежные средства пополнялись в основном за счет ассигнований из государственной казны, а также пожертвований, устройства концертов, гуляний, сеансов кинематографа, кружечных сборов, лотерей. Для работы на местах Комитету предоставлялось право открывать губернские и уездные отделения.

Вскоре после открытия, 25 сентября 1914 г., Татьянинский Комитет обратился в Ростовскую уездную земскую управу с призывом об оказании ему посильной помощи. Наряду с этим в послании к ростовским земцам также указывалось на ужасы, которые имели место «в Калише и Ченстохове»⁷.

Проьба Комитета 18 ноября 1914 г. была заслушана на очередном уездном земском собрании, где управа предложила гласным выделить 500 руб. «в пользу пострадавшего от войны населения Польши и Бельгии»⁸. Обсудив вопрос и учитывая стеснение в средствах, собрание ассигновало в помощь населению Бельгии 100 руб. и Польши — 300 рублей.

Оказание этой финансовой помощи ростовскими земцами стало отправной точкой для открытия, согласно 9-му пункту Положения и по примеру других городов России⁹, в г. Ростове Ярославской губернии Ростовского отделения Татьянинского Комитета.

Его деятельность осуществлялась через городских участковых попечителей и уездные районные, волостные и сельские попечительства. К 25 октября 1915 г. в Ростове было 12 участков, а в уезде — 34 попечительства: Гарское, Ильинско-Хованское, Ивашевское, Карашское, Перовское, Дубровское, Поречское, Вошажниковское (районные), Угодичское, Филиппогорское, Никоновское, Сельцовское, Якимовское, Скнятиновское, Воскресенское, Городецкое (Угодичской волости), Никольско-Ошанское, Воржское, Шестаковское, Вексицкое, Климатинское, Филимоновское, Александринское (Воржской волости), Погореловское, Тимофеевское (Нажеровской волости), Лазарцевское, Осиповское, Щадневское, Иванчищевское, Кулачевское, Спас-Городецкое, Исаевское, Полежаевское, Красновское (Щадневской волости)¹⁰.

Собравшиеся 31 августа 1916 г. на заседание президиума Ростовского отделения решили попечителей И.Н. Пивоварова, А.А. Виноградову, священника о. Михаила Ковалёва оставить на прежнем учас-

тке, Е.Н. Синявина закрепить за кремлем, А.И. Станкевич — за Покровской улицей и частью Рождественской, М.И. Щапина с Е.Н. Михайловой — улицей Ветровка, А.А. Бакина — Ильинской улицей, А.А. Сивкова — Калмыцкой, священника о. Димитрия Соколова с Н.Н. Машкиным — Ивановской, Большой и Малой Заровскими, а также Введенской, Б.Е. Гоффеншефер — Ярославской, Лазаревской улицами, а также общей еврейской организацией, И.А. Цветаева — улицей Подозерка, Н.Л. Савина — Благовещенской, М.И. Десницкая — Успенской ¹¹.

Работа городских участковых попечителей и уездных попечительств заключалась не только в размещении беженцев, но и в сборе необходимых данных о тех, кто нуждался в пособии. Они заполняли специальные регистрационные карточки-прошения, в которые заносились сведения о материальном состоянии беженцев, заверенные должностными лицами ¹². Они направлялись в Ростовское отделение вместе с ежемесячными отчетами о затратах. Присылаемые материалы не всегда были точными, поэтому отделение 22 марта 1916 г. указало попечительствам на необходимость предоставлять сведения по установленной форме с приложением списков лиц и указанием национальности и вероисповедания глав семейств.

Занимаясь сбором средств для помощи нуждающимся, Ростовское отделение 27 мая 1915 г. уведомило уездную земскую управу о проводимом 29—31 мая 1915 г. в стране и в Ростовском уезде кружечном сборе, а также попросило ее принять участие в благотворительной акции и «допустить сборщиц в помещение управы для сбора пожертвований» ¹³. Учитывая важность мероприятия, ростовские земцы откликнулись на обращение Татьянинского Комитета. За трехдневный сбор они продали в счет пожертвований 36 тыс. значков, 9 тыс. булавок и 4,5 тыс. открытых писем, а в Ярославской губернии — около 300 тыс. значков, 50,5 тыс. булавок и 25 тыс. открытых писем с портретами Татьяны Николаевны ¹⁴. Всего по стране кружечный сбор, приуроченный ко дню рождения великой княжны Татьяны, принес 2,2 млн рублей ¹⁵.

С целью пополнения кассы Татьянинский Комитет организовал в сентябре 1915 г. акцию в помощь беженцам под названием «Ковш зерна нового урожая». Представители от волостных попечительств объезжали на подводах селения, усадьбы в Ростовском уезде ¹⁶, собирали пожертвованное зерно, «избегая всякого рода давления и принуждения к этому» ¹⁷, как требовала инструкция. В ходе акции удалось собрать не только зерно, но и другие сельскохозяйственные продукты, а также деньги. В большинстве случаев зерно перемалывалось в муку, которую продавали, а деньги перечисляли на счет уездного отделения. В некоторых случаях продукты раздавались нуждающимся беженцам.

Так, Климатинское попечительство собрало 55 п. 28 ф. ржи, а вырученные за это деньги выслало на счет Ростовского отделения ¹⁸. Ивашевское попечительство 49 руб. 88 коп., собранных от акции «Ковш зерна», в апреле 1916 г. израсходовало на содержание беженцев. Борисоглебское попечительство собрало 107 руб. 69 коп., а также продукты и одежду. Из этой суммы 20 руб. оно выделило детям-ученикам, а остальные деньги отправило отделению. Перовское

попечительство получило за время проведения акции продуктов на 272 руб. 5 коп. и по своей инициативе с 24 октября по 6 ноября 1915 г. раздало их беженцам¹⁹. Для возмещения затрат оно обратилось в Ростовский уездный земско-городской комитет помощи беженцам, но получило отказ.

Однако не у всех показатели по сбору зерна были большими. Например, Спас-Городецкое попечительство собрало от этого мероприятия только мешок ржи, который продало за 5 руб., а деньги перечислило на счет отделения.

Случалось, беженцы по разным причинам не получали продукты, и тогда отделение не помогало им и деньгами. Так, 22 марта 1916 г. оно отказало А. Триполину в пособии на одежду и обувь, мотивировав это тем, что по сообщению Карашского попечительства, нуждающийся не стал получать бесплатную муку и картошку от сбора «Ковш зерна», а с 27 января не приходил за продовольственным пайком по 15 коп. на человека²⁰.

Ростовское отделение отслеживало результаты благотворительной акции «Ковш зерна». Поэтому не случайно, что президиум уездного отделения 11 сентября 1916 г. отметил, что в отчетах попечительств за август указана сумма 2356 руб. 76 коп., а на счет поступило 1686 руб. 38 коп.²¹. Поскольку недостающая сумма в книге учета не записана, уездным попечительствам было предложено перечислить ее в кассу.

Примечательно, что Карашское попечительство оказывало помощь беженцам, открыв в с. Караш «питательно-этапный пункт для беженцев, проходящих со станции “Итларь” в волостные попечительства, через каковой... прошло 485 человек»²². Взрослые получали чай, черный и белый хлеб, жареный и вареный картофель, а дети — белый хлеб с колбасой. При этом некоторые партии, задерживающиеся там по 2—3 дня, находились на содержании попечительства, а ребята, при необходимости, кроме еды получали обувь и одежду, которая заранее бралась у заведующей ростовским складом Степановой. Так, попечительство поступало потому, что пожертвованных одежды и обуви не хватало, а денег на покупку было недостаточно. Израсходовав на эти цели все средства и не имея возможности компенсировать их из Татьянинского Комитета, Карашское попечительство 24 ноября 1915 г. обратилось за помощью в Ростовский земско-городской комитет. Рассмотрев письмо, комитет решил взять на себя расходы по содержанию пункта питания, предложив представлять в его адрес ежемесячные сведения о тратах на питание беженцев.

Аналогичное положение дел могло быть и в других регионах страны. Так, например, Мещовская уездная управа Калужской губернии выдала одежду или обувь 1123 переселенцам из 2,5 тыс. нуждавшихся в этом²³.

27 марта 1916 г. Ростовское отделение провело в помещении мужской гимназии имени А.Л. Кекина благотворительный спектакль, от которого удалось собрать 662 руб. 29 копеек. В частности, от продажи билетов было получено 335 руб. 55 коп., розыгрыша «куклы» — 52 руб. 40 коп., розыгрыша двух картин великой княжны Татьяны Николаевны — 81 руб. 90 коп., «японской» лотереи — 12 руб. 75 коп., продажи программ — 59 руб. 26 коп., выручка буфета составила 80 руб. и 40 руб. 43 коп. были пожертвованы. За вычетом расходной части по

организации спектакля в сумме 157 руб. 21 коп. чистая прибыль составила 505 руб. 8 копеек. Полученные таким образом деньги стали весомой помощью отделению. Об этом можно судить на примере сметы его расходов на май 1916 г. в сумме 1525 руб., из которых 50 руб. предусматривалось на содержание детей-беженцев в Мальгинской школе, 75 руб. — училищу для беженцев, 1000 руб. — на обувь, одежду и питание, 50 руб. — на чай и приварок в школах детям-беженцам, 50 руб. — на канцелярские принадлежности и 300 руб. — на содержание больных детей-беженцев в летних колониях ²⁴.

Ввиду нехватки денег, одежды и учитывая большое количество нуждающихся, Татьянинский Комитет постановил с 5 июля по 6 августа 1916 г. провести вещевой «фурный» сбор «доброхотно жертвуемого населением для нужд беженцев носильного платья» ²⁵. Для оповещения жителей Ростовского уезда члены отделения 16 июня 1916 г. раздали волостным и сельским попечительствам, священникам, а также земским начальникам напечатанные «летучки» и извещения. Прием одежды должен был осуществляться в Ростовском уездном казначействе, а хранение пожертвованного — в специально открытом складе при Ростовской землеустроительной комиссии. Собранные вещи предполагалось выдавать по мере надобности и с согласия отделения в каждом отдельном случае.

Сведений о том, как прошла благотворительная акция, в архивных документах обнаружить не удалось. Впрочем, если судить по сбору вещей в октябре 1915 г. в селениях Борисоглебского попечительства, можно сказать, что их было сдано достаточно. Так, в ведомости от 22 октября 1915 г. о пожертвованиях, сделанных жителями д. Сабурово записано: 3 пары галош старых, 3 пары полусапожек, 13 кофточек, 3 платка, 5 рубашек детских, мужская рубашка, кальсоны, 3 юбки женские, платье, косынка, мужское пальто, 3 жакета женских, а также 2 руб. 54 коп., 1 четверть 1 мера ржи, 2 четверти 2 меры картофеля ²⁶. Следует заметить, что такой сбор проводился Комитетом и в других регионах страны, например, 12—14 сентября 1915 г. в Калуге ²⁷.

2 февраля 1917 г. в Ростове был проведен благотворительной вечер «Ростовская ярмарка» в пользу школьников-беженцев. Его организацию и расходы взяла на себя Екатерина Николаевна Укке. О результатах акции казначей отделения П.О. Укке сообщил 20 февраля 1917 г. на заседании бюро. Собравшиеся в лице Г.М. Леонтьева (председатель), П.О. Укке, П.Ф. Савченко, Н.И. Балина, Н. Савиной, Щапина, Михайловой, священника о. Михаила Ковалёва, протоиерея Троицкого, И.Я. Дерунова и священника о. Димитрия Соколова выразили благодарность Е.Н. Укке, директору мужской гимназии имени А.Л. Кекина С.П. Моравскому, начальнице Мариинской гимназии А.П. Введенской и решили поместить отчет в газете «Голос», а копию «послать в губ[ернское] отд[еление] и Центральный Комитет» ²⁸.

Некоторые из прибывших в Ярославскую и Костромскую губернии беженцев из Холмской губернии принимали на малой родине участие в работах по укреплению Влодавской позиции, но не получили денег. Об этом Влодавская строительная организация известила начальника инженеров Брест-Литовской крепости. На основании его

обращения Комитет великой княгини Татьяны Николаевны 10 февраля 1916 г. отношением за № 87 уполномочил Ярославскую губернскую комиссию оповестить беженцев, что оплата за работы будет производиться только после предоставления «заявлений и ярлыков, выданных на участках работ... в случае утери означенных ярлыков, в заявлении надлежит указать участок работ (деревню, местечко или фамилию офицера, производившего работы) и... в заявлениях должен быть точно указан адрес заявителя, по которому можно выслать деньги». Среди таких лиц в Ростовском уезде был крестьянин-беженец Корнил Брындзюк из Романовской гмины Влодавского уезда Холмской губернии. В архивных первоисточниках сохранился «отрезной корешок» от талона на денежный перевод. Из него следует, что 5 марта 1916 г. за начальника инженеров Брест-Литовской крепости местный инженер капитан Смирнов и инженерный чиновник, титулярный советник Бликов выслали в Ростовский земско-городской комитет 20 руб. 25 коп. для передачи их Брындзюку через священника о. Димитрия Соколова ²⁹.

Деятельность Ярославского и Ростовского отделений Татьянинского Комитета была связана с Ярославским губернским и Ростовским уездным комитетами, так как они выполняли общую задачу — помогали беженцам. Отличие состояло в том, что отделения свое призвание в первую очередь распространяли на детей, а комитеты — на все категории вынужденных переселенцев.

Следует отметить, что помощь беженцам в Ярославской губернии также оказывалась Ярославскими отделами — Всероссийского общества, Центрального русского комитета западно-русского общества, Ковенского отделения западно-русского общества, Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского, Польского общества помощи жертвам войны, Литовского Центрального Комитета, Латышского Центрального Комитета, Еврейского Центрального Комитета. А до открытия Ярославского губернского и Ростовского уездного комитетов вынужденные переселенцы получали помощь в Ростовском уезде от специально открытого отдела при Ростовском уездном комитете помощи больным и раненым воинам Всероссийского земско-городского союза, о чем известно из доклада санитарного врача В.И. Ивановского, сделанного 4 августа 1915 г. на уездном врачебном совещании ³⁰.

Из архивных документов известно, что за время с 13 января по 18 декабря 1916 г. Ростовское отделение 33 раза собиралось на свои заседания, где обсуждались вопросы материальной помощи, и в первую очередь, детям-беженцам. Приоритетными среди них были выдача денег на одежду, обувь ³¹, питание, оплату за обучение. Так, на заседании отделения 29 января 1916 г. были заслушаны прошения М. Левченко об оплате 17 руб. 50 коп. за обучение в 1-м классе Мариинской женской гимназии его дочери, Ф. Трохимчук, 25 руб. дочери Надежды в 4-м, М. Пальцевой — 17 руб. 50 коп. дочери Веры во 2-м, И. Анисимова — 25 руб. дочери Нины в 5-м; Сабинина — 22 руб. за обучение в 1-м классе той же гимназии дочери Екатерины. Собравшиеся постановили оплатить учебу всех детей, внося в смету затрат на март 1916 г. необходимую для этого сумму. 17 мая 1916 г. заседание решило оказать единовременную помощь на покупку одежды

детям из семей А. Козакевич, А. Васильевой, Х. Штейн, Х. Эйдельман, Х. Кравец на сумму до 50 рублей. 20 ноября 1916 г. отделение согласилось выдать 50 руб. для больной из семьи Ф. Вырвича на «улучшение питания», а 15 декабря 1916 г. — 10—12 руб. на покупку пальто для Марии Алисьяк, ученицы Мальгинской школы на Малой Заровской улице г. Ростова ³².

Решением аналогичных вопросов Ростовское отделение занималось и в 1917 году. В частности, 27 февраля 1917 г. на очередном заседании отделения в составе А.И. Домбровского (товарищ председателя), П.О. Укке (казначей), священника о. Димитрия Соколова (секретарь) и Машкина (член) были заслушаны прошения учениц Мариинской женской гимназии г. Ростова о внесении платы за обучение. Рассмотрев материальное состояние каждой из просительниц и учитывая свои возможности, собравшиеся решили оплатить учебу только за 2-ю половину 1916—1917 учебного года. Кроме этого, кожаную обувь с калошами получила больная девочка Мария Тюханова, валенки — ученица из д. Сильницы Марина Борщик, а беженка Екатерина Новик — 20 руб. «пособия» на детей. 10 и 22 марта 1917 г. рассматривались вопросы о выплате целевых единовременных пособий. Так, Хеврония Бакунович получила 20 руб. на питание, Ева Ритус — 15 руб. на лечение, София Кучера — 15 руб. на одежду детям, Хае и Саре Послухиным было выделено 25 руб. на платье, белье и обувь ³³. Всего же за это время с просьбами о помощи на имя Татьянинского Комитета было подано 61 заявление, и только в 10 случаях был дан отказ.

Следует отметить, что валенки для ребят Ростовское отделение покупало на заводе Торгового Дома «Егорычева С-вья» в с. Макарово Ростовского уезда. Так, 30 октября 1916 г. на заседании отделения было решено купить там 140 пар детских валенок. Позднее, по разрешению Ярославского губернского военно-промышленного комитета от 8 ноября 1916 г., попечителю священнику о. Димитрию Соколову было позволено закупить еще 150 пар детских валенок на сумму до 1400 рублей ³⁴. Поскольку уездное отделение испытывало стеснение в средствах, оно обратилось за помощью к губернскому и, получив деньги, «сговорилось» за 1380 рублей.

Проявляя заботу о детях-беженцах, отделение занималось не только размещением ребят в учебных заведениях, но и открывало новые школы. Представитель Татьянинского Комитета Н.С. Ципленков 15 ноября 1915 г. на заседании Ростовского земско-городского комитета помощи беженцам сообщил: «... Школа для детей-беженцев организована, и... материальную ответственность по содержанию школы Татьянинский Комитет берет на себя». Наряду с этим, на Малой Заровской улице была открыта школа (хедер) для детей-беженцев евреев, в которой к 30 октября 1916 г. обучалось около 40 человек. Для учеников этой школы Комитет организовал горячие завтраки. Из архивных первоисточников известно, что в ответ на ходатайство председателя Ростовского еврейского отдела Ростовское отделение 1 ноября 1916 г. согласилось ежемесячно выдавать по 25 руб. «на устройство завтраков детей евреев» ³⁵. Следует заметить, что 19 августа 1916 г. в Ростов прибыла партия евреев-беженцев в количестве 117 чел., из них часть была размещена в помещении бывшей гостиницы «Тулон».

Примечательно, что в колонии «Демидовка» для поляков-беженцев, рассчитанной в начале июня 1916 г. на 1200 человек, Татьянинский Комитет на свои средства организовал ремесленно-учебные мастерские на 650 учеников и инвалидов ³⁶.

Во второй половине 1915—1916 учебного года дети-литовцы обучались в Шестом училище, что на Калмыцкой улице, во вторую смену с 2 часов пополудни. После окончания занятий 14 мая 1916 г. учитель С. Свенцицкий сообщил, что в школе-приюте было 43 человека обоего пола, в том числе в 1-м отделении — 37, во 2-м — 5 и в 3-м — 1 ученик ³⁷. Занятия с литовцами-беженцами продолжились и в 1916—1917 учебном году, а для того, чтобы облегчить труд учителей и иметь полный комплект, в школу по просьбе правления Ярославского отдела Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны был принят учитель И.И. Шлякис.

Дети в земских начальных и церковно-приходских школах уезда учились бесплатно. В ответ на запрос уездного комитета помощи беженцам, Ростовское отделение Ярославского епархиального училищного совета 3 декабря 1915 г. уведомило, что «в церковно-приходских школах платы за право учения детей не взимается ни с кого, тем более с беженцев» ³⁸.

При определении детей-беженцев в начальные учебные заведения Татьянинский Комитет в некоторых случаях выделял деньги на питание, одежду и учебные принадлежности. Так, в ответ на просьбу инспектора народных училищ 2-го участка Ярославской губернии о покупке материалов (учебных пособий, книг, бумаги, перьев) для класса рукоделия, находившегося при эвакуированном в Ростовский уезд Гривском высшем начальном училище Рижского учебного округа, отделение 29 августа 1916 г. выделило около 25 рублей ³⁹.

Следует отметить, что его ученики при переводе в детские приюты также обеспечивались одеждой. В частности, попечитель священник о. Михаил Ковалёв обратился к президиуму уездного отделения с просьбой о покупке пальто и калош уезжающему в Линсовский приют ученику Колтуш Чеславу и нашел понимание ⁴⁰. 2 декабря 1916 г. заседание отделения вновь пошло навстречу Ковалёву и ассигновало 6 руб. для четырех учеников из числа беженцев, обучавшихся в Спасо-Яковлевской церковно-приходской школе.

При выделении материальной помощи учащимся-беженцам в связи с началом 1916—1917 учебного года, председатель А.И. Домбровский 31 августа 1916 г. на заседании Ростовского отделения предложил, чтобы попечители представляли справки о материальном положении семей «наибольшей правдивости». Это нужно было делать, чтобы помощь получали только малообеспеченные семьи, так как в распоряжении отделения имелось недостаточное количества средств.

Свою деятельность Ростовское отделение постоянно согласовывало с Ярославским. Так, в ответ на запрос уездного отделения от 31 августа 1916 г. о порядке назначения пособий на обучение, губернское отделение 7 сентября 1916 г. в своем отношении за № 538 «разъяснило, что основной задачей... является всемерная помощь учащимся» ⁴¹.

Во время первой мировой войны в Ростовский уезд было эвакуировано не только Гривское, но и Полоцкое Спасо-Евфросиниевское епархиальное училище ⁴², где обучались девочки. Поскольку это учи-

лише относилось к духовному ведомству, Ростовское отделение в первое время не оказывало помощи его ученицам. Поэтому 20 октября 1916 г. было отклонено ходатайство Ф. Верцинской о выдаче денег на обучение и содержание дочери, ученицы Полоцкого училища. Однако впоследствии отделение изменило свое отношение к финансированию этого учебного заведения. 18 декабря 1916 г. оно одновременно ассигновало на питание воспитанницам 200 руб., а также согласилось внести в смету расходов на февраль 1917 г. еще 405 руб., но только после «обследования» Машкиным и П.О. Укке материального состояния учениц. Заслушав 20 февраля 1917 г. на заседании бюро их доклад «о посещении» Спасо-Евфросиниевского женского училища, собравшиеся решили с февраля ежемесячно выдавать 125 руб. на улучшение питания учащимся, но только в течение занятий⁴³.

Следует отметить, что дети-беженцы при достижении ими 14-летнего возраста, в том числе и те, которые учились, лишались права на получение продовольственного пайка как от Ростовского земско-городского комитета помощи беженцам, так и от Татьянинского. Это было связано с тем, что все взрослое население из числа вынужденных переселенцев должно было трудоустроиваться, если позволяло здоровье, а неработающие привлекались к сельскохозяйственному труду, существовал так называемый «вывод проживающих в городах беженцев в сельские местности»⁴⁴. Чтобы исправить положение, в котором оказывались подростки, Ростовское отделение 17 августа 1916 г. уполномочило свою исполнительную комиссию продолжать выдачу ежемесячного пособия учащимся, но не превышая размеры прежде выдаваемого пайка.

Примечательно, что по закону от 25 июня 1912 г. получение казенного пайка семьями беженцев, в которых имелись ратники или запасные воины, не влияло на получение пайка и от Комитета помощи беженцам или Татьянинского Комитета.

Желая скрасить детям время вынужденного проживания в Ростовском уезде, уездное отделение старалось, по мере возможности, устраивать для них праздничные мероприятия. Так, чтобы праздник Св. Пасхи был одинаков для всех детей, в том числе и для беженцев, волостные и сельские попечительства стали направлять в отделение прошения о помощи нуждающимся семьям. Не имея достаточно средств, Ростовское отделение 5 марта 1916 г. обратилось с ходатайством в Ярославское губернское отделение о включении в смету дополнительных расходов на апрель в сумме 500 руб. «на улучшение питания несостоятельных беженцев». Изыскав средства, уездное отделение тоже выделило по 50 коп. на каждого ребенка в возрасте от 4 до 15 лет для праздничного «детского утра»⁴⁵. По-видимому, собранных денег оказалось мало, и заседание Ростовского отделения 29 апреля 1916 г. в составе председателя Леонтьева и членов: священника о. А. Троицкого, Балина, С.В. Москалева, Савченко, П.О. Укке, Н.И. Шультена и Н.С. Ципленкова предложило провести праздник Св. Пасхи только в Зверинцевском волостном попечительстве.

18 декабря 1916 г. члены отделения решили организовать 12 января 1917 г. праздник «Татьянинского дня» с раздачей подарков и отправкой поздравления в адрес именинницы. В связи с этим 9 января 1917 г. заседание бюро постановило просить преподавателей 12 января «сказать слово — разъяснить детям значение дня и выдать им подар-

ки — ситцу на рубашки и книжки, присоединив учеников-беженцев Мальгинской школы и других низших школ... послать поздравительную телеграмму». Правление отделения обратилось также к директору мужской гимназии С.П. Моравскому с просьбой устроить 15 января кинематографический сеанс для детей-беженцев, поскольку кинематограф был востребован, но еще мало доступен. Запланированное мероприятие требовало вложения денежных средств, и ввиду их недостатка было решено даже отказаться от устройства Рождественских праздников. Несмотря на старания, собрать необходимое количество денег не получилось, поэтому праздник «Татьянинского дня» также удалось провести не во всех попечительствах. Об этом известно из письма Ляховского попечительства в уездное отделение, в котором сообщалось о несостоявшемся торжестве для детей-беженцев по случаю тезоименитства великой княжны Татьяны. Чтобы как-то порадовать ребят, оно попросило выдать им по 75 коп. для покупки молока и яиц на праздник Св. Пасхи. Ростовское отделение пошло навстречу и 10 марта 1917 г. разрешило «израсходовать к празднику Св. Пасхи по 75 коп. на ребенка»⁴⁶.

Следует заметить, что праздник «Татьянинского дня» устраивался и в предыдущие военные годы. В частности, 16 марта 1916 г. казначей Ростовского отделения П.О. Укке выслал в адрес Борисоглебского попечительства 5 руб. 84 коп., а на «отрезном купоне» написал: «на подарки детям-беженцам в память тезоименитства Ее Высочества от Гл[авного] Комитета»⁴⁷.

Однако дети всегда оставались детьми, и иногда они отправлялись «в бега». Не случайно Ростовское отделение 22 марта 1916 г. вынуждено было обратиться в ростовские убежища Польского Центрального и Литовского Комитетов относительно проживания в них сирот-беженцев Максяло, самостоятельно покинувших место временного проживания в с. Воржа⁴⁸. Как оказалось, Ядвига, Петр, Иосиф и Мартин Максяло находились в литовском приюте.

Во время пути на новое место жительства родители и дети порой терялись в дороге. Этому способствовали болезнь, малый возраст, большое скопление народа в одном месте, особенно на вокзалах, отсутствие одного из родителей: глава семейства оставался на родине в прифронтовой полосе присматривать за домом и хозяйством, а жену с детьми отправлял в глубь страны. Чтобы помочь родственникам искать друг друга, Татьянинский Комитет организовал регистрацию беженцев «по выработанной» форме. О том, как проходила эта работа можно узнать из циркуляра ярославского губернатора от 12 декабря 1915 г. земским и городским управам. В нем сообщалось, что указанный Комитет успешно повел поиск пропавших лиц «по собранным в короткое время более 200 000 регистрационным карточкам». В свою очередь для успешного нахождения мест проживания детей-сирот, которые не могли по причине малого возраста дать нужных сведений о себе и близких, Татьянинский Комитет 19 мая 1916 г. отношением за № 6838/219 Д предложил отделениям Ярославской губернии «фотографировать таких детей и снимки помещать в периодические издания и специальные альбомы»⁴⁹.

Для поддержания здоровья ослабленных детей правление Лиги борьбы с туберкулезом 10 июня 1916 г. открыло детскую колонию. В

связи с этим попечительствам было поручено составить списки ребят, кого летом из-за слабого здоровья необходимо туда направить. Для того, чтобы не допустить в местах массового скопления людей эпидемических заболеваний, детей-беженцев предварительно осматривали врачи, в том числе и врач Ростовского земства В.И. Ивановский, работавший в Ростовском отделении Татьянинского Комитета. Представленные списки и заключения врачей рассматривались на заседании уездного отделения, которое выносило свое решение.

Так, 10 июня 1916 г. заседание уездного отделения в составе Домбровского, Ф.В. Макшина, священников о. Д. Соколова, о. Троицкого и о. М. Ковалёва, П.О. Укке, Шультена, Савченко, Е.В. Троицкой, Станкевич и В.Е. Бутылина разрешило поездку в летнюю колонию Евгении Лаврович, Сергею Гилюта, Владимиру Максимюку, Елизавете Усс, Александру Черкесу, Федору Горянскому, Сергею Осинчуку, Марье Миронюк, Вере Яенчук, Георгию Гучеку, а также наметило кандидатов — Ричарда Варвача, Бориса Гучека, Марию Апанек, Ольгу Максимюк и Владимира Осипчука⁵⁰. Одновременно отделение предложило исполнительной комиссии израсходовать до 250 руб. на покупку колонистам матрасов, подушек, белья и прочего, с оговоркой — если в смету на июнь 1916 г. не внесена указанная сумма, поскольку еще 6 мая 1916 г. на заседании отделения на эти цели было запланировано 300 руб. Наблюдение за колонистами возлагалось на члена отделения, директора Петровской учительской семинарии Ципленкова.

Ростовское отделение воздерживалось от открытия летних колоний для детей. Об этом известно из его постановления от 22 мая 1916 г., где отмечалось: «...Самостоятельно колоний не открывать... просить правление Лиги борьбы с туберкулезом взять в свою колонию 10 детей-беженцев по выбору отделения, при чем оплата за содержание будет производиться по действительной стоимости содержания». Согласно отчету Лиги, в 1916 г. в летних колониях находилось 63 ребенка, а затраты составили 650 рублей⁵¹.

Татьянинский Комитет стал инициатором проведения Всероссийской выставки различных поделок, сделанных руками беженцев, а вырученные таким образом деньги были направлены им в помощь. Судя по архивным документам, проведение выставки было неким ответом на мнение, сложившееся у жителей Ярославской губернии, а, возможно, и других регионов, что вынужденные переселенцы не стремятся устраиваться на работу. Так, 29 июля 1916 г. Комитет предложил Ростовскому отделению до 1 ноября 1916 г. «собрать образцы всяких рукоделий и произведений беженцев для устройства в Петрограде выставки». Поскольку поделки не были представлены, он 28 сентября 1916 г. повторил свое обращение, отметив при этом, что «устройство выставки моделей беженцев имеет целью дать наглядное опровержение, что беженцы отказываются от предлагаемой им работы, а всевозможные образцы беженского труда послужат укором столь легкомысленно брошенному обвинению»⁵². Для организации работы по сбору поделок для выставки председатель Ярославского губернского отделения 3 января 1917 г. выслал в уездное отделение «Руководящие начала».

О том, как работали в местах вынужденного проживания переселенцы, в документах содержатся противоречивые данные. Можно

предположить, что отношения между ними и местным населением порой были непростыми. Так, в ответ на запросы от 15 и 19 апреля Ярославского губернского комитета и постановление президиума Ростовского земско-городского комитета от 21 апреля 1916 г. о привлечении переселенцев к работам, Ляховское попечительство 30 апреля 1916 г. сообщило, что содержание документов доведено до сведения беженцев. Однако, по мнению попечительства, они шли «на работы крайне неохотно, и некоторые... поступили на сельскохозяйственные работы исключительно только поденно ... местные хозяева очень неохотно приглашают беженцев на работы, так как беженцы оказались большею частью плохими работниками и очень требовательными в отношении стола, местное население большей частью, в особенности весной и летом довольствуется вегетарианским столом, беженцы требуют непременно мяса, и притом свиного»⁵³. В свою очередь, в докладе Б.А. Голованя 4 марта 1916 г. о работе уездных комитетов помощи беженцам отмечалось, что даже «случайная работа выполняется одинокими беженцами охотно и без всяких сторонних побуждений и давлений... на ст. Итларь работало много беженцев по разгрузке вагонов, и производительность их труда становилась выше местной крестьянской»⁵⁴.

Говоря о расходах, которые несло Ростовское отделение на оказание помощи беженцам, можно отметить, что только за пять первых месяцев 1916 г. из ассигнованных 6060 руб. было израсходовано 4747 руб. 71 коп., в том числе 2665 руб. 46 коп. — на покупку одежды, обуви и питания, 250 руб. 45 коп. — на содержание школы для беженцев, 200 руб. — на содержание беженцев в Мальгинской школе, 555 руб. — на проведение тезоименитства великой княгини Татьяны, 287 руб. 60 коп. — на праздник Св. Пасхи, 84 руб. 70 коп. — на чай и приварок в школах, 164 руб. — на Гривское начальное училище, 280 руб. — на оплату за обучение в Мариинской женской гимназии, 210 руб. — на оплату за обучение в мужской гимназии имени А.Л. Кекина⁵⁵.

Деятельность Ростовского и других отделений Ярославской губернии не осталась незамеченной почетным председателем Комитета, великой княгиней Татьяной. Это видно из отношения Татьянинского Комитета, «препровожденного» Ростовскому отделению 10 июня 1916 г. Ярославским губернским отделением в ответ на поздравление председателя Комитета от лица членов, сотрудников и его отделений в день рождения Ее Высочества 29 мая. В нем великая княгиня Татьяна написала: «От души благодарю Вас, членов, сотрудников и служащих в Моем Комитете и его отделениях за поздравление, а также прошу Вас передать Мою сердечную благодарность за поднесение и пожертвование»⁵⁶.

К началу 1916—1917 учебного года количество детей-беженцев в Ростовском уезде заметно увеличилось. Чтобы разместить их в учебных заведениях, заседание президиума Ростовского отделения 26 августа 1916 г. решает открыть для детей начальную школу при мужской гимназии имени А.Л. Кекина (с согласия директора С.П. Моравского), а время занятий с учителями А.М. Булановой и Толоконниковой определить с 8 час. утра до 12 час. пополудни. Собравшиеся высказались за организацию завтраков в этой школе, но, учитывая дороговизну, в первое время ограничились булкой за 3 коп., сахаром и чаем.

Поскольку лишних денег у уездного отделения не имелось, оно обратилось в Ростовскую городскую управу для ее «содействия» в этом деле, выразив пожелание выдавать 3-х копеечные булки детям-беженцам и в других школах уезда. Впрочем, с 11 сентября 1916 г. эта помощь была увеличена, и учащиеся стали получать булку, стоившую 5 копеек. Стараясь поддержать также и 15 учеников из числа беженцев Мальгинской начальной школы, отделение 11 сентября 1916 г. решило выделять для них по 40 руб. в месяц на приварок с «выдачей учебных пособий»⁵⁷.

Ввиду того, что в Мариинской женской гимназии располагался воинский госпиталь, девочки вынуждены были заниматься в гимназии имени А.Л. Кекина. В свою очередь, помещения 3-го этажа мужской гимназии также были заняты под госпиталь. Поэтому гимназисты, ученицы ростовской Мариинской женской гимназии и учащиеся-беженцы постоянно общались между собой. Во избежание эпидемических заболеваний начальница Мариинской гимназии попросила Ростовское отделение организовать наблюдение за здоровьем учеников-беженцев, опасаясь за своих учениц. 16 ноября 1916 г. на заседании отделения было доложено о согласии врача женской гимназии С.Д. Бобковой «наблюдать за здоровьем учащихся в школе беженцев, и что... гимназия нашла возможным для этой цели отпустить 60 руб. в год»⁵⁸.

После отречения Николая II от престола отделение 28 марта 1917 г. заслушало циркуляр Татьянинского Комитета о деятельности в новых условиях. По вынесенному постановлению присутствующие решили сообщить Ростовскому комитету безопасности о продолжении работы, а для согласования действий предложили направить своего представителя в число членов этого Комитета.

28 марта и 9 апреля 1917 г. на заседаниях помимо вопросов об оказании помощи беженцам, рассматривалась смета предполагаемых расходов на май месяц. В частности, собравшиеся решили выделить 132 руб. для школы беженцев, 400 руб. — для улучшения питания учащихся, 125 руб. — для улучшения питания учеников Спасо-Ефросиниевского училища и 1000 руб. — на пособия беженцам⁵⁹.

Таким образом, спектр деятельности Татьянинского Комитета был довольно широк, но цель одна — помощь нуждающимся беженцам, и в первую очередь детям, эвакуированным с родителями или с учебными заведениями. Для них были организованы занятия в начальных училищах, гимназиях, проводилось медицинское обследование. Учитывая важность образования детей-беженцев, на средства Комитета открывались новые учебные заведения. Для ребят устраивались праздники в Воскресение Христово и в день тезоименитства великой княгини Татьяны. Это способствовало тому, что дети лучше адаптировались в местах нового проживания.

Примечания

1. См., напр.: ФОРСОВА В.В. Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России. — Вестник РАН. Т. 66. М. 1996, № 8, с. 750—758; ПАШЕНЦЕВА С.В. Деятельность женских благотворительных обществ в России в конце XIX

- начале XX века. Дисс. канд. ист. наук. М. 1999; МАТВЕЕВА Н.Л. Деятельность комитета великой княжны Татьяны Николаевны в годы Первой мировой войны. В кн.: История российской монархии: мнения и оценки. Материалы 18-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб. 2000. с. 139—142; ВЛАСОВ П.В. Благотворительность и милосердие в России. М. 2001; КАЗАКОВЦЕВ С.В. Благотворительность в Вятской губернии в годы первой мировой войны. — Вопросы истории. 2008, № 7, с. 136—142; ОТБОЕВА Д.А. Патриотическое движение в Ярославском крае в связи с началом Первой мировой войны. — Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Т. I. Ярославль. 2011, № 2, с. 313—316.
2. КУРЦЕВ А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914—1917). — Вопросы истории. 1999, № 8, с. 104.
 3. Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО), ф. 65., оп. 1, д. 4, л. 46, 47; д. 7, л. 2; КИЩЕНКОВ М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии. — Ярославский педагогический вестник. 2010, № 2, с. 62.
 4. РФ ГАЯО, ф. 5, оп. 1, д. 948, л. 21.
 5. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. 1 сентября 1915, № 242, ст. 1842.
 6. РФ ГАЯО, ф. 5, оп. 1, д. 1009, л. 68—68об.; д. 948, д. 21.
 7. Там же, д. 1009, л. 67.
 8. Журналы Ростовского уездного земского собрания очередной сессии 1914 года. Ярославль. 1915, с. 246.
 9. Например, Вятский губернский «отдел комитета великой княгини Татианы Николаевны». КАЗАКОВЦЕВ С.В. Ук. соч., с. 137.
 10. РФ ГАЯО, ф. 65, оп. 1, д. 12, л. 33.
 11. Там же, д. 11, л. 80об.
 12. Там же, л. 118.
 13. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 961, л. 230—230об.
 14. ОТБОЕВА Д.А. Ук. соч., с. 315.
 15. БЕЛОВА И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов России: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания. — Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып 12. 2013, с. 54.
 16. Опыт проведения подобных акций в ростовцев имелся. Например, 5 апреля 1912 г. Ростовское земство приняло участие в общероссийской благотворительной акции «Колос ржи» в помощь голодающим. См.: Отчет Комитета по организации в городе Ростове 5-го апреля 1912 г. дня «Колоса ржи». Ростов-Ярославский. 1912, с. 1—17.
 17. БЕЛОВА И.Б. Ук. соч., с. 54.
 18. РФ ГАЯО, ф. 65, оп. 1, д. 11, л. 6.
 19. Там же, л. 1.
 20. Там же, л. 28об.
 21. Там же, л. 86.
 22. Там же, д. 6, л. 31.
 23. БЕЛОВА И.Б. Ук. соч., с. 53.
 24. РФ ГАЯО, ф. 65, оп. 1, д. 11, л. 32—32об.
 25. Там же, л. 31, 65об.
 26. Там же, д. 3, л. 1.
 27. БЕЛОВА И.Б. Первая мировая война и российская провинция 1914 — февраль 1917 г. М. 2011, с. 262.
 28. РФ ГАЯО, ф. 65, оп. 1, д. 38, л. 19об.
 29. Там же, д. 6, л. 173, 244, 245.
 30. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 8—8об.
 31. Кожаные сапоги шились в учебной мастерской польской колонии «Демидовка» Центрального обывательского Комитета губерний Царства Польского, поэтому Ростовское отделение через казначея П.О. Укке решило обратиться «в польскую колонию с просьбой дать сведения, за какую цену могут взять заказы сапог для школьников». РФ ГАЯО, ф. 65, оп. 1, д. 11, л. 100об., 113об., 116.

32. Там же, л. 6—6об., 58об.—59, 97об., 118.
33. Там же, д. 12, л. 13—13об., 14—16об.
34. Там же, д. 11, л. 109, 122.
35. Там же, л. 2об., 99.
36. Там же, д. 14, л. 204—204об.
37. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 103, л. 7.
38. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 6, л. 100.
39. Там же, д. 11, л. 80.
40. Там же, л. 87.
41. Там же, л. 86—86об.
42. Гривское училище, из гмины Грива Иллукского уезда Курляндской губернии, в Ростове находилось на Покровской улице, 32 (в документе цифры зачеркнуты), Полоцкое Спасо-Евфросиниевское епархиальное женское училище — в гостинице Варницкого монастыря. РФ ГАЯО, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 75.
43. Там же, д. 11, л. 122об.—123; д. 38, л. 19.
44. Там же, д. 6, л. 243.
45. Там же, д. 11, л. 7об., 32об.—33.
46. Там же, д. 38, л. 5; д. 12, л. 14об.
47. Там же, д. 3, л. 33а.
48. Там же, д. 11, л. 28.
49. Там же, д. 4, л. 38; д. 11, л. 66об.
50. Там же, л. 41.
51. Там же, л. 59, 79.
52. Там же, л. 96об.—97.
53. Там же, д. 4, л. 144об.—145.
54. КУЗНЕЦОВА О.В. Поляки и Ярославский край (конец XVIII в. — начало 30-х гг. XX в.). Научно-справочное издание. Ярославль. 2012, с. 901.
55. РФ ГАЯО, ф. 65, оп. 1, д. 11, л. 64.
56. Там же, л. 65.
57. Там же, л. 78об., 87.
58. Там же, л. 109.
59. Там же, д. 12, л. 17—18.

Первая мировая война и японское общество

С.О. Буранок

Для понимания общего контекста развития первой мировой войны необходимо изучение причин и хода конфликта не только в Европе, но и в других регионах, где переплетались интересы великих держав. Одним из таких «узловых» районов был Азиатско-Тихоокеанский регион, в котором к 1914 г. наблюдалось соперничество как между Центральными державами и Антантой, так и внутри данных военно-политических блоков. В том числе, стоит отметить противоречия, между Японией, с одной стороны, и Великобританией, Россией, США — с другой. На протяжении предвоенного периода борьба шла не только за сырьевые, людские и финансовые ресурсы и рынки сбыта в данном регионе, но и за контроль над политическими и идеологическими процессами в Китае.

В сложной политической и экономической ситуации на Дальнем Востоке и Тихом океане особая роль принадлежала Японии — сильнейшей в военном плане азиатской державе. От позиции японской правящей элиты и японского общества во многом зависело, какие очертания примет мировая война в Азии, а следовательно экономическое положение Британской империи, США и России, так как победа или даже свободные действия рейдеров Германии могли поставить всю торговлю в регионе под угрозу, сорвать графики доставки военных материалов, изменить цены на стратегические ресурсы. Ввиду слабости военных флотов союзных держав на Тихом океане, особое значение приобретала помощь японского флота, который был способен склонить в нужную сторону военно-морское противоборство в регионе.

Предпосылки участия Японии в первой мировой войне были заложены на предшествующем этапе исторического развития, когда после реставрации Мэйдзи (1868) началась модернизация как экономики,

Буранок Сергей Олегович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы новейшей истории и политики» МГГУ им. М.А. Шолохова.

так и общественно-политического устройства Японии. Одним из существенных последствий правления Мэйдзи стал приход к власти новой политической элиты из бывших феодальных княжеств Сацума, Тоса, Тёсю, которая монополизировала государственный аппарат¹. Во внешнеполитическом плане новая элита была нацелена на установление контроля над архипелагом Рюкю, Тайванем и Кореей, что привело в 1894—1895 гг. к войне с Китаем, а по итогам которой стала практически неизбежной русско-японская война.

Победа 1905 г. поставила перед японским обществом и государством новые задачи: продолжение экономических и политических реформ, перевооружение армии и флота, а главное — борьба за сохранение достигнутых результатов в Корее, Маньчжурии и Китае, который становился центром переплетения противоречий великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В этих специфических условиях вопросы, связанные как с внутривнутриполитической жизнью, так и внешнеполитическим курсом, оказались в руках, с одной стороны, гэнро, продолжавших традиции эпохи Мэйдзи, с другой стороны, — высших чинов армии и флота, выступавших за активизацию политики в Китае. При этом, позиции высшего армейского руководства (Тэраути Масатакэ, Кусуносэ Юкихико, Танака Гиити, Исимото Синроку) были более сильными благодаря покровительству маршала Ямагата, который в 1873—1878 гг. был министром армии, а в 1878—1905 (с перерывами) — начальником генерального штаба и в своей политической деятельности старался продвигать в премьер-министры своих бывших подчиненных (премьерами стали Кацура Таро, Тэраути Масатакэ, Танака Гиити)². Поэтому и решение о вступлении Японии в первую мировую войну во многом зависело от расклада сил в Тайном совете и позиции каждого из гэнро.

Конечно кроме взглядов политической элиты, на итоговое решение о вступлении в войну оказывало влияние и настроение общенности. Успешные войны 1894—1895 и 1904—1905 гг., а также победное участие в подавлении восстания ихэтуаней вызвали в Японии сильный патриотический подъем, который к 1914 г. стал не просто одним из постоянно действующих факторов внутривнутриполитической жизни Японии, но и импульсом к развитию националистической и милитаристской кампании в японской прессе: газеты «Taiwan Shimpō day Sun»³, «Osaka Asahi Shimbun»⁴ и «Kobe Matashin daily report»⁵ перед войной часто публиковали аналитические статьи об экономическом положении стран Азии (особенно Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии), где доказывалась необходимость срочного вовлечения данных стран сначала в сферу экономических интересов Японии, а в дальнейшем и политических.

Таким образом, японское общество к 1914 г. было подготовлено прессой к возможной войне. При этом пропаганда с 1894 г. и особенно в период 1905—1914 гг. формировала образ не конкретного врага-государства, а «белого колонизатора» как главной угрозы безопасности империи.

Помимо прессы, пропагандой занимались несколько общенациональных и региональных обществ, которые уже в 1912—1914 гг. отстаивали идеи формирования «великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания», которые становились все более популярными в японском обществе периода первой мировой войны⁶.

Подобные организации («Азия-гикай», «Кокурюкай», «Тайхей») создавались при поддержке крупных политических деятелей (как правило, выходцев из Сацумы и Тёсю), генералов, а идеологической подготовкой и распространением теории руководили профессора Токійского университета⁷. В период с 1894 по 1914 г. ведущие периодические издания Японии доказывали, что основная цель Страны Восходящего Солнца — укрепление позиций в Корее, Китае, Маньчжурии, Индокитае.

Руководство названных обществ и организаций после создания японских отделений распространило свои филиалы в Китае, Корее, Таиланде, Индии, на Филиппинах. К 1914 г. в японском обществе доминировала мысль, что Япония, ставшая за «великий период Мэй-дзи» самым развитым и сильным государством в Азии, должна объединить и возглавить другие азиатские страны в битве за их освобождение от господства белой расы⁸. В японской прессе в предвоенный период активно отстаивалась идея о том, что все азиатские государства и народы должны ориентироваться на Японию, так как от ее действий на международной арене зависит «успех в их освобождении»⁹. Газеты «Asahi Shimbun», «Osaka Shimbun» и журнал «The Japan Magazine» писали, что Филиппины, Корея, Китай могут сохранить целостность, экономику и культуру только после перехода «в сферу процветания Японии»¹⁰.

Таким образом, в японском обществе создалась уникальная ситуация (в отличие от России и стран Запада): к 1914 г. все западные державы воспринимались прессой и общественностью Японии как потенциальные враги, война против которых в глазах японских граждан выглядела закономерной, логичной и полностью отвечающей интересам государства и нации. Поэтому от правительства не требовалось дополнительных усилий для пропаганды причин и целей войны — они, благодаря публикациям 1905—1914 гг., были хорошо известны в обществе. Но это же обстоятельство вызвало споры по другому вопросу — на стороне какого военно-политического блока должна выступить Япония.

С конца июля 1914 г. в правительстве, среди гэнро и в прессе шла дискуссия о месте и роли Японии в разворачивающемся мировом конфликте. Сторонники недавно умершего премьера и гэнро Кацура Таро (генералы Танака, Тэраути) считали, что Япония должна поддержать Германию и выступить на Дальнем Востоке против Великобритании. О серьезном обсуждении такого варианта действий говорит тот факт, что с 1910 по 1914 г. Министерство иностранных дел Японии готовило аналитический обзор дальневосточных колоний Британской империи, где указывались не только их самые уязвимые места, но и прояпонские настроения местного населения¹¹.

Однако действующий премьер-министр Окума Сигэнобу доказывал необходимость воевать на стороне Антанты, захватив китайские и тихоокеанские владения Германии. Главным подобным объектом премьер считал военно-морскую базу Циндао, о чем не раз сообщал военному министру Ока Итаносукэ¹².

1 августа 1914 г. (еще в разгар споров) военное министерство Японии подготовило запрос на имя императора об экстренном увеличении финансирования в связи с подготовкой к войне, хотя про-

тивник определен еще не был ¹³. Через две недели тот же вопрос был поднят на чрезвычайном заседании парламента, где быстро получил всеобщую поддержку. Главное, что ни японские военные, ни политики не сомневались в основном вопросе — Япония обязана принять участие в надвигающейся войне.

Определяющей оказалась позиция ключевого гэнро — маршала Ямагата, который высказался за войну против Германии как наиболее перспективный вариант ¹⁴. В первой половине августа 1914 г. японское правительство подготовило серию документов, где обосновывалось вступление в войну как необходимое действие в рамках юрисдикции лондонского договора 1902 года ¹⁵. Однако ни одно положение данных секретных документов до общественности и прессы не дошло. Специально для рядовых граждан было подготовлено заявление императора Тайсё, в котором указывалось на стремление Японии к миру в Азии, тогда как базы Германии в Китае назывались угрозой миру. Кроме того, император подчеркивал, что Япония вступает в войну из-за верности союзническому долгу ¹⁶.

Таким образом, японское правительство чрезвычайно оперативно представило общественности официальную версию причин и целей Японии в данном конфликте, а письменное обращение императора должно было служить решающим мобилизующим фактором для общественности. И действительно, уже 23 августа 1914 г. война и «императорский текст» стали главными новостями в прессе: его публиковали центральные токийские газеты «Tokyo nichinichi shinbun», «Asahi Shimbun», а также издания в других крупных городах: «Osaka Asahi Shimbun», «Chugoku Shimbun», «Kobe Shimbun» и т.д. ¹⁷.

Кроме того, другими важными темами в прессе в первый день вступления в войну были: 1) боевые действия в Европе и возможные перспективы японских войск. Такие публикации, как правило, занимали первые полосы японских газет; 2) разрыв дипломатических отношений Германии и Японии. Хотя объявление войны это подразумевало, редакторы особо подчеркивали, что разрыв отношений и объявление войны 23 августа предшествовали началу активных боевых действий ¹⁸. Логика поведения прессы здесь может быть следующая: журналистам важно было подчеркнуть, что новую войну Япония начинает при строгом соблюдении всех международных норм, что перекликалось с заявлением императора Тайсё о «моральном обосновании причин войны» ¹⁹.

Однако, самой популярной темой в прессе, после сенсационной новости о войне, были прогнозы социально-экономических последствий участия Японии в конфликте. 23—24 августа 1914 г. газеты писали о повышении тарифов морского страхования, что было особенно важно для японской торговли ²⁰; о возможных проблемах в поставке сырья для японских предприятий ²¹; о затруднениях в товарообмене между Японией и Великобританией ²².

Тема возможных экономических трудностей была в прессе тесно связана с идеями паназиатизма. Если Япония берет на себя миссию по защите Азии от Германии (со второй половины августа 1914 г. абстрактный «белый колонизатор» на страницах японских газет превратился в конкретного врага), то остальные азиатские государства, в особенности Китай, обязаны помочь Японии перенести материаль-

ное бремя конфликта. Важно подчеркнуть, что с началом осады Циндао (31 октября 1914 г.) данные идеи печатались строго после публикации хроники успешных боевых действий армии микадо в Китае ²³.

Начало осады крепости Циндао вызвало в японском обществе новый патриотический подъем. Первые победы отвлекли внимание японской общественности от негативных сторон войны: уже к ноябрю 1914 г. отмечался рост недовольства населения высокими налогами, строгой цензурой, повышением цен ²⁴. Поэтому, на протяжении всей кампании, подконтрольная премьеру пресса акцентировала внимание на военных успехах ²⁵, а оппозиционные газеты — на негативных сторонах развития экономики.

Чтобы скорректировать общественное мнение на рубеже октября-ноября 1914 г., лояльные Окума периодические издания публиковали серию репортажей и очерков о мерах, принятых кабинетом министров, для поддержки промышленности. Так, издание «Jijishinpo» (Токио) указывало на снижение налогов для сталелитейной промышленности, что, по мнению журналистов, должно было способствовать увеличению производственных мощностей в судостроении ²⁶. «Chugai commercial Shimpo» подробно описывала действия Окума по спасению производства шелка ²⁷, а редакционная статья во влиятельной газете «Kobe Shimbun» повествовала о «комплексных мерах по содействию промышленности» ²⁸.

Другим важным способом отвлечения общественного внимания от внутренних проблем была публикация в прессе очерков о состоянии экономики как союзников по Антанте, так и противников, где неизменно подчеркивалось ухудшение экономических показателей и сползание европейской экономики в кризис ²⁹. Однако преодолению определенного недовольства общественности способствовали, главным образом, не эти меры правительства, а очень быстрая победа под Циндао — крепость пала уже 7 ноября 1914 года.

8 ноября ведущие газеты Японии вышли с новостями на первой полосе о сенсационной победе. В редакционной статье «Osaka Asahi Shimbun» отмечалось, что «падение Циндао было лишь вопросом времени, учитывая неукротимость и настойчивость подданных императора» ³⁰. Другие газеты также отмечали, что быстрое взятие крепости — это, прежде всего, заслуга императора, вдохновляющего солдат ³¹.

Подобные публикации оперативно сформировали в японском обществе чувство единения простого гражданина с солдатами и императором. Но в общем контексте патриотической информации и крайне скупого описания военной стороны операции в одной из газет — «Osaka Asahi Shimbun» — были напечатаны весьма любопытные сведения о захвате базы: «Атака наших войск 6 ноября производилась лишь на передовые укрепления, а благодаря хорошим тактическим действиям удалось захватить всю крепость» ³².

К такому же выводу, годы спустя, придут и советские военные историки, анализировавшие японскую операцию ³³. Тем не менее, даже частичное признание газетой случайного характера захвата базы не нашло поддержки ни у других журналистов, ни у редакторов издания, которые, как отмечалось выше, в редакционном материале указывали, что японская победа была predetermined.

Падение Циндао сразу стало использоваться японскими журналистами для пропаганды идей паназиатизма. Так, «Osaka Asahi Shimbun» писала: «Кайзер Вильгельм постоянно кричал о желтой опасности, но наша победа демонстрирует всему свободному миру принципы цивилизованности и гуманизма»³⁴.

«Токуо nichinichi shinbun» ту же идею доказывала через экономический фактор, предсказывая, что «Порт-Циндао и близлежащие территории, оккупацией которых занята наша армия, будет превращен в отличный и оборудованный центр торговли в Китае»³⁵. А далее токийские журналисты (и их коллеги из Осака) высказали уверенность, что активное использование Циндао подорвет внешнеторговые позиции Шанхая, вследствие чего зависимость Китая от Великобритании значительно снизится и Поднебесная перейдет под протекторат Японии³⁶.

Захват Циндао напрямую повлиял на настроения японской прессы, избавив на некоторое время кабинет Окума от критики радикальных газет. Однако эйфория общественности и прессы по поводу победы быстро прошла, и появились новые проблемы.

Уже 8 ноября 1914 г. на повестке дня оказались два наиболее сложных вопроса: 1) должна ли Япония расширить свое участие в войне, и если должна, то на каком фронте и какими силами; 2) дальнейшая политика в Китае должна строиться вокруг Циндао (развитие и укрепление только данной базы) или необходимо не ограничиваться провинцией Шаньдун, а распространить экономическое, а затем и политическое влияние на весь Северный Китай. Эти вопросы прошли многоэтапные обсуждения в Тайном Совете и на совещаниях правительства³⁷.

Относительно первого вопроса японская пресса практически однозначно высказалась за расширение участия в войне. Так, «Токуо nichinichi shinbun», доказывала, что без привлечения японского флота война в Европе быстро не закончится, а надежды Великобритании на помощь США газета назвала «нелепым ожиданием чуда»³⁸. Почти такой же прогноз сразу после падения Циндао дала и газета «Jijishinpro», сообщая о секретных переговорах Великобритании и Японии по поводу отправки на Западный фронт японского контингента в составе 500 тыс. солдат³⁹. Причем журналисты расценивали данный шаг как совершенно логичный в условиях затягивающейся войны в Европе. Об этом же писала 8 ноября 1914 г. и «Osaka mainichi shinbun», но издание выразило недовольство посылкой только 500-тыс. войска, редакторы считали, что «Наша армия в Европе должна быть настолько большой, чтобы быстро, уничтожив сопротивление, внести свой вклад в мир во всем мире и чтобы японские требования в дальнейшем были учтены»⁴⁰.

Подобные идеи обсуждались в прессе с подачи премьер-министра Окума и маршала Ямагата, которые больше других были заинтересованы в расширении участия Японии в войне⁴¹. Министр иностранных дел Като также не возражал против отправки японских войск в Европу, но, в отличие от радикальных журналистов, доказывал, что 500-тыс. войска будет более чем достаточно. Однако другие гэнро и, прежде всего, принц Сайондзи отнеслись к такому плану довольно прохладно, всячески препятствуя премьер-министру в развитии его военных инициатив⁴².

Причины блокирования предложений премьеры Окума были тесно связаны с обсуждением второго актуального внешнеполитического вопроса: политика Японии в Китае. Периодическая печать сразу после захвата Циндао стала активно обсуждать дальнейшую судьбу базы и всей провинции Шаньдун. Издания «Osaka Shimpō», «Tokyo nichinichi shinbun» и «Chugai commercial Shimpō» уже 7—8 ноября 1914 г. предрекали расширение внешней торговли через Циндао, удешевление японских товаров в Китае, а, следовательно, повышенный спрос на них, вытеснение европейских конкурентов с китайского рынка и даже успешную борьбу с американскими компаниями⁴³. Часть прессы Японии предлагала ограничиться занятием лишь одной, наиболее крупной базы в провинции Шаньдун, и, используя ее возможности, продолжить экономическое проникновение в Китай.

Другая группа периодических изданий настаивала на совершенно ином варианте. Так, газета «Osaka mainichi shinbun» с 7 по 19 ноября 1914 г. опубликовала серию редакционных статей, где доказывалось, что Япония должна немедленно перенять у Германии всю систему управления концессиями, железными дорогами и экономикой провинции Шаньдун, чтобы в ближайшем будущем закрепить и политические права на данную часть Китая. В качестве очевидных и логичных, по мнению журналистов, причин такого решения указывалось не только право завоевателей, но и близость Шаньдуна к Корее, то есть в глазах редакторов «Osaka mainichi shinbun» присоединение Шаньдуна к японским колониям — совершенно закономерный шаг⁴⁴. Очень похожие идеи о политическом контроле над провинцией и создании японской системы управления в ней высказывались на страницах «Asahi Shimbun» и «Yamato»⁴⁵.

Эти идеи быстро увлекли и остальные газеты Японии, а главное, воспринимались общественностью как закономерное развитие военных успехов, а также как еще одно подтверждение победы панназиатизма: общественно-политические круги Японии формировали у общества представление, что оккупация Северного Китая станет благом для самих китайцев. Видя перспективы китайского направления, премьер Окума и маршал Ямагата быстро прекратили дискуссии об отправке войск в Европу, и во второй половине ноября Шаньдун с населением более 30 млн человек был занят войсками микадо.

Пресса и общественность Японии восприняли это внешнеполитическое действие в полном соответствии с духом теории панназиатизма⁴⁶. Успех вызвал и в правительстве, и в обществе новое обсуждение: следует ли Японии остановиться только на Шаньдуне или необходимо использовать уникальную ситуацию для расширения экономического и политического влияния на весь Северный Китай. В этих условиях премьер Окума и глава МИД Като предложили совершенно иной, более радикальный, вариант.

Еще в ноябре 1914 г. были намечены первые контуры глобального плана внешнеполитического ведомства Японии по установлению не просто экономического, но и военно-политического контроля над провинцией Шаньдун⁴⁷.

Однако правительство Юань Шикая, видя в этом угрозу суверенитету Китая и стабильности пекинской власти, дважды обращалось

к Като и Окума с просьбой вывести войска из Китая в связи с окончанием боевых действий. Подобное требование от 7 ноября 1915 г. было оглашено в японской печати и вызвало настоящую волну возмущения и антикитайской риторики⁴⁸. Общественность, патриотические организации и парламент Японии требовали срочно наказать Китай и Юань Шикая за «оскорбительные заявления». Именно данная общественная кампания, спровоцированная Като и Окума вокруг ноты китайского правительства, решила старый спор в японских кругах по поводу приоритетного направления в войне: уже 18 января 1915 г. японский посланник Хиоки вручил Юань Шикаю ультиматум «21 требование».

Детально разбирать общеизвестные условия и положения ультиматума не входит в задачи настоящей работы. Важнее показать, как общество и пресса Японии отреагировали на это второе крупное международное действие Страны восходящего солнца с начала первой мировой войны. Пять групп требований вызвали живейший интерес в японской прессе. Первая группа подразумевала передачу Японии прав Германии в Шаньдуне. Вторая группа расширяла японские права и касалась Маньчжурии и Внутренней Монголии. Като и Окума требовали передачи в аренду Порт-Артур, Даляня, Южно-Маньчжурской, Аньдун-Мукденской и Цзилинь-Чанчуньской железных дорог на 99 лет, а также предоставления права свободной торговли для японцев в указанном районе, свободной покупки земли и промышленных объектов, свободы проживания и передвижения, беспрепятственной добычи полезных ископаемых. Третья группа касалась Ханьпинского комплекса металлургических заводов, который требовалось отдать в совместное японо-китайское управление. Четвертая группа лишала Китай права свободно распоряжаться гаванями, бухтами и островами китайского побережья. Пятая группа рекомендовала приглашение японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным вопросам при правительстве Юань Шикая, а также предоставление широких экономических возможностей для Японии в Центральном и Южном Китае⁴⁹.

Сам факт подачи ультиматума остался практически незамеченным для японской прессы, так как конкретное содержание положений документа не было обнародовано до 25 января 1915 года. Тем не менее, в период 18—25 января 1915 г. на страницах газет Японии активно обсуждались примерно те же вопросы, что и в «21 требовании». Так, издание «*Manchuria daily newspaper*» открывало дискуссию о несовершенстве китайской системы местного самоуправления, открыто призывая к японской помощи в этом вопросе⁵⁰. Авторитетное издание «*Jijishinpo*» обращало внимание читателей на активность России в Монголии по созданию развитой железнодорожной сети, на что Япония должна ответить расширением своей транспортной системы в Северном Китае⁵¹. «*Tokyo nichinichi shinbun*» тоже писала о железнодорожном вопросе, но уже в масштабах всего Китая⁵².

Видно, что под влиянием премьера Окума и министра Като, при поддержке гэнро Сайондзи и Ямагата китайская тема становилась одной из доминирующих на страницах японской прессы, причем с разных сторон обсуждался фактически один вопрос: по итогам первого этапа мировой войны правительство Юань Шикая обязано пере-

дать Японии большинство экономических и политических прав на территории Китая. Это воспринималось и правительством, и гражданами Японии как оправданный идеями паназиатизма закономерный шаг.

С 25 января 1915 г. ультиматум «21 требование» и его конкретные положения активно обсуждались в японской и китайской периодической печати⁵³. Опасаясь международной и внутренней реакции, правительство Окума решило занять жесткую позицию, отрицая предъявление ультиматума. Но уже в начале февраля, когда полностью прояснился, благодаря публикациям в прессе, настрой японского общества, Окума изменил свою позицию: 14 февраля японский посланник в Китае заявил представителям иностранных держав о «требованиях и пожеланиях Японской Империи»⁵⁴. Чуть позже полный текст первых четырех групп требований был опубликован ведущими газетами Японии, вызвав новую волну патриотических и панasiatских комментариев⁵⁵.

В итоге, в мае 1915 г. японский ультиматум был принят правительством Юань Шикая, за исключением 5-ой группы требований. Но больше всего прессу и общественность Японии возмутила позиция США: госдепартамент прямо заявил, что не признает никакого двухстороннего соглашения по Китаю, если оно будет идти в ущерб американским интересам. Подобные заявления были расценены в японской прессе как прямая угроза достигнутым в ходе войны успехам. В стране началась кампания критики внешнеполитического курса США и Великобритании.

Одновременно с ней оппозиционные и, прежде всего, армейские круги критиковали действия премьера Окума в начальный период войны за недостаточно решительную политику по отношению к Китаю. В 1916 г. в отношении японского общества и политической элиты к войне произошли важные перемены: в Китае разворачивался глубокий политический кризис, который после смерти Юань Шикая перерос в распад государства на отдельные военно-политические режимы и группировки и гражданскую войну. В новых условиях пресса и общественность Японии требовали от кабинета министров и парламента радикальной активизации действий в Китае. Однако премьер-министр с большой осторожностью отнесся к изменениям политической ситуации в Поднебесной, предпочитая детально изучить новую обстановку.

Главным объектом внимания в данный период стали переговоры с Россией, которые закончились подписанием 3 июля 1916 г. союзного договора (включал в себя открытую и секретную части). Его суть состоял в том, чтобы сохранять в Китае, главным образом, интересы России и Японии и оградить Китай от «владычества какой-либо третьей державы», под которой имелись в виду либо США, либо Великобритания.

Содержание договора чрезвычайно интересовало японскую прессу и общественность, которые продолжали воспринимать Россию как потенциального противника. Данное соглашение часть периодических изданий восприняло как неожиданный и резкий поворот.

Однако заключение договора, за который очень давно выступал гэнро Ямагата, не спасло кабинет Окумы, обвиненный в нерешительной внешней политике. После отставки кабинета к власти при-

шел более радикально настроенный политик — генерала Тэраути. Прямую поддержку ему оказал маршал Ямагата, и он же повлиял на первые действия нового премьера в условиях войны: изменение отношения к Китаю и расширение возможностей русско-японского союза.

Распад Китая на милитаристские группировки Тэраути и Ямагата решили использовать в интересах Японии: оказывая военную и финансовую поддержку одному или нескольким режимам, увеличивать степень контроля над ситуацией в Китае. В первую очередь, для оказания помощи были выбраны два китайских лидера — Дуань Цижуй и Чжан Цзолинь, контролировавшие Пекин и Мукден.

Важнейшим механизмом подчинения как китайских компаний, так и отдельных лидеров стали кредиты и займы от японских банков. Тэраути в данной политике, опираясь на разработанные правительством Окума методы, продолжал его политику по установлению финансового контроля. Только в новых исторических условиях Тэраути пришлось договариваться не с одним правительством, а сразу с несколькими. Поставки товаров, кредиты и денежные займы еще более усиливали экономическую зависимость Китая от Японии, а японские финансы являлись одним из средств усиления гражданской войны в Поднебесной. В конце 1916 г. «Йокогама банк» предоставил заем пекинскому правительству, Корейский банк — мукденскому, Тайваньский банк — южным повстанцам. Только в течение первых восьми месяцев 1918 г. было предоставлено 29 всевозможных японских займов на сумму около 300 млн иен.

Революции в России способствовали формированию у политической элиты и общественности Японии представлений о необходимости начать оккупацию Приморья, опираясь на военно-политические режимы Китая. В конце 1917 — начале 1918 г. новый конфликт с Россией стал одной из наиболее обсуждаемых тем в японской прессе⁵⁶. И только завершение первой мировой войны отвлекло внимание общественности от «русской темы». В связи с будущими мирными конференциями общественно-политические силы Японии обсуждали необходимость сохранить внешнеполитические достижения периода 1914—1918 годов. Опасаясь, как в 1895 и, отчасти, в 1905 гг., давления США и европейских держав, японские лидеры санкционировали в прессе кампанию поддержки послевоенных требований Японии особого характера.

Завершение первой мировой войны вызвало в японском обществе и прессе не такую бурную реакцию, как события августа 1914 года. В ноябре 1918 г. в центре внимания в газетах Японии находились несколько иные вопросы: продвижение в Китае, сохранение режима «военного правления в Корее», собственный экономический рост. Единственное, что активно дискутировалось в прессе, помимо новости о перемирии, — это планы будущего мирового устройства и варианты мирного договора. Так, «Osaka Asahi Shimbun» в ноябре 1918 г. высмеивала идею всеобщего разоружения как гарантию послевоенного мира. Издание призывало к созданию как международных полицейских сил (причем разных для каждого региона), так и наращиванию военного потенциала великих держав⁵⁷. «National newspaper (Japan)» преподнесла новость о мире как настоящую катастрофу для Японии, предсказывая прекращение военных заказов, сни-

жение Европой расходов боеприпасов, падение спроса на морские перевозки, что приведет «японскую экономику, привыкшую к звонкой монете за эти годы, к серьезному кризису»⁵⁸.

«Osaka mainichi shinbun», анализируя особенности перемирия, приходит к выводу, что падение таких империй и держав, как Россия, Германия, Китай, «вынуждает Японию оказать им помощь, чтобы внести свой вклад в мир во всем мире. Иначе мир ожидает новая война»⁵⁹.

Похожие мотивы озвучили после перемирия такие столичные издания, как «Asahi Shimbun» и «Tokyo nichinichi shinbun», раскритиковав также и идею Лиги Наций⁶⁰. Видно, что японскую прессу волновали не столько условия перемирия Антанты с Германией, сколько будущее Японии в свете данных условий. И почти все крупные и влиятельные газеты прямо или косвенно готовили читателей к тому, что конфигурация данных условий делает (по крайней мере для Японии) неизбежным новый конфликт.

Другим любопытным моментом являются многократные сравнения Китая и России. Причем враждебный тон, характерный для японской прессы начала XX в. практически исчезал, сменяясь призывами к дружбе и помощи. Очевидно, что японское правительство и пресса такими публикациями готовили общественность к тому, что Россия, согласно японским планам, повторит судьбу Китая: в ходе гражданской войны образуется несколько военно-политических группировок, часть из которых Япония будет поддерживать ради экономической и территориальной выгоды. В итоге, уже в первые дни после подписания перемирия на Западе японская общественность активно обсуждала контуры будущих военных конфликтов.

Развитие японского общества в годы первой мировой войны и влияние внешней политики на общественность показывают, что выработанные в 1905—1914 гг. основные принципы паназиатизма на протяжении всех военных лет оставались краеугольным камнем в японском обществе. Все внешнеполитические действия оценивались прессой и простыми гражданами именно с точки зрения данных теорий. Это позволило политикам Японии найти оправдание для любых шагов на международной арене и существенно усилить роль Страны Восходящего Солнца как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в мире.

Примечания

1. IWATA M. Okubo Toshimichi: The Bismarck of Japan. Berkeley. 1964, p. 19—23.
2. DICKINSON F. War and National Reinvention: Japan in the Great War, 1914—1919. Harvard. 1999, p. 7—17.
3. Taiwan Shimpo day Sun. 16.05.1914.
4. Osaka Asahi Shimbun. 26.08.1913.
5. Kobe Matashin daily report. 23.10.1913.
6. RHODES A. Propaganda: The art of persuasion: World War II. New York. 1976, p. 252.
7. LONE S. Army, empire and politics in Meiji Japan: the three careers of General Katsura Taro. New York. 2000, p. 435; JACOB F. Die Thule-Gesellschaft und die Kokuryūkai. Würzburg. 2012, S. 110—113.
8. ГОРБУНОВ Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М. 2002, с. 3—7.

9. GRIFFIS W. Okuma and the New Era in Japan. — *The North American Review*. 1916, vol. 204, № 732, p. 681—690.
10. *Asahi Shimbun*. 14.08.1914.
11. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs (Japan). Records of the Ministry of Foreign Affairs. *British Oriental Colonies*. Vol. 1. B-1-6-3-055.
12. Japan Center for Asian Historical Records. Ref. A01200098200. Deciding to install Chingtao garrison commander in occupied zone in Chingtao area.
13. National Institute for Defense Studies, Ministry of Defense (Japan). Document Files of the Ministry of the Army. T3-1-24.
14. МЕЩЕРЯКОВ А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М. 2009, с. 46—48.
15. Japan Center for Asian Historical Records. Ref. A01200106600. Enforcing mutatis mutandis maritime capturing rule in accordance with provisions of London Declaration while Japan and Germany are at war; *Ibid.* Ref. A01200106700. Deciding military administration of occupied areas in South Sea.
16. National Institute for Defense Studies, Ministry of Defense (Japan). Document Files of the Ministry of the Navy. 1914—1920 Taisho War Documents Attachment Japan-Germany war Pacification preparatory committee Minutes. T3-241-698.
17. *Tokyo nichinichi shinbun*. 23.08.1914; *Asahi Shimbun*. 23.08.1914—24.08.1914; *Osaka Asahi Shimbun*. 23.08.1914; *Chugoku Shimbun*. 23.08.1914; *Kobe Shimbun*. 23.08.1914.
18. *Chugai commercial Shimpo*. 24.08.1914; *Hebei Shimpo*. 24.08.1914.
19. National Institute for Defense Studies, Ministry of Defense (Japan). Document Files of the Ministry of the Navy. 1914—1920. Taisho War Documents Attachment Japan-Germany war Pacification preparatory committee Minutes. T3-241-698.
20. *Chugai commercial Shimpo*. 23.08.1914; *Jijishinpo*. 23.08.1914.
21. *Taiwan Shimpo day Sun*. 23.08.1914; *Osaka Asahi Shimbun*. 23.08.1914.
22. *Chugai commercial Shimpo*. 23.08.1914; *Asahi Shimbun*. 24.08.1914.
23. *Asahi Shimbun*. 31.10.1914; *Osaka Asahi Shimbun*. 31.10.1914.
24. *Jijishinpo*. 31.10.1914; *Fukuoka daily newspaper*. 31.10.1914.
25. *Asahi Shimbun*. 01.11.1914; *Yamato Shimbun*. 07.11.1914.
26. *Jijishinpo*. 31.10.1914.
27. *Chugai commercial Shimpo*. 31.10.1914.
28. *Kobe Shimbun*. 01.11.1914.
29. *Fukuoka daily newspaper*. 31.10.1914; *Jijishinpo*. 31.10.1914; *Osaka mainichi shinbun*. 31.10.1914.
30. *Osaka Asahi Shimbun*. 08.11.1914.
31. *Kobe Shimbun*. 08.11.1914; *Taiwan Shimpo day Sun*. 08.11.1914.
32. *Osaka Asahi Shimbun*. 08.11.1914.
33. ИСАКОВ И.С. Операция японцев против Циндао в 1914 г. М. 2002, с. 140—141.
34. *Osaka Asahi Shimbun*. 08.11.1914.
35. *Tokyo nichinichi shinbun*. 07.16.1914.
36. *Osaka Shimpo*. 08.11.1914.
37. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs (Japan). Records of the Ministry of Foreign Affairs. *British Oriental Colonies*, Vol. 1. B-1-6-3-055.
38. *Tokyo nichinichi shinbun*. 07.11.1914.
39. *Jijishinpo*. 08.11.1914.
40. *Osaka mainichi shinbun*. 08.11.1914.
41. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs (Japan). Records of the Ministry of Foreign Affairs. C-5-2-2-51.
42. ПЕСТУШКО Ю.С. Почему японские войска не попали на европейский фронт. — *Япония: ежегодник*. 2007, № 36, с. 270.
43. *Osaka Shimpo*. 08.11.1914; *Tokyo nichinichi shinbun*, 07.11.1914; *Chugai commercial Shimpo*. 07.11.1914.
44. *Osaka mainichi shinbun*. 07.11.1914—19.11.1914;
45. *Asahi Shimbun*. 10.11.1914; *Yamato Shimbun*. 11.11.1914.
46. *Fukuoka daily newspaper*. 01.12.1914; *Jijishinpo*. 02.12.1914; *Chugai commercial Shimpo*. 30.11.1914.

47. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs. Records of the Ministry of Foreign Affairs. Series 1. 1-7-3-126.
48. Jijishinpo. 07.01.1915; Yokohama trade Shimpo. 08.01.1915; Keijo Daily. 09.01.1915; Fukuoka daily newspaper. 09.01.1915.
49. KAWAMURA N. Turbulence in the Pacific: Japanese-U.S. Relations During World War I. New York. 2000, p. 35—38.
50. Manchuria daily newspaper. 19.01.1915.
51. Jijishinpo. 18.01.1915.
52. Tokyo nichinichi shinbun. 20.01.1915.
53. Asahi Shimbun. 25.01.1915; Yamato Shimbun. 26.01.1915.
54. ИСИИ К. Дипломатические комментарии. М. 1942, с. 73.
55. Chugai commercial Shimpo. 20.02.1915; Jijishinpo. 21.02.1915; Taiwan Shimpo day Sun. 20.02.1915; Osaka Asahi Shimbun. 21.02.1915.
56. Tokyo nichinichi shinbun. 28.01.1918; Kobe Shimbun. 29.01.1918; Osaka Asahi Shimbun. 25.01.1918.
57. Osaka Asahi Shimbun. 13.11.1918.
58. National newspaper (Japan). 11.11.1918.
59. Osaka mainichi shinbun. 13.11.1918.
60. Asahi Shimbun. 13.11.1918; Tokyo nichinichi shinbun. 13.11.1918.

Становление иезуитской миссии среди ирокезов в первой половине XVII в.

А.В. Федин

Одним из важнейших факторов в истории французской колонизации Северной Америки в XVII в. стали так называемые Бобровые войны, то есть масштабный военный конфликт, длившийся в течение всего столетия, между Ирокезской лигой и остальным населением Вудленда, в том числе и европейским, по преимуществу, за контроль над рынками сбыта мехов ¹. Французы вступили в него, заключив союзный договор с монтанье и их союзниками алгонкинами и гуронами, в 1609 г., во время экспедиции Шамплена против одного из племен Лиги — могауков, которые с тех пор считали ирокезов врагами ².

Качественный скачок в развитии этого глобального конфликта произошёл на рубеже 30—40-х гг. XVII века. Именно в этот период могауки, нанеся поражение могикианам и абенаки, получили неограниченный доступ к огнестрельному оружию в голландских поселениях на р. Гудзон ³. Уже в 1639—1640 гг. могауки, вооружённые голландскими и английскими мушкетами, вторглись в долину р. Св. Лаврентия, сея ужас и смерть среди местных алгонкинских групп. В июне 1641 г. близ Труа-Ривьер между французами и могауками состоялись переговоры с участием губернатора Новой Франции Монманы и иезуита Поля Рагено в качестве переводчика. Помимо предложения союза и торговли, могауки также приглашали французов поселиться в их стране. Однако условием этого соглашения с могауками было предоставление им возможности покупать огнестрельное оружие и боеприпасы для войны с алгонкинами и гуронами. Это заставило Монманьи отказаться от переговоров с ирокезами без своих индейских союзников, «иначе, — как писал супериор иезуитской миссии о. Поль Лежён, — мы могли вступить в более опасную войну, чем ту, которой желали избежать». В результате могауки напали на алгонкинов и гуранов, укрывшихся в форте Труа-Ривьер, но были разогнаны французской артиллерией. Тем самым французская коло-

Федин Андрей Валентинович — кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета.

ния вступила в открытую войну с ирокезами, латентную до этого момента ⁴.

Несмотря на официальные протесты со стороны французских властей, голландцы не могли или не хотели пресекать торговлю оружием. К середине 1640-х гг. военное преобладание могауков в долине р. Св. Лаврентия стало абсолютным: «четыреста вооруженных человек, знающих, как использовать их преимущество», держали в страхе и местные индейские племена, и их французских союзников ⁵. Несмотря на разрешение на продажу неопитам-аборигенам аркебуз с конца 1630-х гг., их количество оставалось небольшим, так как французы по-прежнему «боялись чересчур вооружить дикарей» ⁶. Союзные индейцы, сокрушался в 1643 г. супериор миссии Бартеlemi Вимон, «не имеют ни одной аркебузы, и не находят никакой другой защиты, кроме бегства; и, если их захватывают [в плен], они позволяют себя вязать и резать как овцы» ⁷. С этого времени ирокезская конфедерация получала явный перевес на тропе войны, до конца века сумев разгромить почти всех своих традиционных и вновь появившихся врагов на Северо-Востоке. Алгонкинские племена, обитавшие по р. Св. Лаврентия, были вынуждены либо бежать на север, либо искать защиты во французских поселениях.

Основой ирокезской военной стратегии стал контроль над водными коммуникациями вдоль реки Св. Лаврентия, главной транспортной, военной и торговой магистрали Северо-Востока. Каждым летом ирокезские военные партии (главным образом, могауки) появлялись на великой реке, подстерегая гуронские или французские торговые караваны, нападая, уничтожая и захватывая грузы и сопровождавших их людей. «Мы теперь рискуем быть плененными и замученными так же, как и гуроны, — сообщал о. Ж.-М. Шомоно в мае 1640 г. из Гуронии, — ибо каждый год мы проходим, — или спускаясь к Квебеку, или поднимаясь, — теми местами, где постоянно находятся враги наших Дикарей, чтобы захватить их в пути; и едва ли найдется год, когда несколько гуронов не захвачены или убиты». Первые захваты ирокезами французов, как правило, с целью последующего выкупа, произошли в феврале 1641 года ⁸.

Только в 1642 г. этот ирокезский разбой обошелся Новой Францией, прежде всего, самим иезуитам, отправившим в Гуронию «скромную помощь нашим Отцам у гуронов, по большей части то, что им необходимо для часовен, питания и потребностей тридцати трех человек, которых мы поддерживаем на том краю света для обращения тех народов», в 8 тыс. ливров ⁹. Подобные эксцессы продолжались и в дальнейшем: «Наш груз в прошлом году был захвачен при поднятии [вверх по реке], — отчитывался Вимон осенью 1643 г., — в этом году, при спуске. Сейчас я узнаю, что он захвачен в третий раз на пути вверх». В 1644 г. фиаско увенчалась еще одна попытка переправить припасы в Гуронию ¹⁰.

Большинство колониальных лидеров, в том числе и иезуиты, были убеждены, что корень зла находится не столько в самих ирокезах, сколько в их голландских и английских партнерах, которые, будучи сами развращены своей ересью, развращали и общавшихся с ними «дикарей». Уже в 1640 г. Лежён видел в их присутствии в Северной Америке угрозу не только истинно христианской религии, но и су-

ществованию французской колонии. В Реляции 1642 г. о. Б. Вимон заявлял, что сами ирокезы признавали, что «голландцы... обещали помогать нам против французов». Герцогиня д'Эгийон, к которой Лежён обратился с предложением содействовать изгнанию еретиков из Северной Америки, в 1641 г. заверила иезуитов, что и она, и ее могущественный родственник — кардинал Ришелье — разделяют их опасения и готовы им помочь ¹¹. Осенью 1641 г., после июньского столкновения у Труа-Ривьер с вооруженными аркебузами могауками, ощущая опасность, надвигающуюся на французскую колонию и ее миссии, и одновременно стремясь открыть ирокезскую территорию для мехоторговли и католической евангелизации, светские и духовные власти Новой Франции решили послать о. Лежёна к Ришелье за обещанной помощью ¹².

В Реляции за 1640—1641 гг., которую Лежён написал и взял с собой во Францию, он с первых строк обрисовал ирокезскую угрозу, предупреждая, что «или мы потеряем эту страну, или помешаем этому быстрым и эффективным способом» ¹³. Ирокезы рассматривались не только как опасные враги французов и их индейских союзников, но и как главное препятствие утверждению христианской веры и церкви в Америке. С этого времени «Иезуитские Реляции» стали главным источником начавшейся демонизации ирокезов, создав из них к 1650-м гг. образ бича Божьего и главного врага веры и колонизации.

Лежён констатировал присутствие к западу от Монреаля «множества племен, которые возделывают землю и являются полностью оседлыми, но никогда не слышавших об Иисусе Христе; дверь ко всем этим народам закрыта для нас ирокезами». Даже к гуронам, «к которым мы донесли благую весть Евангелия, мы вынуждены добираться ужасными дорогами, и в постоянной опасности быть сваренными или зажаренными, а затем алчно пожранными несчастными ирокезами». Как следствие этого жалкого состояния и звучал призыв миссионера, чтобы «старая Франция спасла жизнь Новой». В качестве последнего аргумента Лежён утверждал, что «торговля, французская колония и религия, которая начинает процветать среди Дикарей, будут ниспровергнуты, если не победить ирокезов» ¹⁴.

Прибыв в Париж, Лежён пытался с помощью королевского советника и секретаря Франсуа Сюбле де Нуайе, а также герцогини д'Эгийон представить кардиналу Ришелье свой план изгнания голландских еретиков и замирения ирокезов. «Если этих людей не изгнать, или по соглашению с ними, или силой оружия, — писал он, — страна всегда будет находиться под угрозой разрушения, миссия — разгрома, монахини — изгнания, а колония — уничтожения; дверь евангелия будет закрыта для множества наций, а наши отцы подвергнутся опасности плена и сожжения» ¹⁵.

Лежён смог добиться только частичного успеха своей миссии. Он получил дотацию в 30 тыс. ливров для строительства форта против ирокезов (будущий форт Ришелье), но относительно его проекта изгнания голландцев из Северной Америки был вынесен отрицательный вердикт. И главными противниками этого предприятия выступили его коллеги по ордену, прежде всего провинциал Франции Ж. Дине и прокуратор миссии Ш. Лалеман, исходивших из соображений безопасности. В письме о. Э. Шарле французскому ассистенту в Риме

прокуратор изложил свои аргументы против проекта Лежёна. С его точки зрения, война с голландцами и их индейскими союзниками окажется чересчур дорогой, притом, что «мы не можем быть уверены в победе над ними». В этом случае Лалеман опасался, что иезуитов «не станут слушать, когда мы, возможно, будем нуждаться даже в меньшей помощи». Но даже в случае победы опасность ответного нападения со стороны могущественной голландской Вест-Индской компании, которой принадлежали Новые Нидерланды, и ее союзников-ирокезов была слишком высока. Вместе с тем, можно ли быть «уверенным, что это обяжет ирокезов примириться с нашими дикарями? А ведь именно на уверенности в таком мире зиждется весь этот проект», и «должны ли мы из-за одной только этой надежды подвергнуться упомянутым выше опасностям?»¹⁶ В результате, Лежёну запретили искать у Ришелье помощи против голландцев, а лишь против ирокезов. Лежён был вынужден весной 1642 г. вернуться в Новую Францию, так и не встретившись с кардиналом. Как писал Л. Кампо, «остаётся только гадать, что предпринял бы Ришелье, поставленный перед официальным запросом о завоевании Новой Голландии»¹⁷.

В Канаду о. Лежён вернулся в июле 1642 г. со взводом солдат и новыми миссионерами — предназначенным для Гуронской миссии о. Франсуа-Жозефом (Франческо Джузеппе) Брессани, итальянцем по происхождению, и о. Жоржем Дёдемаром, капелланом нового форта¹⁸.

Строительство форта Ришелье у истоков реки Сорель, которую также переименовали в честь кардинала, началось 12 августа 1642 года. Ирокезы несколько раз нападали на строителей, однако в течение месяца крепость была возведена. Уже 20 августа иезуиты отслужили в ней торжественную мессу¹⁹. Тем не менее, миссионеры достаточно скептически отнеслись к ее возможностям в пресечении военной активности ирокезских отрядов на р. Св. Лаврентия. Еще в марте 1642 г., находясь в Дьеппе, Лежён написал Ришелье письмо, где прямо высказал сомнение в эффективности этой меры против ирокезских нападений, особенно для Монреаля: форт «отнюдь не открывает дверь к нациям, которые [находятся] выше этого острова»²⁰. «Верно, что эти укрепления будут иметь превосходный эффект, — вторил ему Б. Вимон, — но поскольку они не нападают на корень зла, и поскольку эти Варвары продолжают войну по образу Скифов и Парфян, дверь не будет полностью открыта Иисусу Христу, и угроза не будет предотвращена для нашей колонии, пока ирокезы не будут побеждены или истреблены». Это впоследствии подтвердил и о. Изаак Жог, сообщив в 1643 г. из Ирокезии, где он находился в плену у могауков, что «форт Ришелье создает им некоторые помехи, но не препятствует в целом»²¹.

Развитие Бобровых войн подтвердило опасения иезуитов относительно малой эффективности форта Ришелье в борьбе с ирокезами. Потерпев неудачу в его прямом захвате, ирокезские воины просто обходили форт стороной в своих рейдах к поселениям на р. Св. Лаврентия. К осени 1645 г. форт «был почти оставлен, за исключением 8 или 10 солдат». В сентябре отцы Ж. Дёдемар и Ж. Дюперон, бывшие на тот момент в резиденции, вернулись в Квебек, «и никто не пошел, чтобы остаться там вместо них». В конце концов, постоянная резиденция в Ришелье была ликвидирована, ее присоединили к рези-

денции Ля Консепсьон в Труа-Ривьер, супериор которой Ж. Бюте был назначен настоятелем для форта. Уже к лету 1646 г. форт был полностью заброшен и сожжен ирокезами ²².

Наряду с разработкой планов разгрома или покорения ирокезов, иезуиты не оставляли надежды на основание среди них миссии и, тем самым, их привлечение в орбиту французского экономического и политического влияния. Ирокезы были одним из самых развитых и могущественных народов Вудленда, и их христианизация открывала заманчивые перспективы для всего иезуитского апостолата в Северной Америке. «Если гуроны и ирокезы договорятся между собой о мире, я предвижу роскошное открытие для Евангелия», — был уверен в 1635 г. о. Лежён ²³.

До 1642 г. миссионеры вступали в контакт с представителями Ирокезской лиги весьма редко, в основном с воинами, попавшими в руки индейских союзников французов. Первых ирокезов иезуиты увидели в 1632 г. в Тадуссаке, пытки и смерть которых Лежён подробно описал в своей первой реляции из Новой Франции. По мере проникновения миссионеров в глубь страны, с одной стороны, и эскалации Бобровых войн, с другой, эти контакты становились все чаще и привели к первым попыткам христианизации пленных ирокезов, то есть их крещения перед неизбежной пыткой и казнью. Первое такое крещение ирокеза-могаука совершил о. А. Даньель в 1636 г. на о. Алюмет, по пути в Квебек из Гуронии: «он наставил и крестил его прямо перед тем, как тот отправился на смерть» ²⁴.

Одновременно крестили захваченных в плен ирокезов и в Гуронии. Например, в 1638 г., после успешного совместного алгонкино-гуронского военного рейда против племен Лиги, в Гуронию доставили более ста ирокезских пленных: все они были крещены перед пытками и казнью. «Некоторые из них показали такую силу духа в их мучениях, что наши варвары решили больше не позволять нам крестить этих несчастных, считая бедой для страны, когда те, кого они пытаются, совсем не вопят». Другой мотивировкой сопротивления крещению ирокезских пленных было убеждение гуронов, что «крещение сделает их более счастливыми в смерти» ²⁵. Сомнительно, что в тот момент гуронов устраивало утверждение иезуитов, что «Бог любит всех людей во всем мире, ирокезов так же, как гуронов». В 1642 г. миссионеры, крестившие пленных ирокезов, даже оказались перед угрозой насилия со стороны гуронов: «Они должны были пройти через толпу, получая оскорбления и слыша тысячу богохульств от нечестивцев, которые были настроены против счастья их врагов и желали заставить их вынести столько же мучений в своих душах, сколько они причиняют их телам. Почти вся страна была разгневана на нас. Мы осуждались со всех сторон как предатели» ²⁶. В дальнейшем иезуиты были даже вынуждены «искупать это насилие каким-либо подарком» ²⁷.

С началом франко-ирокезской войны в 1641 г. эти контакты стали все более интенсивными: иезуиты не только крестили пленных ирокезов, но и участвовали в переговорах с ними в качестве переводчиков или непосредственных представителей колониальных властей. Но настоящий «прорыв» в контактах иезуитских миссионеров с ирокезами произошел в 1642 г. в связи с пленением последними о. Изаака Жога.

Весной 1642 г. большой отряд могауков (до 300 чел.) вновь отправился к Труа-Ривьер, чтобы напасть на французов и их индейских союзников, но прежде всего — ради грабежа гуронских каноэ. 2 августа близ современного города Ланоре они атаковали гуронскую флотилию из 80 каноэ, возвращавшуюся с французскими товарами домой. Отправившиеся вместе с ними в Гуронскую миссию о. Изаак Жог и два донне — врач Рене Гупиль и плотник Гийом Кутюр были захвачены в плен, причем Кутюр, сумевший бежать, сдался добровольно, видя, что Жог оказался в руках врага. Могауки также пленили около двух десятков гуронских христиан и катехуменов, путешествовавших с этой флотилией. Последним о. Жог успел предоставить крещение в течение боя или уже в плену ²⁸. Одновременно ирокезский отряд атаковал гуронские лодки на р. Оттава. «Ирокезы, — сообщал о. Вимон, — как обычно действовали как злодеи. Они были в поле зимой, весной и летом. Они убили много гурунов и алгонкинов; они захватили французов и убили некоторых из них» ²⁹.

Пленных забрали с собой в Ирокезию, подвергнув их по дороге ужасным пыткам. Кутюр, самый молодой и здоровый, был отослан в отдаленную деревню могауков и смог вернуться в колонию лишь в 1645 г. в результате заключения франко-ирокезского перемирия. Жог и Гупиль оказались вместе в селении Оссерненон (совр. Орисвилль, шт. Нью-Йорк), где вновь подверглись пыткам. Пленного иезуита «приветствовали избиениями на входе в деревню; некоторые вырвали и унесли волосы с его головы; другие, в насмешку, вырвали его бороду. Женщина... отрезала ножом большой палец его левой руки. Другая откусила палец на правой руке, повредив кость; другие вырвали его ногти, затем прижгли концы тех бедных пальцев огнем» ³⁰.

Цель ирокезской пытки заключалась не в убийстве человека, а скорее в обновлении его идентичности через ритуальную смерть и возрождение, чтобы пленник мог быть принят («усыновлен») в качестве нового члена племени, заменив погибших. Пленника либо принимали, либо, в конце концов, убивали. Но Гупиль и Жог не были ни убиты, ни «усыновлены». Им оставили жизнь, поскольку «замешательство возникло в советах ирокезов». Некоторые желали казнить их, в то время как другие предпочитали получить за них выкуп ³¹.

В отличие от Кутюра, они не были приняты какой-либо могаукской семьей, а превращены в общих рабов, которые не стоили даже собаки. Существование их было жалким: по словам Жога «вместо дома у него было несколько кусков коры; земля — его кровать и его матрац; кусок кожи, грязной и зловонной, служит ему накидкой днем, и покрывалом ночью. Его питание состояло лишь из небольшой порции маиса, сваренного в воде без соли» ³². Иезуитов оставили в состоянии неопределенности, на грани между жизнью и смертью. Они получили статус, эквивалентный испытательному сроку, который мог длиться месяцы или всю жизнь, во время которого пленник, как ожидали, докажет свою готовность интегрироваться в ирокезское общество, поступая как ирокез ³³. Но, кажется, иезуиты презрели возможность компромисса, отказываясь играть роль приемных детей ирокезов. Они провоцировали конфликт, проповедуя, публично молясь и пытаясь обратиться к другим. Они оставались чужими, а значит, представляли угрозу: реальную или ритуальную. Рано или поздно такой стиль поведения

должен был дать свой закономерный результат. 29 сентября 1642 г. Гупиль нанес знак креста на лоб мальчика и тут же был зарублен ирокезским воином³⁴. Его действия были восприняты как отказ следовать нормам ирокезского образа жизни, это был акт провокации и агрессии, ответом на который стала быстрая и безжалостная смерть.

Жог оставался рабом могауков еще около года. Благодаря щедрости голландцев из соседнего с территорией могауков Форт-Оранжа, принявших участие в судьбе пленных французов, он имел возможность посетить зимой 1642—1643 гг. все три селения могауков, чтобы «утешать и наставлять гуронских пленников». Он также пытался проповедовать могаукам, тем самым, фактически, став первым миссионером у них, но «ирокезы неохотно слушали то, что он говорил о Боге»³⁵. Осознание этого факта заставило иезуита изменить взгляд на случившееся с ним. В письме от 30 июня 1643 г., переданном с оказией через голландцев в Квебек, он сообщал: «Мое решение жить здесь, пока это будет угодно нашему Господу, а не уйти, все крепче... Мое присутствие утешает французов, гуронов и алгонкинов. Я крестил более шестидесяти человек, несколько из которых отправились на Небеса». Это были в основном ирокезские взрослые и дети, находящиеся при смерти, однако некоторых здоровых детей Жог крестил украдкой, во время игр³⁶.

Будучи частью, хоть и презренной, традиционного ирокезского общества, он соприкоснулся с ним плотнее, нежели его коллеги у гуронов, даже такие ветераны миссии, как де Бребёф или Рагено. Он увидел изнутри то, что традиционные общества не позволяли разглядеть аутсайдерам извне. В частности, Жог был первым, кто узнал об Агрескуи, олицетворении солнца, божества войны и охоты, и кто разглядел в этом персонаже общеирокезской мифологии нечто большее, чем обычного «демона» или «духа». Он описал его как Великого Духа, идентичного иудео-христианскому концепту Бога-Творца, а стало быть, нашел возможность аккомодации ирокезоязычной религиозной традиции к христианской³⁷. Миссионеры, находящиеся у родственных ирокезам по языку гуронов с 1634 г., обнаружили это божество у них лишь в 1648 году.

Однако со временем приоритеты Жога вновь изменились. В течение года, проведенного им в Оссерненон, неприязнь со стороны большинства могауков продолжала расти, а вместе с ней и угроза для жизни. Все причины оставаться среди ирокезов исчезли: французы либо уже были убиты (как Гупиль), либо находились далеко (как Кутюр). «Следовательно, я не видел дальнейшей причины, которая обязывала меня оставаться из-за французов. Что касается дикарей, я не имел ни силы, ни надежды наставить их; ибо вся страна была настолько раздражена против меня, что я не находил ничего, что могло помочь мне уговорить или убедить их». Даже алгонкины и гуроны «были вынуждены держаться от меня подальше, как от жертвы, предназначенной к сожжению, из страха разделить ненависть и ярость, которую ирокезы питали ко мне». Учитывая свое знание ирокезского языка, географии и состояние Ирокезии, Жог пришел к выводу, что «смог бы лучше обеспечить их спасение другим способом, чем оставаясь среди них. По моему мнению, все это знание умерло бы вместе со мной, если бы я не бежал»³⁸.

Сначала еще существовала иллюзорная надежда, что удастся достигнуть свободы менее рискованным путем. Голландцы, узнав о пленении французов, в сентябре 1642 г. предложили могаукам выкупить их, однако индейцы отказались³⁹. Подобную попытку весной 1643 г. предприняли и союзные Лиге абенаки-сококи Вермонта в благодарность за спасение французами их соплеменника от алгонкинской пытки в Труа-Ривьер, но могауки, взяв выкуп за пленных, не освободили ни одного из них. Однако в результате этого посольства в Квебек попало письмо о. Жога от 30 июня 1643 г., давшее первую информацию о его положении в ирокезском плену⁴⁰.

Исчерпав возможности своего апостолата и безопасного освобождения, в начале августа 1643 г. о. Жог бежал в Форт-Оранж к голландцам во время торговой экспедиции могауков на Гудзон, участником которой он был. Больше месяца он скрывался в доме Иоганна Мегаполензиса, протестантского пастора голландской колонии, спасаясь от мести ирокезов. Последние, наконец, приняли от голландцев выкуп за иезуита, Жога отправили в Новый Амстердам, и 5 ноября он отплыл на голландском корабле в Англию, а оттуда — во Францию⁴¹. 5 января 1644 г. он достиг Ренна во Франции, вызвав настоящий фурор сначала в местном иезуитском коллеже, а затем и в Париже. Во время аудиенции при дворе королева не смогла сдержать слез при виде его искалеченных рук, на которых ирокезы отрезали большинство пальцев. Папа Римский, в нарушение ритуальных правил, требующих, чтобы священники были физически полноценными для служения мессы, решил, что «несправедливо, что мученик за Христа не может пить Кровь Христа», о чем Жог сообщил сам генерал ордена⁴².

Ситуация в колонии к середине 1640-х гг. достигла максимального кризиса. В июне 1643 г. могауки впервые напали на Монреаль, предварительно разгромив торговый караван гуронов, захватив Реляцию гуронского супериора и письма миссионеров⁴³. Светские и духовные колониальные власти справедливо опасались, после получения известий в 1643 г. о смерти кардинала Ришелье и короля Людовика XIII, что никакой помощи в решении ирокезской проблемы из метрополии они уже не получают. Вступление Франции в Тридцатилетнюю войну, развертывание нового витка социально-политического противостояния (Фронда), серьезный экономический кризис — все это препятствовало проведению активной заморской политики французским государством⁴⁴. Феодальный собственник колонии Компания Новой Франции подверглась в 1643 г. болезненной процедуре ликвидации долгов, сумма которых достигла 350 тыс. ливров, что привело к ее фактическому устранению от участия в управлении⁴⁵. Абитанам предстояло самим решать свою судьбу и судьбу Новой Франции.

Ее лидеры прекрасно осознавали ту угрозу, которую несли с собой ирокезы для поселенцев и миссий, и свое бессилие перед ними. В условиях эскалации этнических конфликтов французы выбрали единственно возможную стратегию выживания — выйти из них. Одновременно, летом 1643 г., Лежён вновь отправился во Францию просить помощи от метрополии для защиты колонии. Благодаря энтузиазму этого эмиссара, а, возможно, еще более красноречивому свидетельству ирокезской опасности, которым являлся о. Жог, ко-

ролева Анна Австрийская послала небольшой отряд солдат в Новую Францию и предоставила 100 тыс. франков на их содержание. В июне 1644 г. Лежён вернулся в Квебек вместе с Жогом, стремившимся обратно в Канаду ⁴⁶.

Весной 1644 г. могауки вновь захватили иезуита: в этот раз жертвой стал о. Франсуа-Жозеф Брессани, направлявшийся в Гуронию «с богатыми дарами» в сопровождении шести учеников гуронской семинарии из Труа-Ривьер и молодого слуги-француза. Их караван был атакован ирокезами 28 апреля на оз. Сен-Пьер, в устье р. Маскинонже ⁴⁷. Так же, как и о. Жога, Брессани отвели в страну могауков и подвергли мучительным пыткам. В первой деревни, в которую он был доставлен, ирокезы избили его дубинками при входе, заставили танцевать на горящих углях, и вырвали бороду и волосы. «Каждую ночь, они начинали снова это занимательное развлечение; они жгли один из его ногтей или один из его пальцев в течение семи или восьми минут. В первую ночь они сожгли ноготь; во вторую, первый сустав пальца; в третью, второй сустав. Таким образом они подносили огонь к его пальцам более восемнадцати раз. Они пронзили его левую ногу пикой, а тем временем он был вынужден петь. Целый месяц прошел в этой манере». Затем миссионера отправили еще в две деревни, где он последовательно подвергся дальнейшим издевательствам. В одной «они отрезали его левый большой палец и два пальца правой руки, сначала разрезав кисть в длину между вторым и средним пальцами. Они сожгли его оставшиеся ногти и несколько пальцев, сломали пальцы ног, и заставили есть грязь и то, что не доели собаки». В другой, его подвешивали «на цепях за ноги» в течение недели, «он пострадал в тех местах и таким способом, о которых пристойность не позволяет нам писать. Он был покрыт гноем и грязью, и его раны изобиловали червями» ⁴⁸. 3 июля, находясь в плену, он написал письмо генералу Вителлески, в котором описал свои злоключения и приложил рисунок искалеченных рук ⁴⁹.

Так же, как и Жог, Брессани был обращен в рабство и отдан одной ирокезской вдове, которая, однако, вскоре (19 августа) продала его голландцам в Форт-Оранже. Возможно, его исковерканные пытками руки не позволили ему стать хорошим рабом. Слабое знание гуронского языка и слишком короткое пребывание в Ирокезии не давали возможности Брессани вести миссионерскую работу ни среди могауков, ни среди плененных ими индейцев. Более того, как писал он позже, «гуронские и алгонкинские пленники, вместо того, чтобы утешать, первыми мучили меня, чтобы угодить ирокезам» ⁵⁰. Единственным крещением, которое он совершил перед самым отъездом, стал обряд над пленным гуроном перед его казнью у пыточного столба. Голландцы обеспечили иезуиту лечение и возможность вернуться во Францию: 15 ноября 1644 г. о. Брессани достиг Ла-Рошели, «в лучшем здоровье, чем когда-либо» ⁵¹. Наконец, как и Жог, Брессани вернулся в 1645 г. обратно в Новую Францию, а затем и в Гуронию, окончательно закрепив образ истинного миссионера-мученика в умах своих коллег.

Одновременно с захватом Брессани, еще девять военных отрядов могауков нанесли удары по различным пунктам колонии, в том числе по Монреалю, форту Ришелье и Труа-Ривьер, вызвав панику

среди французского и индейского населения. В течение года могауками были захвачены три большие гуронские флотилии, что полностью остановило всю мехоторговлю по реке Св. Лаврентия⁵². Сложившаяся ситуация представлялась настолько безнадежной, что суперитор Б. Вимон позволил себе заметить в 1644 г., через 20 лет после основания иезуитской миссии в Новой Франции, «мы только начинаем»⁵³.

Все колониальное предприятие находилось под угрозой гибели. У французов не оставалось выбора, кроме поиска мира с ирокезами, мира любой ценой. Поэтому, когда в мае 1644 г. победоносная военная партия гурунов и алгонкинов явилась в Труа-Ривьер с несколькими ирокезами, захваченными у форта Ришелье, Монманьи сделал все, чтобы сохранить пленникам жизнь и отправить их обратно в Ирокезию с посланием о мире⁵⁴.

5 июля 1644 г. посольство могауков во главе с вождем Киотсеаэтоном прибыло в Труа-Ривьер для переговоров о мире. Франко-индейский союз представляли губернатор Монманьи и суперитор иезуитской миссии о. Вимон. В знак доброй воли ирокезы освободили Кутюра, который в дальнейшем выполнял функции переводчика во время совета. Могауки были готовы заключить мир и с французами, и с их индейскими союзниками и требовали лишь отпустить их пленных соплеменников. Алгонкины согласились, но гуронские представители не успели прибыть до того, как могауки покинули Труа-Ривьер 15 июля, чтобы ратифицировать соглашение в своей стране. Поэтому, для подтверждения мира и включения в него гурунов, 17—20 сентября 1645 г. в Труа-Ривьер вновь собрался совет, на котором присутствовали все заинтересованные стороны: Монманьи, иезуиты, гуруны, которые возвратили одного из двух пленников, алгонкины, монтанье, аттикамек и могауки, всего более 400 человек. Мир был торжественно подтвержден. Киотсеаэтон также принес присутствующим на совете Жогу и Брессани извинения за причиненные им страдания⁵⁵.

Главным фактором, способствовавшим готовности могауков заключить мир с франко-индейским союзом, был, по-видимому, экономический. Получив контроль над торговлей мехами с голландцами, могауки стремились направить поток пушнины, поставлявшейся из Гуронии в Квебек, в Новые Нидерланды. Попыткой достигнуть этого мирным путем и явился договор 1645 года⁵⁶. Эта цель объясняет и отсутствие на переговорах в Труа-Ривьер представителей других племен Ирокезской лиги, не имевших в тот период торговых контактов ни с голландцами, ни с французами.

Во время этих переговоров ярко проявился профессиональный подход французов в отношении с их индейскими союзниками. Один из представителей могауков, которого французы называли ле Кроше (Крюк), предложил им отказаться от союза с алгонкинами в обмен на мир. После консультации с Вимоном и Лежёном губернатор ответил, «что было два вида алгонкинов, одни подобны нам, признанные как христиане; другие отличаются от нас. Без первых, это бесспорно, мы не заключим мир; что касается последних, они сами себе хозяева, и притом не связаны с нами [союзом], как другие». Помимо всеобщего мира, Монманьи предлагал также посредничество французов во

всех противоречиях между ирокезами и другими народами. В конце концов, мир был подписан, с условием решить все оставшиеся вопросы в ближайшем будущем, и стороны расстались, питая сильные подозрения относительно мотивов друг друга ⁵⁷.

В 1645 г. супериором Новой Франции стал бывший настоятель Гуронской миссии Жером Лалеман, главным стратегическим направлением деятельности которого стало географическое расширение иезуитской миссии. Теперь, после заключения мира с могауками и возобновления мехоторговли, открывались новые перспективы в распространении иезуитского апостолата не только на те народы, контакты с которыми оказались прерваны в результате ирокезских вторжений 1640—1645 гг., но и на самих ирокезов. Франко-ирокезский мирный договор — «это широкие врата, открытые для крестов и Евангелия ко многим весьма многочисленным нациям», отмечал Б. Вимон в своей последней Реляции ⁵⁸. Лалеман официально поставил в известность генерала ордена В. Карафу о готовности миссии к расширению на новые территории. В 1646—1647 гг. он писал ему о множестве крещений, безупречной религиозной дисциплине неофитов, и выражал уверенность, что достигнутый с ирокезами мир «откроет врата к новым миссиям», прежде всего, в самой Ирокезии. «Наконец пришло время для обращения этого Нового Света, — заявлял он в Реляции 1646 г. — Время ярости прошло, те монстры превратятся в людей, а из людей станут детьми Божьими» ⁵⁹. «И вот уже одни идут к абенаки, которые были ранее недоступны. Другие идут к ирокезам», — сообщала урсулинская монахиня Мари л'Энкарнасьон в сентябре 1646 года ⁶⁰.

Однако франко-ирокезский договор 1645 г. был ограниченным: лишь могауки заключили мир с франко-индейским союзом, все остальные племена Лиги не только не приняли в нем участие, но и выступали против его заключения могауками ⁶¹. Последние сами были разделены. Из трех родов могауков, Черепахи из Оссерненон, Медведя из Андагарон и Волка из Теонтугена, где три года жил Кутюр, именно Волки вели переговоры, другие роды воздержались от визитов в Новую Францию.

Неопределенность политической ситуации, с одной стороны, и сильное стремление начать миссию среди ирокезов, с другой, привели к решению светских и духовных лидеров колонии послать к могаукам новое посольство для подтверждения достигнутых соглашений. Ж. Лалеман, после долгих консультаций со своими духовными советниками, 26 апреля 1646 г. в качестве посла указал на о. Жога, «поскольку он уже был знаком с этими людьми и их языком, монетой, более драгоценной, чем золото или серебро» ⁶².

Французское мирное посольство, состоявшее из о. Изаака Жога и картографа Жана Бурдона, отправилось 16 мая из Монреаля в страну могауков в сопровождении ирокезского и алгонкинского эскорта. Сделав недолгую остановку в голландском Форт-Оранже, посланники 7 июня достигли первой деревни могауков — Оссерненон, которую Жог посвятил Св. Троице. 10 июня там состоялась «Генеральная Ассамблея всех основных Капитанов и старейшин страны», которая подтвердила обязательство сохранять мир не только с французами, но и их индейскими союзниками. Жог отметил, что представители рода Волка «заверили французов, что для них здесь всегда будет безо-

пасное жильё». Он также «подарил 2000 фарфоровых бусинок» представителям племени онондага, «чтобы побудить их принять план французов». 16 июня Жог с компаньонами оставил Оссерненон, и 3 июля послы прибыли в Квебек. В целом, посольство можно было считать успешным. Бурдон сделал первую «вполне точную карту этих областей», а Жог крестил нескольких больных детей и исповедал тех гуронских христиан, которые находились в этом селении. Некоторых послы выкупили из плена и забрали с собой ⁶³.

Успех посольства воодушевил Лалемана на открытие Ирокезской миссии. 9 июля на консультации супериора с отцами Лежёном, Виномом и Жогом было решено отправить последнего к могаукам при первом удобном случае ⁶⁴. Уже 21 августа на очередной консультации было решено, что такой случай представился: Жогу было предписано провести среди могауков зиму. «Наш преподобный отец-настоятель, — писал Жог своему другу во Францию, — весьма склонен к этому. Только моя собственная трусость и телесная слабость создает сильные препятствия планам Бога для меня и для этой страны» ⁶⁵.

24 сентября 1646 г. о. Изаак Жог и донне Жан де Ляланд, в сопровождении нескольких ирокезов и гуронов, собиравшихся навестить своих пленных родственников, отправились в страну могауков для основания там миссии Мучеников. Уже в пути большинство сопровождавших покинуло миссионеров, что было, несомненно, дурным знаком. Тем не менее, французы продолжили путь. Недалеко от форта Ришелье иезуитов встретил ирокезский отряд, который, фактически, под конвоем, сопровождал их в селение Оссерненон: они «были избиты, ограблены и раздеты донага, и в таком состоянии приведены в деревню». По случаю прибытия французов был собран совет племени, на котором им предъявили обвинения в колдовстве, приведшем к потере запасов зерна и болезням ⁶⁶.

Тем не менее, решения о казни послов вынесено не было; возможно, лидеры могауков вновь разрабатывали варианты выкупа. Однако 18 октября член клана Медведя, вопреки воле совета, убил Жога. «Они пришли, чтобы позвать Изаака на ужин, он встал и ушел с тем варваром к хижине Медведя. Был предатель с топором за дверью, кто, на входе, расколол его голову; затем немедленно отрезал ее и установил на палисаде». На следующий день та же участь постигла и Ляланда, «и их тела были брошены в реку» ⁶⁷. Так Жог стал первым иезуитским мучеником Новой Франции.

Отправляя Жога к могаукам, Лалеман, помимо прочего, инструктировал его «убедить всех верхних ирокезов... примириться. Если они откажутся, он был уполномочен просить могауков препятствовать тому, чтобы они появлялись на Ривьер де Прери [Оттаве], по которой путешествовали гуроны, чтобы ограничить их войну на Св. Лаврентии как можно дальше вверх по реке от Монреалья, или, по крайней мере, запретить подходить к этому острову» ⁶⁸.

На самом деле уже летом 1646 г. могауки начали переговоры с другими племенами Ирокезской лиги с целью масштабного вторжения в Гуронию и уничтожения ее населения ⁶⁹. Возобновление войны могауков с франко-индейским союзом стало неизбежным: главная цель могауков — контроль над мехоторговлей гуронов — так и не была достигнута. Гуроны продолжали поставлять меха в Новую

Францию, игнорируя требования о посредничестве могауков. В 1645 г. в Новую Францию прибыли 60 гурунских каноэ с мехами, в 1646 г. — уже 80 (в тот раз они даже были вынуждены увезти обратно несколько связок шкур, так как у французов не хватило товаров для обмена) ⁷⁰.

Вместе с тем, война против французской колонии не считалась ирокезами неизбежной. Могауки, заключив мир с французами и их союзниками, не стремились его нарушить. Гибель Жога и Ляланда, спровоцировавшая ее, была, видимо, вызвана субъективными ситуационными факторами: порча зерна и эпидемия породили слухи о колдовстве иезуитов, подогретых рассказами пленных гурунов о событиях в Гурунии в 1635—1640 годах. В результате, часть могауков (род Медведя), издавна находившихся на антифранцузских позициях, пошли против решений совета и убили иезуита и его слугу, как традиционно поступали в отношении колдунов североамериканские индейцы. При этом, судя по сообщениям голландцев, из которых в Квебеке узнали о произошедшем, «нации Волка и Черепахи сделали все, что могли, чтобы спасти их жизни», даже ценой своих. Генерал-губернатор Новых Нидерландов Виллем Кифт в письме Монманьи предупредил французов о необходимости готовиться к войне с ирокезами ⁷¹.

Возобновление войны ирокезов с франко-индейским союзом осенью 1646 г. вновь парализовало все движение по р. св. Лаврентия, отрезав западные миссии от колониального центра. В ноябре был сожжен уже покинутый к этому времени форт Ришелье, а в Монреале были захвачены несколько гурунов и французов ⁷². Это вызвало новую остановку гурунской торговли и бегство алгонкинов в глубь их охотничьих территорий, что серьезно осложнило деятельность иезуитских миссий. В 1647—1650 гг. Ирокезская лига расширила свою военную экспансию на все пространство долины св. Лаврентия и область Великих озер. Последовательно были разгромлены, уничтожены или поглощены кичезипирини (1647), ирокеты (1647), гуруны (1649). Вместе со своей паствой от ирокезского оружия гибли и иезуитские священники.

В результате событий 1642—1650 гг. ирокезы стали объектом постоянного внимания в Иезуитских реляциях. Их демонизированный образ активно использовался иезуитами для подчеркивания преемственности молодой канадской церкви со всей христианской традицией, ведущей начало с апостольских времен. Ирокез обретал все более сочные краски врага веры и творца мучеников. Но при этом он абсолютно лишался собственной активной воли: подобно древнееврейским пророкам, иезуиты в Новой Франции видели его «бичом божьим», карающим младенческую канадскую церковь за ее грехи. «Кажется, — резюмировал суперитор Гурунской миссии Жером Лалеман осенью 1643 г., — что Бог намеревается установить свою церковь в этих варварских странах исключительно теми же самыми путями, которые повсюду рождали веру. Я хочу сказать, что быть превосходным христианином и в то же время страдать — две нерасторжимые вещи» ⁷³.

Этот образ привлекался миссионерами и с целью поощрения христианского рвения среди французов, особенно своих коллег по ордену, и как средство конверсии индейских союзников французов: алгонкинов и гурунов. Презентация ирокезов как «демонов», уподоб-

ление традиционных пыток вечным адским мукам, а их военных набегов — каре Господней служили мощным средством привлечения индейцев Св. Лаврентия и Великих озер к христианской религии и ее утверждения в их среде. Так, получив известия о пленении могауками о. Брессани, настоятель редукции Силлери Декон «произнес проповедь по этому поводу, чтобы показать им [неофитам], что этот несчастный случай и очень много других бед были проявлениями гнева Божьего, который был справедливо разгневан греховностью плохих христиан и неверных, которые не повинуются его слову»⁷⁴.

Гибель Жога и Ляланда в 1646 г. и пяти миссионеров в Гуронии в 1648—1649 гг. от рук ирокезов окончательно сформировали мартирологическую доктрину иезуитов в Новой Франции. Новая церковь будет принята Богом лишь тогда, когда произведет своих мучеников; для этого Господь предопределил и жертв (причем не только французских священников, но и аборигенов-неофитов), и палачей (ирокезов или, позднее, аборигенов-отступников или традиционалистов). Можно предположить, что она выполняла, прежде всего, компенсаторную функцию — страдания и жестокая смерть не должны были оставаться лишь эпизодом этнических войн, а обрести высший смысл, объяснявший цели и результаты миссионерского труда.

Одновременно началась систематическая теологическая работа, направленная на обеспечение канонически правильного фундамента для иезуитской миссионерской мартирологии. Поскольку в XVII в. важнейшим критерием мученической смерти была смерть из-за ненависти к христианскому образу жизни и учению (*odium fidei*), постольку требовалось доказать, что ирокезы уничтожали миссионеров и их паству, исходя из этого мотива. Реляция Ж. Лалемана за 1647 г., почти полностью посвященная о. Жогу, его страданиям и мученической смерти, стала поворотным пунктом в развитии этой доктрины. Был сформирован облик святого-мученика Новой Франции, прототипом которого стал Изаак Жог. «Мы чествовали эту смерть как смерть мученика, — писал Лалеман. — [Ибо] тот является истинным мучеником Божьим, кто свидетельствует пред небом и землей, что ценит веру и возвещение Евангелия сильнее собственной жизни, — теряя ее в опасностях, в которые, с полным сознанием, он ввергает себя ради Иисуса Христа, и выступая перед его лицом с желанием умереть, чтобы сделать его известным. Эта смерть — смерть мученика перед ангелами. Он был убит из-за ненависти к учению Иисуса Христа»⁷⁵.

Каждый конкретный случай, начиная со смертей Гупиля и Жога и до жертв ирокезского нападения на Гуронию в 1648—1649 гг., был приведен в одну систему, основой которой стала мартирология. Современные исследователи выделяют подчас абсолютно разные мотивы, которыми руководствовались мучители иезуитов: вызов и провокация со стороны Гупиля, подозрение в колдовстве Жога и де Ляланда, гибель в бою Ш. Гарнье и А. Даньеля, традиционная пытка военнопленных в случае Бребефа и Лалемана, исчезновение без вести Н. Шабанеля⁷⁶, — все они оказались сведены к *odium fidei* (ненависти к вере).

Процесс становления христианской миссии среди ирокезов оказался самым трудным и долгим испытанием, с которым пришлось столкнуться иезуитам в Северной Америке в XVII веке. С самого

начала он был осложнен военным противостоянием между франко-индейским альянсом, созданным в первое десятилетие столетия С. де Шампленом, и Ирокезской лигой, развернувшимся на всем пространстве североамериканского Вудленда, и включившим в себя не только борьбу за экономические ресурсы и рынки, но и традиционную межплеменную вражду и европейское колониальное соперничество. В результате, иезуитские миссионеры изначально воспринимались ирокезами как представители враждебных сил (в том числе, и сверхъестественных), что, несомненно, создавало серьезное препятствие для их деятельности. Собственно же христианизация могла вестись только в условиях плена (либо ирокезов у гуронов и алгонкинов, либо захваченными иезуитами на территории Лиги), что делало ее неэффективной и кратковременной.

Открытый военный конфликт между французской колонией в Канаде и ирокезами, развернувшийся в 1640—1650 гг. и стоивший жизни множеству французов, в том числе восьми иезуитам и их индейских союзников, прежде всего, христиан или катехуменов, непосредственно влиял на демонизацию образа ирокезов в глазах миссионеров, как врагов веры и мира, что часто ставило под сомнение необходимость их христианизации вообще. С другой стороны, с самого начала контакта с представителями Ирокезской лиги, иезуиты стремились к ее вовлечению в орбиту их апостолата, высоко оценивая ее экономический, военный и политический потенциал. Это предопределило в будущем не только сохранение стратегических задач по проникновению и утверждению миссионеров среди ирокезов, но и превращение их во второй половине XVII в. в приоритетную цель иезуитской миссии в Северной Америке.

Примечания

1. MACLEOD W.C. *The American Indian Frontier*. N.Y. 1928, p. 279—280; HUNT G.T. *Wars of the Iroquois: A Study in Intertribal Trade Relations*. Madison. 1940, p. 35—36; АВЕРКИЕВА Ю.П. *Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому*. М. 1974, с. 222—223; ФЕНТОН У.Н. *Ирокезы в истории. Североамериканские индейцы*. М. 1978, с. 126—127.
2. CHAMPLAIN S. de. *The works of Samuel de Champlain*. Vol. I. Toronto. 1922, p. 100.
3. *Monumenta Novae Franciae*. Roma-Québec. 1967—2003 (MNF), vol. II, p. 87*; vol. V, p. 56—57. Торговля огнестрельным оружием с туземцами была запрещена всеми торговыми компаниями в Америке, в том числе и голландской Вест-Индской компанией. Однако, с 1639 г. ее правлением был провозглашен режим свободной торговли с индейцами для всех поселенцев, которые воспользовались этим, чтобы начать активно поставлять в селения могауков мушкеты и алкоголь — самые выгодные товары для пушного бартера в тот период. См.: *Documents relative to the colonial history of the State of New York: procured in Holland, England and France*. Vol. 1. Albany. 1853—1887, p. 119—123, 150—152; TURNER O. *Pioneer history of the Holland Purchase of western New York*. Buffalo. 1850, p. 87. «Этим нехристианским оружием (О позор и преступление!) голландцы снабжают язычников!», — негодовал в своей «Истории Канады» иезуит Дюкре. DU CREUX F. *The history of Canada or New France*. Vol. II. Toronto. 1952, p. 517.
4. *The Jesuit Relations and Allied Documents. Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610—1791*. Vol. XXI. Cleveland. 1899 (JR), p. 33—49, 53—61.

5. Documents relative to the colonial history of the State of New York..., p. 182. В 1640 г. ружей у могауков было не более 40. MNF, vol. V, p. 57.
6. JR, vol. XXIV, p. 291.
7. JR, vol. XXIV, p. 271—273.
8. JR, vol. XVIII, p. 33; vol. XXI, p. 23—29.
9. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation: première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. I. Paris. 1876, p. 150; JR, vol. XXII, p. 271. В пересчете на современный курс эта сумма равна 100 тыс. долл. CÔTÉ J. The Donnés in Huronia. Midland. 2003, p. 128.
10. JR, vol. XXIII, p. 269; vol. XXVI, p. 35—37.
11. JR, vol. XXII, p. 251; vol. XVIII, p. 245; MNF, vol. V, p. 45—46, 56.
12. MNF, vol. V, p. 42, 56, 594; JR, vol. XX, p. 119. В этот момент, по расчетам Л. Кампо, французская колония насчитывала лишь ок. 200 человек (мужчин), способных носить оружие, но большая часть которых не имела какого-либо военного опыта, тем более в непривычных условиях лесов Северной Америки, которым противостояли до 700 воинов-охотников только одних могауков, без учета воинов остальных племен Ирокезской Лиги, ко всему прочему, снабженных европейским оружием. CAMPEAU L. La Mission Des Jésuites chez les Hurons, 1634—1650. Montréal. 1987, p. 85.
13. JR, vol. XXI, p. 21—23.
14. JR, vol. XXI, p. 117—119.
15. JR, vol. XXI, p. 271—273; MNF, vol. V, p. 231.
16. JR, vol. XXI, p. 269—271.
17. MNF, vol. V, p. 233.
18. MNF, vol. V, p. 215, 235, 238.
19. JR, vol. XXII, p. 275—279.
20. MNF, vol. V, p. 230—231.
21. JR, vol. XXII, p. 35; vol. XXIV, p. 295.
22. JR, vol. XXVII, p. 81; vol. XXX, p. 183.
23. JR, vol. VII, p. 223.
24. JR, vol. V, p. 31; vol. IX, p. 65—67; vol. XIII, p. 83.
25. JR, vol. XV, p. 173.
26. JR, vol. XIII, p. 47; vol. XXIII, p. 33—35.
27. JR, vol. XV, p. 173—175; vol. XVII, p. 63—65.
28. MNF, vol. V, p. 595—598; JR, vol. XXIV, p. 305; vol. XXVI, p. 189—191; vol. XXVIII, p. 119—121.
29. JR, vol. XXII, p. 43.
30. MNF, vol. V, p. 600—606; JR, vol. XXIII, p. 249—251; vol. XXIV, p. 281.
31. JR, vol. XXVIII, p. 127; MNF, vol. V, p. 606—607.
32. JR, vol. XXIV, p. 299—301.
33. RICHTER D. The Ordeal of the Longhouse: The Peoples of the Iroquois League in the Era of European Colonization. Chapel Hill. 1992, p. 69.
34. JR, vol. XXVIII, p. 129—135.
35. JR, vol. XXIV, p. 283; vol. XXV, p. 71; vol. XXXI, p. 83.
36. JR, vol. XXIV, p. 297; vol. XXXI, p. 91, 135; vol. XXXIX, p. 229; MNF, vol. VI, p. 305—306.
37. MNF, vol. V, p. 615—616.
38. JR, vol. XXV, p. 51—53.
39. MNF, vol. V, p. 609; JR, vol. XXV, p. 71.
40. JR, vol. XXIV, p. 295—297; vol. XXV, p. 53, 71; vol. XXXV, p. 85—87.
41. JR, vol. XXV, p. 43—65; MEGAPOLENSIS J. A Short Sketch of the Mohawk Indians in New Netherland (1644). Collections of the New York Historical Society. Vol. III. Pt. I. N.Y. 1857, p. 153.
42. JR, vol. XXXI, p. 105—107; MNF, vol. VI, p. 49; MARTIN F. Le R. P. Isaac Jogues, de la Compagnie de Jésus, premier apôtre des Iroquois. Paris. 1873, p. 221—225.
43. JR, vol. XXIV, p. 273—279; vol. XXV, p. 47—49.
44. БЛЮШ Ф. Людовик XIV. М. 1998, с. 38—39.

45. АКИМОВ Ю. А. Очерки ранней истории Канады. СПб. 1999, с. 105.
46. JR, vol. XXIII, p. 269; vol. XXVI, p. 71, 139; vol. XXVII, p. 89.
47. JR, vol. XXVI, p. 27—35.
48. JR, vol. XXVI, p. 41—47; MNF, vol. VI, p. 32—38.
49. MNF, vol. VI, p. 31—39.
50. JR, vol. XXXIX, p. 73.
51. JR, vol. XXVI, p. 49—51; vol. XXXIX, p. 79—83; MNF, vol. VI, p. 50—51.
52. JR, vol. XXV, p. 193; vol. XXVI, p. 35—37; vol. XXVIII, p. 45.
53. JR, vol. XXV, p. 115.
54. JR, vol. XXVI, p. 57—71; vol. XXVII, p. 229, 241—243, 245.
55. JR, vol. XXVII, p. 247—253, 267—303.
56. JENNINGS F. The Founders of America. N.Y. 1993, p. 212.
57. JR, vol. XXVIII, p. 151, 283.
58. JR, vol. XXVII, p. 137.
59. MNF, vol. VII, p. 53—54; JR, vol. XXVIII, p. 269; vol. XXIX, p. 151.
60. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation..., p. 282.
61. JR, vol. XXVIII, p. 275.
62. JR, vol. XXVIII, p. 183; vol. XXIX, p. 47.
63. JR, vol. XXVIII, p. 137—139, 213; vol. XXIX, p. 49—61; vol. XXX, p. 227—229.
64. JR, vol. XXVIII, p. 217.
65. JR, vol. XXVIII, p. 139, 225—227.
66. JR, vol. XXVIII, p. 231; vol. XXIX, p. 61—63; vol. XXX, p. 221.
67. JR, vol. XXXI, p. 117; MARTIN F. Op. cit., p. 276—277. В октябре 1647 г. предполагаемый убийца Жога и Ляланда был захвачен в плен союзными французам индейцами и доставлен в Силлери, где был допрошен и крещен перед казнью, получив имя Изаака, в честь убитого им священника. JR, vol. XXXII, p. 21—25.
68. JR, vol. XXIX, p. 181—183.
69. JR, vol. XXX, p. 227.
70. JR, vol. XXVIII, p. 141, 231.
71. MNF, vol. VI, p. 527—528, 540; JR, vol. XXXI, p. 117; vol. XXXVI, p. 23.
72. DOLLIER DE CASSON F. Histoire du Montréal. 1640—1672. Histoire du Montréal. 1640—1672. Montréal. 1871, p. 35; JR, vol. XXX, p. 221—223.
73. JR, vol. XXV, p. 37—39; vol. XXVI, p. 217.
74. JR, vol. XXV, p. 149.
75. JR, vol. XXXI, p. 119.
76. См.: MALI A. New World Spirituality: Mystical Writings of Missionaries in 17th Century Canada. Jerusalem. 1994; GREER A. Colonial Saints: Gender, Race, and Hagiography in New France. In: The William and Mary Quarterly. 2000, 3rd Ser, vol. 57, № 2; PERRON P. Isaac Jogues: From Martyrdom to Sainthood. In: Colonial Saints: Discovering the Holy in the Americas. N.Y. 2003; ANDERSON E. Blood, Fire, and «Baptism», Three Perspectives on the Death of Jean de Bré beuf, Seventeenth-Century Jesuit «Martyr». In: Native Americans, Christianity and the reshaping of the American religious landscape. Chapel Hill. 2010.

Утрехтский мир и война с пиратством в Вест-Индии в XVIII в.

Д.Н. Копелев

Начало XVIII в. было ознаменовано крупнейшими геополитическими изменениями на мировой арене, связанными с переделом колониального мира. Прежняя система, установленная Тордесильяским и Сарагосским договорами и предоставлявшая пиренейским державам права монопольного владения Мировым океаном, рухнула под напором набиравших силу европейских военно-морских держав (Англия, Франция, Нидерланды), создававших на протяжении всего XVII в. новые колониальные империи. Водоразделом изменившегося геополитического порядка стали Утрехтские соглашения 1713—1714 гг., кардинально изменившие расклад сил в заморских владениях европейских держав в Вест-Индии. К моменту их заключения пространство Антильских островов, входившее в состав Испанской колониальной империи, неожиданно оказалось чересчур тесным для стремившихся закрепиться здесь новых держав. Вплотную к старым центрам испанской Вест-Индии — Кубе, Пуэрто-Рико и восточной части Эспаньолы — расположились владения, подконтрольные новым военно-морским державам — Англии, Франции и Нидерландам. Как правило, они возникали на месте прежних флибустьерских стоянок. Пираты, словно сквозь «островное сито» проникшие на закрытую территорию испанских морей, расчистили путь европейским державам, начавшим проникновение в Новый Свет. Противники и одновременно соседи, колониальные державы взяли свободные ранее морские зоны с островами под свой контроль и в ходе многолетних войн распределили сферы влияния, зафиксировав раздел международными соглашениями.

Если окинуть взглядом островное пространство Антильских морей, можно различить на этом водном просторе совершенно особую геополитическую зону. На первых порах борьбы против испанской монополии в Новом Свете ведущую роль здесь играл остров Сент-

Кристофер, своего рода «материнская колония»¹, вокруг прав на владение которым развернулось ожесточенное англо-французское соперничество. Постепенно центры конфликта сместились к европейским форпостам на Наветренных островах — французской Мартинике и английскому Барбадосу. Небольшие по величине, они словно сконцентрировали в себе необъятный финансовый, хозяйственный и военный потенциал Европы и подобно «гигантским колоссам» встали на границе Испанского моря, создавая новую орбиту взаимодействия Европы, Африки, Северной и Испанской Америки. Еще один такой центр находился в самом сердце Карибского моря, где сгруппировались Большие Антильские острова (обширные Куба, Эспаньола, Ямайка), традиционно, со времен Х. Колумба, дававшие возможность контроля над всей его акваторией, но теперь уже не принадлежащие исключительно Испанской империи. А между ними, словно барьер, преграждавший путь вглубь Карибского моря, рассыпались крошечные Наветренные острова, которые на юге опирались на захваченные Нидерландами острова Тобаго и Кюрасао.

Центр британского влияния (не будем забывать о североамериканских британских колониях, державших Вест-Индию словно под прицелом) поначалу располагался на Барбадосе, где в 1625 г. возникли первые английские поселения. Постепенно он сдвигался к Ямайке, захваченной у испанцев в 1655 г. и превращенной в главную военно-морскую базу Англии, являвшуюся одновременно и центром каперства. После затяжной военной схватки конца XVII — первой трети XVIII в. за Великобританией остались Невис, Ангилья, Барбада, часть Сент-Кристофера, бывший французский Антигуа и не колонизованный Испанией Монтсеррат. С севера, на торговых путях к Северной Америке, лежали Багамские острова со знаменитым Нью-Провиденс, превратившимся после войны за Испанское наследство в своего рода «британскую Тортугу на Багамах».

Извечный конкурент Англии на морях, Республика Соединенных Провинций, после 1634 г. удерживала за собой Арубу, Кюрасао, Бонайре в группе Подветренных островов, а также заселявшийся с 1632 г. «живописный» Тобаго. На севере Наветренных островов голландцы сумели сохранить острова Саба, Синт-Эстатиус и в 1648 г. поделили с французами Сен-Мартен².

В свою очередь, Франция руками буканьеров потеснила испанцев с Эспаньолы, отвовав себе западную часть острова, соединенную в единую административную область с Тортугой. Цитаделью французского господства на Антильских островах стала Мартиника, куда с Сент-Кристофера переместилась резиденция генерального лейтенанта Французских островов. Здесь же находилась и основная база военно-морского флота. Под контролем французы держали также Гваделупу и ее островной «сектор» (Мари-Галант, Дезирад, Ле-Сент), «сектор» Сент-Кристофера (Сен-Бартельми, Санта-Крус, часть Сен-Мартена) и острова, расположенные южнее Мартиники (Сент-Люсия, Гренада и Гренадины), ставшие в XVIII в. центральным объектом ее соперничества с Великобританией.

В результате, свободных территорий в Вест-Индии (если не брать в расчет крошечные, не занятые еще островки) больше не оставалось. Для пиратов подобная геополитическая трансформация не обещала

ничего хорошего. Теперь рядом с владениями Испанской империи, ревниво охранявшей монополию на торговые трассы в Америку, но уязвимой для нападений по всему пространству Вест-Индии, воздвигли укрепленные плацдармы новые военно-морские державы, взявшие свободные зоны под свой контроль.

По мере их закрепления в Карибском море возрастала и подозрительность колониальных властей по отношению к своим недавним «союзникам» по борьбе с испанской монополией: флибустьерам, корсарам и каперам. Это подчас неуправляемое воинство вовсе не напоминало твердую опору, которая могла бы позволить державам контролировать Вест-Индию. Недавние «солдаты экспансии», совмещавшие функции военного колониста и разбойника, представляли теперь потенциальную угрозу собственным нанимателям. Присущее им вольнодумство, неукротимость, социальный антагонизм и нежелание считаться с навязываемыми властями правилами игры, превратило недавних союзников во врагов устанавливавшегося нового порядка. Океан становился слишком мал, чтобы в нем ужились государство и морская вольница.

Ситуация достигла кульминации после заключения Утрехтских соглашений 1713—1714 гг., высвободивших огромные людские ресурсы. Демобилизация флотов, окончание каперского промысла дали толчок количественному росту пиратства за счет сотен моряков, уходивших в разбойную жизнь. До принятия жестких антипиратских мер европейскими державами, в первую очередь Англией, морской разбой процветал. За этот период через котел пиратства прошло около 5 тыс. чел., в среднем ежегодно до 1—1,5 тыс. разбойников. Это огромные цифры, с учетом того, что главный «враг» пиратов — британский королевский флот — насчитывал в своем составе в тот же период в среднем 13 тыс. человек. В наиболее критические для пиратов времена численность его состава дошла до 20 697 (1727 г.). Тесно взаимосвязанный преступный мир, спланивавший бандитские экипажи в единую систему, представлял серьезную опасность. Только теперь на смену флибустьерам, приватирам и корсарам пришла новая генерация «пенителей морей». В официальной корреспонденции этих беспринципных «негодяев по профессии», как их назвал французский интендант на Сан-Доминго Жан-Жак Миттон де Сенвиль³, именовали пиратами или близким к нему французским синонимом форбаны, то есть «бандиты», «разбойники». Если первое наименование достаточно хорошо известно, то ко второму понятию следует дать некоторые пояснения. Происходя от старо-франц. *forbannir*, *forbannjan* («изгонять, отправлять в ссылку»), слово «форбан» буквально означало «изгоя», отринутого обществом человека, пустившегося ради обогащения на вооруженный морской грабеж и ставшего пиратом. Можно предположить, что первым, кто употребил это слово применительно к вест-индским пиратам, был королевский правитель острова Ла-Ваш Жан Ле Гофф, сьер де Борегар, бывший флибустьер, участвовавший в корсарских походах Лорана де Граафа и помощник губернатора Тортуги и Сан-Доминго Жана-Батиста Дюкасса. Священник-миссионер Жан-Батист де Лаба, переживший в Антильском море нападение таких бандитов, видел в «форбанах» «врагов государства», воров, вышедших в море без офи-

циального документа, позволяющего охотиться за призами. Такого же рода отщепенцев «итальянцы называют бандитами, от слова bando, которое означает “эдикт” или “приговор”, в соответствии с которыми их приговаривают к высылке и изгоняют из страны в качестве наказания»⁴. Форбаны были очень опасны: «Встреч с ними следует бояться, особенно если это испанцы, поскольку в большинстве своем все они мулаты, люди жестокие и лишенные рассудка, которые мало кому дают пощаду. Куда меньше риска попасть в лапы французам или англичанам — они более гуманны, и с ними можно договориться; главное — избежать их первого приступа ярости, после чего с ними можно стакнуться и выпутаться из передраги»⁵.

Окончание военных действий и раньше не останавливало деятельность подобных головорезов. Они, по словам губернатора Дюкасса, «подкупают королевских солдат», и в самое короткое время после окончания войны Франции с Аугсбургской коалицией число форбанов многократно увеличивалось. По его оценкам, количество дезертиров подскочило с двадцати человек до четырехсот. Вторил Дюкассе и его преемник на посту губернатора Сан-Доминго Жозеф д'Онон де Галифе, который попытался помешать формированию бандитских шаек: «Я отправлял отряды солдат и местных жителей на все причалы, чтобы помешать им (пиратам. — *Д.К.*) поднимать людей, и приказал опубликовать, что предоставлю свободу, два бочонка муки, инструмент, ткани и место тем добровольцам, которые заявят мне о сделанных им предложениях стать форбанами и окажут помощь в их поимке». В одном из своих рапортов он сообщал, что отправил разбойникам «письмо с увещеванием отказаться от столь презренного ремесла». Из полученного от пиратов ответного послания де Галифе узнал, что они «еще недостаточно наплавались, что они ничего не отнимали у французоз, не расплатившись с ними, что они хотели бы пополнить свои ряды новыми людьми...»⁶.

Подобные им «новые» морские разбойники, не взирая ни на что, продолжали охоту за призами, не обращая внимания ни на флаг «жертвы», ни на ее национальную принадлежность. Потоки неуправляемых демобилизованных головорезов с британского, французского, нидерландского и испанского флотов, хлынувшие в Вест-Индию после морских войн на пороге XVII—XVIII вв., стали последней каплей, переполнившей чашу терпения властей. Социальный страх подтолкнул колониальную администрацию к принятию соответствующих карательных мер. Согласно II статье Утрехтского мирного договора между Англией и Францией, обе стороны обязались принять решительные меры для пресечения в своих владениях грабежей на море. Однако колониальным администраторам лучше, чем кому-либо, было известно, что заявленные ими декларации нередко расходились с делом. Наибольшие трудности вызывал вопрос об амнистии участникам пиратских шаек. Опираясь на прежний опыт, губернаторы терялись в догадках относительно ее границ: распространится ли прощение только на тех, кто грабил корабли, или оно касается и тех, кто убивал. Эта дилемма в свое время вызвала недоуменные отклики со стороны губернатора французской Мартиники еще в 1700 г., когда во время очередной 6-месячной кампании по амнистии он никак не мог решить, кого прощать и за какие преступления. Тогда власти рассуди-

ли, что следует предать забвению все «подвиги» и списали с форбанов убийства. Тем не менее, за шесть месяцев ни один из них так и не сдался ⁷.

Главным центром пиратства стали Багамские острова, переживавшие тяжелые времена ⁸. По сообщению капитана Томаса Уолкера, исполнявшего должность судьи Адмиралтейства, направленному 14 марта 1715 г. в Совет плантаций и торговли, здешние острова просто кишат «пиратами, грабителями и бродягами», которые буквально снуют повсюду. В отправленном им списке предводителей бандитских шаек, чья деятельность негласно поощрялась испанскими властями, фигурировали Дэниэл Стилвелл, Джон Кемп, Мэтью Лоу, Джеймс Бурн, Джон Керри. Все они женатые люди. Стилвелл, например, был женат на дочери некоего Джона Дэрвилла, который, в свою очередь, владел судном, на котором пиратствовал его 17-летний сын. Кроме указанных лиц среди пиратов также были названы Бенджамин Хорниголд, Томас Террил, Ральф Бланкешир и Бенджамин Линн ⁹. Одним из влиятельных местных главарей был и капитан Джон Кокрэм, женатый на дочери одного из самых богатых торговцев. Имена других известных пиратов — Бенджамина Хорниголда, Генри Дженнингса и Томаса Барроу — назвал в июле 1716 г. другой свидетель, житель Нью-Провиденса Джон Уикерс, бежавший от их преследования на материк. По его словам, разбойники настолько укрепились на островах, что собираются превратить Нью-Провиденс во «второй Мадагаскар» ¹⁰. Некоторые из них, например Хорниголд, а также Легс Эсуорт, Джеймс Карнеги и Сэмюэл Лиддел, имели старые патенты против «испанских пиратов», полученные от губернатора Ямайки лорда Арчибальда Гамильтона, были связаны с испанскими властями, что, впрочем, не мешает им захватывать и испанские, и французские суда ¹¹.

Испанские пленники, захваченные англичанами, полагали, что лорд Гамильтон преследует здесь собственные финансовые интересы и получает четверть захваченной добычи. Однако обвинения в адрес Гамильтона в поощрении разбойников не сводились к одной лишь коррупции ¹². Губернатор Ямайки принадлежал к шотландскому аристократическому роду, тесно связанному с якобитами, и члены Ямайской ассамблеи подозревали в нем тайного «паписта и якобита» ¹³, возможно, полагая, что покровительство им военно-морских отрядов преследует далеко идущие цели. Был ли причастен снятый со своего поста в мае 1716 г. лорд Гамильтон к попыткам якобитов во главе с офицером флота ирландцем Джорджем Кэмоком ¹⁴ превратить Бермудские острова в главную базу для нападений на английскую торговлю, осталось неизвестным, однако деятельность губернатора заставляет полагать, что это вряд ли было простым совпадением.

Еще одна пиратская группировка нашла пристанище в Багамском архипелаге возле острова Кэт. Капитан Мэтью Мьюссон, заброшенный на этот остров штормом, доносил в своем отчете от 5 июля 1717 г., направленном в лондонский Совет торговли и плантаций, что ему довелось беседовать с несколькими местными жителями. Они рассказали капитану о пяти пиратах, которых неоднократно встречали в местной гавани, и называли имена участников этих «свиданий»: Хорниголд, Дженнингс, Берджесс, Уайт и Тич с 6-пушечным шлюпом и 70 людьми ¹⁵.

Войну с пиратами военно-морские державы вели с разным успехом. Англия взялась за дело достаточно решительно. 5 сентября 1717 г. король Георг I издал прокламацию «О пресечении пиратства», в которой объявил амнистию всем морским разбойникам, которые сдадутся властям в течение года. Прощение, впрочем, давалось избирательно и предоставлялось за преступления, совершенные до 5 января 1718 года. Начиная с 6 сентября 1718 г. пиратов следовало захватывать в плен и отдавать под суд. За каждого захваченного командира пиратского судна объявлялась награда в 100 фунтов, за его помощника, штурмана, боцмана и плотника выплачивали по 40 фунтов, за рядового бандита — 20 фунтов. Члены пиратской банды, сдавшие правосудию своего главаря или сообщившие о его местонахождении, получали вознаграждение в размере 200 фунтов.

Кампания по амнистии постепенно начала приносить результаты. В январе 1718 г. власти Нью-Йорка получили прокламацию о преследовании пиратов, и в феврале на Нью-Провиденс со специальной миссией вести переговоры с главарями пиратских шаек отправился командир фрегата «Феникс» капитан Винсент Пирс. Он провёл на Багамских островах три недели и получил согласие 209 человек прекратить разбойные действия на море¹⁶. Среди них были Хорниголд, Эсуорт и Дженнингс. Тич же решил повременить со сдачей властям. Он взял на себя командование захваченным «призом», переименовал его в «Куин Эннс Ривендж» («Мсть королевы Анны») в память о «прекрасной поре» разбоя во времена ее царствования, и, оснастив новыми пушками, отправился за добычей.

Это были только первые шаги, постепенно дополнявшиеся решительными мерами, которые в комплексе должны были обеспечить успех: снятием с постов скомпрометировавших себя связями с пиратами коррумпированных чиновников, установлением контроля над потоками контрабанды и скупщиками награбленного и направлением в Карибское море и к североамериканскому побережью военных кораблей.

На одном из них, 30-пушечном «Делишиа», в район объявленных «военных действий» 26 июля 1718 г. прибыл новый губернатор Багамских островов Вудс Роджерс, в недавнем прошлом известный приватир, совершивший в 1708—1711 гг. кругосветное плавание. С небольшим отрядом судов (фрегаты «Милфорд» и «Роус» и два шлюпа «Бак» и «Шарк») он блокировал вход в гавань Нью-Провиденса и начал выдавать свидетельства об амнистии. Под угрозой артиллерии никто из пиратов не оказывал сопротивления.

Исключением стала команда Чарльза Вэйна. Пират решил прорваться из мелководной гавани в открытое море. Он поджег захваченный ранее французский приз, а затем, подняв над своим шлюпом флаг с мертвой головой и перекрещенными костями, открыл огонь по губернаторскому кораблю и вырвался из блокированной гавани¹⁷.

Одновременно перед командирами находившихся в американских водах и специально направленных туда кораблей (40-пушечный «Эдвенчер», 40-пушечный «Даймонд», 40-пушечный «Перл», 30-пушечный «Скарборо», 30-пушечный «Феникс», 20-пушечный «Лайм», 6-пушечный «Сифорд» и шлюп «Свифт») была поставлена задача патрулирования «горячих точек», перехват пиратских судов и обеспе-

чение безопасности торговли. Многие пираты приняли амнистию. Одним из них стал Тич Черная Борода, который явился к губернатору Северной Каролины Чарльзу Идену и получил прощение¹⁸. Правда, его поведение наводило на подозрения: в рапорте лордам Адмиралтейства от 5 сентября 1718 г. капитан Пирс докладывал о том, что Тич был вынужден пойти на этот шаг, так как потерял свой корабль. Амнистия пришлась как нельзя вовремя, так как в погоню за Тичем уже был направлен его недавний компаньон Хорниголд, который еще зимой 1718 г. получил амнистию на Ямайке и стал «охотником» за пиратами. Потерпев неудачу при захвате Вэйна, он вскоре сумел реабилитироваться и в декабре 1718 г., захватил незадолго до того амнистированных Финеаса Банса, Денниса Маккарти и Джона Оджера¹⁹. Эти бывшие пираты решили тряхнуть стариной и, подняв бунт на своем судне, захватили корабль и всех недовольных во главе с командиром вышвырнули раздетыми на необитаемом острове в зоне Багамских островов. Однако далеко уходить они не собирались и крейсировали поблизости, время от времени наведываясь к «осужденным», избивая и всячески издеваясь над ними²⁰. Захваченные Хорниголдом пираты устроили во время казни в декабре 1718 г. самое настоящее представление²¹. Ирландец Маккарти взошел на эшафот таким удалцем, представ перед собравшейся толпой облаченным во взятое в бою трофейное платье. Надев чистое белье, Маккарти «подвесил на шею, запястья, колени и шляпу длинные синие ленты». Поклявшись «встать на якорь в аду» босым, браваый ирландец стащил ботинки и сунул голову в петлю. Стоявший рядом с Маккарти его коллега по несчастью, «закаленный боец» Уильям Льюис, не уступил в шегольстве — он был «разукрашен» красными лентами²².

В результате решительных действий британских властей уже в первые месяцы после окончания действия амнистии было покончено с группировками Тича Черной Бороды, Стида Боннета и Ричарда Уорли²³. Особняком выглядел «пират-джентльмен» майор Сид Боннет, известный под именами Эдвардса и Капитана Томаса, или Фомки, как его называл русский переводчик Ф.В. Каржавин²⁴. Состоятельный уроженец острова Барбадос Боннет бросил мирные занятия якобы по причине «помутнения рассудка» из-за несносного характера своей сварливой супруги и отправился в море искать удачу. Современные исследования дополнили описание Капитана Джонсона новыми деталями. Будущий пират родился в 1688 г. в Бриджтауне на Барбадосе и был крещен 29 июля²⁵. Его дед, Томас Боннет, прибыл на остров в числе первых переселенцев, поселился в Бриджтауне и быстро разбогател: в 1676 г. он владел большим домом на Хай-стрит, центральной улице города, и 400 акрами земли к юго-востоку от Бриджтауна. Своему младшему сыну Эдварду (06.1657—06.1694), женатому на Сарре Боннет, он оставил весьма значительное состояние²⁶. Над их сыном Сидом, потерявшим в семь лет сначала отца, а затем и мать, было установлено опекуновство. Став совершеннолетним, Сид Боннет унаследовал фамильные владения и 21 ноября 1709 г. женился на Мэри Элламби (1690 — июнь 1750)²⁷, старшей дочери крупного плантатора и почтенного члена Барбадосского Совета правления капитана Уильяма Элламби (1660—12.1714)²⁸ и его жены Сусанны. У них родилось трое сыновей — Элламби (1710—1715), Эдвард

(24.09.1713—08.1751), Сид (16.09.1714—?) и дочь Мэри (1716—?)²⁹. В период войны за Испанское наследство Сид Боннет служил в милицейских подразделениях Барбадоса, имел чин майора и проживал в южной фешенебельной части города в доме «над мостом» с видом на гавань.

Неясны причины, которые подтолкнули почтенного плантатора заняться пиратством. Вполне допустимо предположение, что его пиратская деятельность была связана с якобитским движением, а сам Боннет был противником недавно пришедшей к власти Ганноверской династии. Эту точку зрения высказал Х. Рэнкин, увидевший в переименовании Боннетом своего корабля «Ривендж» в «Ройял Джеймс» политическую манифестацию и напоминание пиратом о преданности Якову III Стюарту³⁰. В подтверждение этого мнения можно привести показания на судебном процессе Боннета одного из его пленников, торговца Джеймса Киллинга. Он засвидетельствовал, что Боннет и его люди поднимали на борту своего корабля тост за здоровье «Старого Претендента», принца Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, и высказывали надежду «увидеть его королем английской нации»³¹. Подобное поведение вполне укладывается в логику протестного поведения якобитов, которые, по мнению Пола Монода, сформировали специфическую субкультуру, характерными элементами которой как раз и выступали тосты в честь Стюартов и исполнение якобитских песен³². Пиратствовал Боннет около года: с осени 1717 до октября 1718 г., и был захвачен полковником милиции Чарльстоном и торговцем Уильямом Ретом, в 1706 г. успешно командовавшим английскими войсками во время нападения на город франко-испанских войск под командованием Жака Лефевра. Посажённый в тюрьму, Боннет сумел бежать и скрывался на островке Салливен вблизи побережья, где и был вновь схвачен. Решением суда Боннет был приговорен к смертной казни и с 29 членами своей команды повешен в ноябре 1718 г. в Уайт-Пойнте под Чарлстоном (Южная Каролина).

У Франции успехи были менее очевидны. С апреля 1715 по июнь 1717 г. пираты захватили и ограбили более 20 французских торговых судов. В конце 1717 г. они взяли еще 7 кораблей, что вызвало гневную реакцию пострадавших нантских, ла-рошельских и бордоских торговцев. Одни только сводки о бесчинствах некоего Шемино достаточно ярко демонстрируют бессилие властей. Со своим 6-пушечным кораблем Шемино учинил настоящий террор на французских Антиллах. В июле 1721 г. он захватил и сжег судно из Леогана, принадлежавшее Лакосту, торговцу мясом и вином. Затем остановил и ограбил судно «Сен-Никола» из Бордо. В сентябре он взял еще один корабль, шедший из Франции, потом пустил на дно судно с Ле-Сента, направлявшееся с пассажирами на Сен-Пьер. В октябре в его руки попало еще одно торговое судно, а в ноябре он захватил почтовый корабль, направлявшийся на Гваделупу. Из прочитанных донесений он узнал немало интересного о состоянии дел во Франции, и, разумеется, не оставил без внимания информацию, непосредственно касавшуюся Вест-Индии³³.

Подобная деятельность вызывала самую настоящую панику. Торговые палаты отказывались страховать суда, идущие в Вест-Индию, а колониальные власти жаловались на саботаж жителей Антильских

островов, занимавшихся укрывательством пиратов и получавших огромные доходы от контрабандной торговли с ними. В одном из рапортов губернатор Французских Подветренных островов Франсуа де Па де Мазенкур, маркиз де Фекьер, жаловался на жителей острова Сан-Висенти, которые «сами способствуют привлечению форбанов, предоставляя им свежие продукты». Во время одного из рейдов по островам Доминика и Сен-Люси у колонистов было обнаружено несколько печей для выпекания хлеба, 60 бочонков говядины и большие запасы муки.

Французские власти попытались было пойти по стопам англичан и в 1716, 1718, 1719 и 1723 гг. амнистировали пиратов, регулярно продлевая сроки амнистии. Объявленные Парижем кампании сопровождались также и соответствующими амнистиями местного значения, которые проводили губернаторы французских островных владений. Все эти меры, однако, не приносили плодов. С одной стороны, пираты чувствовали поддержку местных жителей и весьма успешно поддерживали свой «теневой» бизнес, вмешательство в который могло закончиться для администрации немалыми проблемами. С другой стороны, неудачи антипиратской кампании объяснялись и общим ослаблением французского флота, неспособного обеспечить безопасную торговлю. В марте 1720 г. регент королевства герцог Филипп Орлеанский распорядился отправить в Карибское море два фрегата для крейсерства у побережий Гренады, Гваделупы и Мартиники. До Вест-Индии они, впрочем, добрались в плачевном состоянии: «Тритон» во время бури потерял мачты и лишился рангоута с такелажем, а старая потрепанная «Фортюна» была признана непригодной для крейсерства.

Местные власти, тем не менее, всеми силами пытались склонить пиратов к принятию амнистии. Некоторые проявляли невероятное усердие: печатали манифесты, вывешивали их в церквях, раздавали на рынках и даже передавали судовладельцам и командирам судов, чтобы те могли информировать об амнистии встретившихся форбанов. Особенно инициативным оказался губернатор Сан-Доминго Жозеф-Шарль Жозеф де Лабастид, шевалье де Шатоморан, который в 1719 г. приказал своим людям запечатать тексты манифеста об амнистии в бутылки и разослать их в гавани, где пираты пополняли запасы пресной воды ³⁴.

Подобная заинтересованность властей в скорейших результатах амнистии объяснялась не одной лишь заботой о безопасности колоний. Дело в том, что запросившие прощение пираты приносили в казну немалые средства. Война позволяла флибустьерам регулярно возвращаться к своему «ремеслу» добытчиков, и пока войны эти велись активно, маргинальное сообщество не упускало случая подзаработать законным путем. Для них мертвая пора наступала во время мирных передышек, когда пребывавшая в вечном брожении бандитская масса искала, куда бы направить свою энергию. Сидя на потаенных якорных стоянках, они поджидали благоприятного случая, чтобы начать действовать. Губернатор Сан-Доминго Жозеф д'Онон де Галифе в рапорте морскому министру от 20 ноября 1700 г. рассказывал об одном эпизоде, случившемся в его владениях: «Когда один высадившийся здесь форбан попросил у меня охранное свидетельство, я ему его предоставил согласно указу о королевской амнистии... Прожив восемь месяцев у семба (острова Сан-Блас в Панаме. — Д.К.), он меня заверил, что с

ним высадились более восьмидесяти спутников, которые туда привезли около сорока негров и имеют от 3000 до 6000 фунтов серебром каждый, и все они ожидают амнистии, чтобы поселиться в этом городе. Мне кажется, это хороший повод побудить этих французов остаться в тех краях, если мы сочтем, что последствия сего могут быть приемлемыми и желательными. В противном же случае уверить их в королевском прощении и привлечь их сюда с их неграми и добычей»³⁵.

Общее мнение выразил генерал-губернатор Сан-Доминго маркиз Леон Дюэль де Сорель: «Из всех форбанов, которые попросили милости, наименее богатые имели при себе до 5 тыс. фунтов в пиастрах, что позволяет нам предположить, что они могли завести на остров сумму до 100 тыс. пиастров, которая там бы осталась и пошла бы на благо колонии»³⁶. Весной 1715 г., например, группа форбанов под руководством некоего ирландца явилась на Мартинику и запросила амнистию. Их предложение встретило самый доброжелательный отклик со стороны губернатора: среди головорезов было 100 французов и 90 англичан, а денег насчитывалось более 1 млн, и «это склонило нас на сторону амнистии». В мае 1719 г. на Мартинику пришел сдаваться экипаж корабля «Постийон» во главе с капитаном Жюльеном Гинарде и квартирмейстером Жаном-Батистом Дюмильоном. Всего набралось 39 человек, среди которых были и белые и чернокожие. По дороге, правда, десять человек, напившись, разругались с остальными и вернулись к прежним занятиям. Оставшиеся пираты договорились с губернатором Французских Подветренных островов маркизом де Фекьером: треть их общей добычи отходила в казну, а захваченные пиратами вещи должны были вернуться к прежним владельцам в случае, если будут востребованы в течение года и одного дня. Пираты были очень довольны: «Испытав истинное раскаяние за наши преступления и греховные преступные дела с намерением жить отныне как добропорядочные верноподданные, мы прибыли на этот остров, чтобы воспользоваться амнистией и добрым и мудрым правлением шеваляе де Фекьера, — заявили пираты в своем обращении к губернатору от 10 мая 1719 г., — к ногам которого мы осмеливаемся припасть. Умоляем вас, в знак нашей решимости принять наш корабль “Постийон” в его теперешнем состоянии и соблаговолите предоставить всем нам паспорта или разрешение поселиться на островах его величества». В 1722 г. сдался упоминавшийся ранее Шемино. Маркиз де Фекьер в очередной раз вздохнул с облегчением и отправил в Париж рапорт, в котором признался: «С божьего благоволения теперь многими ворами станет меньше»³⁷.

Постепенно власти взяли ситуацию под контроль. Осенью 1721 г. вошел в действие королевский ордонанс, предписывавший всем французам, обосновавшимся на Доминике, Сен-Люси и Сан-Висенти и не получившим на это официального разрешения, покинуть их в течение трех месяцев. Всякое потворство пиратам строго наказывалось, а к нарушителям указа применялись суровые меры наказания, вплоть до смертной казни.

Британским и французским властям потребовалось около десяти лет, чтобы «единым фронтом» справиться с эскалацией бандитизма. За период с 1716 по 1726 гг., когда велась решительная борьба с пиратством, на виселицы попало более шестисот морских разбойников³⁸.

Дэвид Кордингли, обработав статистические данные о приведении в исполнение смертных приговоров за пиратство в 1704—1726 гг., подсчитал, что 69 % пришлось на период 1719—1726 годы ³⁹. В 1718 г. в Вильямсберге (Вирджиния) и Уайнт-Пойнте под Чарльстоном (Южная Каролина) повесили более пятидесяти пиратов из команд Тича Черной Бороды, Стида Боннета и Ричарда Уорли. В декабре того же года на Нью-Провиденсе казнили Денниса Маккарти и еще семерых пиратов. Не простаивали виселицы в Порт-Ройяле и Кингстоне на Ямайке: 18 ноября 1720 г. здесь повесили Джона Рэкема, спустя четыре месяца — несколько человек из его экипажа и отсидевшего уже более года в тюрьме Чарльза Вэйна, а в мае 1722 г. на эшафот взошел 41 пират из экипажа Мэтью Люка. В том же году в Кейп-Коусте (Западная Африка) повесили 52 пирата из экипажей Бартоломью Робертса. В июле 1723 г. в Ньюпортской гавани на Род-Айленде казнили 26 человек из команды Чарльза Харриса, а в октябре на Сент-Китсе — 11 человек Джорджа Лоутера. Спустя год в Бостоне повесили Уильяма Филлипса, Джона Роуза Арчера и Уильяма Уайта. В 1725—1726 гг. на эшафот взошли последние заметные северо-американские пираты: Уильям Флай со своими тремя поделыми был казнен в Бостоне (12.07.1726), а 10 человек из команды Джона Гоу «отправились в последнее плавание» в Лондоне ⁴⁰. Спустя четыре года, в 1730 г., казнью француза Ла Буша на острове Бурбон в Индийском океане «золотая эпоха» пиратства подошла к концу.

Вольное сообщество, сыграв свою роль в борьбе за передел испанской Вест-Индии, стало теперь лишним «игроком» — оно окончательно утратило черты «союзника» европейских военно-морских держав, стремившихся к геополитическому переделу мира, и превратилось в преследуемое криминально-уголовное сообщество. Вытесняемые из Карибского моря и Атлантики пиратские группировки начали смещаться к западному побережью Африки, в район Красного моря, и концентрировались вокруг укромных баз в районе острова Мадагаскар, и, в первую очередь, на острове Сент-Мэри. В 1710-е гг. в Индийском океане складывалась обстановка, в некотором роде повторявшая геополитическую картину в Новом Свете на рубеже XVI в., только место Франции, Англии и Нидерландов, начавших борьбу за передел испанских владений, заняли Швеция, Дания, Османская империя и Россия, не имевшие здесь твердых позиций ⁴¹. Теснимые же со всех сторон и осевшие на Мадагаскаре пираты по примеру своих предшественников в Вест-Индии стремились «легализовать» свою деятельность и принять подданство одной из этих держав, тем самым став потенциальными «союзниками» новых державных игроков в Индийском океане.

Примечания

Статья написана при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ). Грант № 14-01-00079.

1. ÉLISABETH L. Geopolitique de la mer des Antilles. — Dix-Huitième Siècle. 2001, № 33, p. 144.
2. Мир в Бреде 1667 г. позволил голландцам приобрести Суринам на северо-востоке Южной Америки, а в качестве возмещения англичане получили Новый Амстердам (соврем. Нью-Йорк).

3. См. его письмо от 18 июня 1716 г. губернатору Ямайки лорду Арчибальду Гамильтону: *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660—1738. Vol. XXIX. London. 1930, № 308.*
4. LABAT J.-B. de. *Nouveau voyage aux Isles de l'Amérique. T. II. La Haye. 1724, p. 230.*
5. *Ibidem.*
6. MOREAU J.-P. *Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris. 2006, p. 196—198.*
7. *Archives Nationales. Colonies. C 8. A 13. F 147.*
8. SPOTSWOOD A. *The official letters of Alexander Spotswood, lieutenant-governor of the colony of Virginia, 1710—1722, now first printed from the manuscript in the collections of the Virginia Historical Society: Vol. II. Richmond. 1882, p. 169—170.*
9. *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. Vol. XXVIII. London. 1928, № 276.*
10. *Ibid., vol. XXIX, № 240.*
11. *Ibid., № 158 i, 308 i.*
12. *Articles exhibited against lord Archibald Hamilton, late governour of Jamaica: with sundry depositions and proofs relating to the same. London. 1717.*
13. *Calendar of state papers. Colonial series, vol. XXIX, № 158 xi.*
14. Кэмок перешел в чине контр-адмирала на службу в Испанский флот, а в начале 1720-х гг. вел переговоры о переходе на русскую службу. См.: WILLS R. *The Jacobites and Russia, 1715—1750. East Linton. 2002, p. 75.*
15. *Calendar of state papers. Colonial series, vol. XXIX, p. 304.*
16. *Ibid., № 474.*
17. ДЖОНСОН Ч., капитан. *История знаменитых морских разбойников XVIII века. М. 2009, с. 47.*
18. LEE R.E. *Blackbeard the pirate: a reappraisal of his life and times. Winston-Salem. 1974, p. 186.*
19. В дальнейшем Хорниголд принял участие в англо-франко-испанской войне у побережья Новой Испании. По сведениям Капитана Чарльза Джонсона, его корабль в конце 1719 г. попал в ураган и разбился на рифах.
20. JOHNSON CH., captain (DEFOE D.) *A general history of the robberies and murders of the most notorious pirates. Columbia. 1972, p. 641.*
21. Его описание см.: *Ibid, p. 642—659.*
22. *Ibid., p. 658—659.*
23. SPOTSWOOD A. *Op. cit., vol. II, p. 273—274.*
24. *Институт русской литературы (ИРЛИ РАН), ф. 93, оп. 2, д. 102, л. 47.*
25. *Barbados Records: Baptisms, 1637—1800. Baltimore-Maryland. 1984, p. 277; DOWNEY C.B. Stede Bonnet: Charlestone's gentleman pirate. Charlestone. 2012.*
26. BUTLER L. *Pirates, privateers and rebel raiders of the Carolina coast. Chapel Hill-North Carolina. 2000, p. 54.*
27. *Barbados Records: Marriages. Vol. I. Houston-Texas. 1982, p. 114; Ibid.: Wills and Administrations. Vol. III. Houston-Texas. 1981, p. 2—3.*
28. *Calendar of state papers. Colonial series, vol. XIII. Протокол заседания Совета от 10 мая 1692 г.; vol. XX. Протокол заседания Совета от 30.06 1702 г.*
29. *Barbados Records: Baptisms..., p. 330.*
30. RANKIN H.F. *The pirates of colonial North Carolina. Raleigh: State Department of Cultural Resources. 1976, p. 5.*
31. *The tryals of major Stede Bonnet, and other pirates. London. 1719, p. 13.*
32. MONOD P.K. *Jacobitism and the English people, 1688—1788. Cambridge. 1989, p. 7—8.*
Схожие тосты провозглашали и на других пиратских судах, в частности, на корабле Эдварда Лоу. Впрочем, следует быть осторожными в выводах, так как мотивации у пиратов могли быть самыми разнообразными. Капитан Ричард Хоукинс, например, оказавшийся пленником у Сприггса, утверждал, что никогда не слышал иных здравниц, кроме как в честь короля Георга. Оказавшись на их корабле в момент, когда пираты получили ложное известие о смерти Георга I, он стал свидетелем следующей церемонии: на мачте в знак траура был приспущен «Веселый Роджер», и пираты по ошибке «вознесли хвалу» его

- королевскому высочеству Георгу II, надеясь, как полагал Хоукинс, на грядущую амнистию.
33. MOREAU J.-P. *Op. cit.*, p. 212—213.
 34. Archives Nationales. Colonies. C 9. A. 16. F. 45.
 35. *Ibid.* C 9. A 5. F. 155.
 36. *Ibid.* C 9. A. 20.
 37. *Ibid.* C 8. A. 20. F. 217; A. 26. F. 72; A. 31. F. 1.
 38. BLACK C.V. *Pirates of the West Indies*. Cambridge. 1989, p. 24—25.
 39. CORDINGLY D. *Op. cit.*, p. 237.
 40. По данным «Ньюгетского календаря» Гоу был повешен 11 августа 1729 года. http://www.pascalbonenfant.com/18c/newgatecalendar/john_gow.html. Фигура Гоу, выходца с Оркнейских островов, привлекла внимание Вальтера Скотта, который, работая над романом «Пират», использовал не только книгу Капитана Джонсона, но и расспрашивал о нем оркнейского шерифа Александра Петеркайна и историка Малколма Лэнга, дед которого участвовал в поимке Гоу. О Гоу подробнее см.: WATSON G. The short career of pirate Gow. <http://www.orkneyjar.com/history/historicalfigures/pirategow/index.html>.
 41. DESCHAMPS H.J. *Les pirates a Madagascar aux XVI-e et XVIII-e siecles*. Paris. 1972.

Исследователь истории Российской империи Б.Э. Нольде

И.В. Кучумов, Л.Ф. Сахибгареева

Россия является самой большой и самой долговечной империей в истории. Территория, подчиненная Москве, продолжала расширяться даже тогда, когда распались другие европейские империи¹. Вряд ли можно согласиться с тезисом, что «когда упадок и разрушение империи стали свершившимся фактом, и она перестала существовать, ее история вызывает намного меньший интерес»². Вероятно, в ближайшее время можно ожидать усиления интереса к научному наследию основоположников изучения истории России как империи — С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, М.К. Любавского, их коллег и учеников. Однако их имена и труды давно известны и прочно вошли в отечественную историографию, в золотой фонд русской культуры. Мы же хотим рассказать о практически неизвестном у нас историке Российской империи, освоение научного наследия которого еще предстоит. Им был создан фундаментальный и оригинальный по замыслу и воплощению труд по истории России, который лишь несколько месяцев назад стал доступен российскому читателю.

В ночь на 28 мая 1948 г. во время посещения Лозанны скоропостижно скончался последний «из плеяды выдающихся русских государствоведов досоветского периода русской истории»³, видный дипломат, политик и историк, президент Института Международного права барон Борис Эммануилович Нольде. Написанная им на французском языке фундаментальная история формирования многонациональной Российской империи⁴ — одно из самых заметных достижений всей русской эмигрантской историографии — «к сожалению, не была завершена, однако не потеряла своей ценности как основанное

Кучумов Игорь Вильсович — кандидат исторических наук, докторант Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; *Сахибгареева Лилия Фанилевна* — кандидат филологических наук, доцент Башкирского института физической культуры (филиал) ФГОУ ВПО «Уральский государственный университет физической культуры».

на добротной источниковой базе описание ранних фаз российской экспансии»⁵.

Б.Э. Нольде родился 14 декабря 1876 г. в Санкт-Петербурге в семье крупного сановника. Окончив юридический факультет Петербургского университета, он слушал курсы по международному праву в европейских университетах, затем работал в Министерстве иностранных дел, много преподавал, после Февральской революции ушел в политику, был членом Предпарламента, товарищем (заместителем) министра иностранных дел в первом составе Временного правительства, являлся видным деятелем партии кадетов, масоном. С 1907 по 1917 г. Нольде активно участвовал в разработке и реализации государственной политики России, а в 1919 г. был вынужден уехать во Францию, где деятельно работал во многих эмигрантских организациях, занимался научной и преподавательской работой. Видный русский юрист-эмигрант А.Н. Макаров отзывался о нем как о «высокоодаренной, многосторонне образованной... личности», европейце «в лучшем, благороднейшем смысле этого слова», крупном ученом, умном и эрудированном человеке, обладавшем «яркой, целеустремленной и благородной натурой»⁶.

Нольде «пришел» в историческую науку нетрадиционным путем. Он не был учеником ведущих русских историков того времени (его учителем являлся выдающийся петербургский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс), не писал диссертацию на историческую тематику, а практически всю свою жизнь занимался юриспруденцией, добившись в этой области выдающихся результатов. Но, будучи человеком широкого кругозора, Нольде довольно рано обратил внимание на историю формирования огромной Российской империи. Изданные им еще до революции «Очерки русского государственного права», точнее, их третья часть («Единство и нераздельность России»), были первыми шагами автора по пути реализации своего грандиозного замысла⁷. В этой ранней работе Нольде еще не историк — главы «Очерков...», посвященные Украине, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Царству Польскому и губерниям, от «Польши присоединенным», написаны юристом и рассматривают чисто правовые проблемы единства страны. Но свои выводы Нольде основывает на достаточно широком привлечении исторических источников, и в этой работе уже начинают просматриваться контуры будущей книги по истории Российской империи, во всяком случае, ее третья часть напоминает расширенный и коренным образом переработанный вариант третьей части «Очерков...».

За год до кончины Нольде писал М.В. Вишняку: «Я поглощен огромной, затеянной мною исторической работой, посвященной “имперскому” развитию России. Кроме строк историков о взятии Казани или Очакова, или Геок-Тепе, никто не занимался у нас этой имперской историей в целом. Двигается эта работа медленно, ибо все в ней исследование. Я одолел пока среднюю Волгу, Урал и Западную Сибирь, черноморские степи от Екатеринодара до Кишинева и сейчас поглощен Кавказом»⁸.

Ученый посвятил свою книгу начальному этапу происходившего на территории Евразии длительного и сложного процесса, который в итоге привел к формированию на ее значительной части многослож-

ной общности российского народа. К сожалению, труд Нольде обрывается на описании русской политики на Кавказе в начале XIX века. Нам сложно судить о том, какой в окончательном виде видел свою работу автор. В сохранившемся варианте она состоит из четырех частей, которые в свою очередь подразделяются на 17 глав и 66 параграфов.

В литературе высказывалось мнение, что Нольде был близок к евразийцам⁹. Однако этот вывод явно ошибочен¹⁰. Если сравнить его книгу (как концентрированное выражение его взглядов на историю России) с основополагающими историческими сочинениями евразийцев, то различия в их подходах обнаруживаются сразу. У Нольде совершенно иная периодизация расширения территории страны, он не пользуется специфической терминологией адептов этой доктрины («месторазвитие», «государство-континент», «государство-материк», «романо-германское иго» и т. д.) и их географическими и цивилизационными детерминантами («туранский фактор»). Даже в 1969 г., когда евразийство как философско-политическое движение уже ушло в прошлое, один из его лидеров, Г.В. Вернадский, продолжал утверждать: «...события 1550-х гг. оказались главным поворотным пунктом в русско-татарских отношениях. Они заложили основание Русской евразийской империи. На новой фазе политического объединения Евразии московские цари выступили в роли наследников Чингисхана, только монголы в свое время начали свое нашествие на Русь с востока и двигались на запад, русская же экспансия шла в противоположном направлении, с запада на восток. С геополитической точки зрения русское царство базировалось на восстановлении политического единства территории Монгольской империи. Только на этот раз центром объединения была Москва, а не Каракорум»¹¹. Подобных заявлений в «Истории формирования Российской империи» нет: Нольде в отличие от евразийцев не считал Российское государство преемником империи Чингисхана, а сходство его книги с историческими конструктами евразийцев чисто внешнее и обусловлено простым совпадением ее тематики, хронологических и географических рамок с соответствующими размышлениями адептов этого учения.

Следует заметить, что искать прямой ответ на вопрос о методологических установках «Истории формирования Российской империи» практически бессмысленно — какие-либо теоретические выводы в ней практически отсутствуют. Сейчас трудно сказать, чем это вызвано, — может быть, автор намеревался вернуться к этому после изложения всей совокупности фактов, а может, вообще не планировал пускаться в отвлеченные размышления. Последнее предположение, видимо, ближе к истине: в одной дореволюционной энциклопедии говорится, что Нольде — «строгий позитивист, относящийся отрицательно к априоризму теоретических построений»¹². В то же время, ученый избегал крайностей получившего тогда распространение эмпириокритицизма (как одной из разновидностей позитивизма), проявлял определенный интерес к социально-экономической проблематике — тенденция, которая стала заметно проявляться в русской историографии в начале XX века. А вот исторические теории, существовавшие в мировой науке в то время, когда ученый работал над книгой, на него практически никак не повлияли: судя по всему, он до конца жизни оставался приверженцем традиций русской доре-

волюционной исторической науки, хотя формально к цеху историков не принадлежал. Судя по всему, он разделял принципы выдающегося немецкого историка-позитивиста Л. фон Ранке (немецкая историческая наука была самой передовой в Европе рубежа XIX—XX вв.), который, призывал писать историю такой, какой она «была на самом деле». Автор «Истории формирования Российской империи» подобно фон Ранке широко привлекал документы, возникшие в одно время с описанными в них событиями. Ранкеанцы полагали, что эти источники писались не для будущих ученых, а отражали мысли их создателей, и если такого рода письменные свидетельства должным образом верифицировать, то они прояснят подлинную картину событий. Но поскольку позитивисты опирались преимущественно на архивные документы, то в их сочинениях доминировали сюжеты в основном политической и дипломатической истории. Вот почему в версии ранней истории формирования Российской империи, предложенной автором книги, этим вопросам уделяется столь большое внимание.

Как и многие русские эмигранты, Нольде не имел доступа к российским архивам. Но он не питал склонности к архивной работе и раньше — как юристу, обращавшемуся к истории лишь по необходимости, ему вполне было достаточно опубликованных материалов, о чем свидетельствуют, например, его «Очерки русского государственного права». Впрочем, и историки не торопились признавать Нольде полноправным членом своего профессионального сообщества, видя в нем скорее правоведа, изредка обращавшегося, когда возникала необходимость, к истории (тем более что при жизни автора «История формирования Российской империи» не публиковалась)¹³. Однако ученый скрупулезно проработал значительный объем источников, опубликованных в «Сборниках» Императорского русского исторического общества, «Актах, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук», «Актах исторических, собранных и изданных Археографической Комиссией» и «Дополнениях» к ним. Тщательнейшим образом автором были проштудированы «Полное собрание русских летописей» и «Полное собрание законов Российской империи», а также «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» и «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете», «Древняя Российская Вивлиофика», «Письма и бумаги императора Петра Великого», записки путешественников XVIII в. и многое другое. Значительную часть этих публикаций отечественные историки до сих пор недостаточно используют в своих работах, возможно, ввиду слабого знания совокупности дореволюционных изданий и отсутствия многих из них вне крупнейших библиотек страны. Свободно ориентируясь в этом огромном документальном и историографическом массиве, Нольде, продолжая традиции ведущих русских историков и источниковедов XIX в., искусно извлекал из него по крупицам уникальную информацию, на основе которой затем выстраивал сложную конструкцию своего видения процесса русской колонизации Евразии. Разумеется, успеху подобного подхода способствовала огромная эрудиция ученого¹⁴.

Позитивистская направленность не предусматривала широких обобщений, она требовала от ученого максимально точного описания исторических фактов («Факты прошлого — конечная цель исследования»¹⁵). Обильное цитирование Нольде источников и фактическое отсутствие в книге (в том виде, в котором ее рукопись дошла до нас) широких обобщений было характерной особенностью петербургской исторической школы рубежа XIX—XX вв. (К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Г. Васильевский, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков), не разделявшей тяги «москвичей» (С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, К.Д. Кавелина) к созданию исторических концепций. Например, Бестужев-Рюмин испытывал «недоверчивое отношение к теориям вообще» и предпочитал опираться на «предварительные работы над историческим материалом». «Воспроизведению прошлого, суду над ним и тем более определению общих законов развития должно предшествовать строгое и внимательное изучение источников», — отмечал он. «Для него конечный путь научной исторической работы [состоял] в связном и строго фактическом изложении хода исторической жизни на основании тщательного изучения источников и их разработки в специальной ученой литературе»¹⁶. У Бестужева-Рюмина изучение любого материала начиналось и зачастую заканчивалось исследованием источников для будущей истории того или иного периода¹⁷. По мнению Платонова, «состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни»¹⁸. Таким образом, петербургские историки концентрировались на фактическом материале, в то время как москвичам был свойственен более концептуальный взгляд на проблемы.

Одним из ключей к пониманию концепции Нольде может служить термин «*de la plus grande Russie*» (и его английский эквивалент *Greater Russia*), упомянутый во введении к «Истории формирования Российской империи». При публикации в 1949 г. фрагментов этой книги он был переведен анонимным переводчиком (видимо, не знавшим исторического контекста происхождения этого выражения) как «все более великая Россия»¹⁹. Однако ссылка Нольде на английского историка и эссеиста, исследователя территориальной экспансии Англии Дж. Сили позволяет понять, что имел в виду автор «Истории формирования Российской империи». В начале XX в. в России были популярны идеи представителей кембриджской «имперской школы» в британской историографии (Дж. Сили, Ч. Дильк, Х. Эгертон), которые ввели понятие «*Greater Britain*» — могучей Великой Британии как британской цивилизации, охватывавшей Америку, Австралию и Индию (в отличие от островной и имеющей чисто географический смысл *Great Britain* — Великобритания). Аналогичную идею «Великой России», родившуюся под впечатлением от выступления в Государственной Думе Столыпина, выдвинул Струве²⁰. Однако, если для

Струве понятие «Великая Россия» означало вслед за Столыпиным, в первую очередь, могущество державы, то Нольде, переосмысляя идеи Сили применительно к России, подразумевал под этим термином то, что условно можно назвать «Русским миром», пространством русской цивилизации, охватывавшим значительную часть территории Евразии ²¹.

Вероятно, представления, которые впитал в себя в начале XX в. Нольде, сохранялись у него всю жизнь. Идеи Сили и их интерпретация Струве легли в основу текста «Истории формирования Российской империи». Причем это влияние зачастую очень тщательно скрыто. Например, в своей программной работе «Великая Россия: из размышлений о проблеме русского могущества» Струве видел единственный путь для построения этой самой «Великой России» в том, чтобы «направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — *весь бассейн Черного моря*, то есть все европейские и азиатские страны, “выходящие” к Черному морю... Из такого господства само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всем так называемом Ближнем Востоке» ²². И как бы в ответ на этот призыв Нольде большое (может быть, даже чрезмерное) внимание уделяет именно черноморскому направлению российской экспансии.

Фундаментальный труд Нольде давно уже входит на Западе в список классических сочинений по истории России и только в нашей стране он почти неизвестен. Исследователь русской эмиграции М. Раев назвал «Историю формирования Российской империи» примером плодотворного и мастерского исследования, созданного эмигрантской историографией ²³. Труд Нольде отличается от аналогичных работ о Российской империи тем, что в нем, как в свое время верно заметил А.Н. Макаров, используется «необычный ракурс» подхода к истории ²⁴. По мнению крупного специалиста по истории Российской империи А. Каппелера, «полной истории России как многонационального государства до сих пор не существует — не написана она и на русском языке. Главной причиной этого является «оптическая узость» — видение истории страны только в рамках истории национального государства» ²⁵.

До революции, в советское время и даже за рубежом «история нерусских наций и сообществ Российской империи и СССР низводилась в ней (историографии. — *И.К., Л.С.*) до уровня сносок или заметок на полях Большого нарратива российской имперской консолидации, проводившейся самодержавием с целью выполнения возложенной им на себя еще со времен средневековья цивилизационной миссии» ²⁶. Пути преодоления этого недостатка были лишь недавно намечены американским историком М. фон Хагеном, и хотя его призыв больше обращен к западным ученым, во многом он будет полезен и его российским коллегам ²⁷. Однако задолго до этого попытка выйти из вышеуказанного методологического тупика была предпринята Нольде. Его труд, пусть и далеко не полностью избавившийся еще от подхода к евразийским нерусским обществам как к объекту имперского интереса, стал одним из первых шагов к их переоценке в качестве полноправных субъектов исторического процесса, результатом которого стало современное Российское государство.

Ближе всего по замыслу и воплощению к книге Нольде стоит лишь недавно ставший доступным труд академика АН СССР М.К. Любавского²⁸, но даже его издатели ни словом ни обмолвились о том, что одновременно с ним эту проблему в сходном ключе разрабатывал в эмиграции другой выдающийся русский ученый²⁹. А ведь современные восторженные характеристики «Обзора истории русской колонизации» вполне применимы и к «Истории формирования Российской империи». «До сих пор, — писал Любавский, предваряя свою работу, — в русской исторической литературе нет труда, который бы так или иначе сводил бы воедино все частные исследования по истории колонизации»³⁰. Можно сказать, что объем источников и литературы, накопленный русской наукой к началу XX в., позволил создание такого рода обобщающих работ, хотя, конечно, попытки Любавского и Нольде рассмотреть историю России через призму колонизации не были для русской историографии чем-то новым — достаточно вспомнить труды Соловьёва и Ключевского³¹. Но при всем сходстве «Обзора...» и «Истории формирования Российской империи» в плане фактического материала, рассматриваемых сюжетов и отдельных проблем между этими сочинениями имеются существенные различия.

Книга Любавского — это, по словам ее создателя, описание «главным образом внешней колонизации, создававшей русскую государственность»³². Главной действующей силой для автора является энергия народа, поэтому он основное внимание уделяет истории преимущественно стихийного заселения русскими евразийских пространств. Несколько иначе подошел к этой проблеме Нольде. Признавая вслед за Соловьёвым и Ключевским, что «для России... колонизация есть основная формула всей истории»³³, он однако полагал, что у нас единственной направляющей и творческой силой в ходе государственного строительства являлась правительственная власть, тогда как народ был лишь пассивным пластическим материалом в ее руках, и русское государство всегда строилось сверху, а не снизу³⁴. Тем самым Нольде продемонстрировал, что является продолжателем взглядов «государственной школы» в русской историографии, особенно видного русского юриста и историка Б.Н. Чичерина, наряду с Соловьёвым и К.Д. Кавелиным обосновывавшим решающую роль государства в русской истории.

Будучи всемирно известным юристом и обладая солидными знаниями в области историко-правового развития³⁵, Нольде часто оценивал исторические факты и события как правовед. По его мнению, процесс формирования Российской империи начался не с акта Сената 22 октября (2 ноября) 1721 г., а с возникновением в середине XVI в. многонационального российского государства³⁶. Следует заметить, что, излагая историю Русского государства XVI—XVII вв. как историю «империи», Нольде использовал концепт, который в отечественной общественной мысли эпохи феодализма еще не применялся³⁷. Империя для ученого — это во многом политическая категория, и если Любавский начинает свой «Обзор...» с эпохи палеолита, то Нольде — с подготовки к присоединению Казанского ханства, а именно — с захвата Москвой казанских земель, на которых был вскоре возведен Свияжск. Тогда территория Руси впервые, как полагает Нольде, вышла

за пределы русских этнографических границ. Хотя с этим тезисом можно и поспорить — как известно, задолго до этого восточные славяне поглотили земли финно-угров. Нольде, видимо, придавал особое значение тому, что устье Свияги было аннексировано у территориально-политического образования, обладавшего государственностью. Сегодня эту точку зрения разделяет отечественная и зарубежная историография³⁸.

Совсем иначе на эту проблему смотрит Любавский. Признавая, что «первым русским селением, возникшим в Казанском царстве, был город Свияжск, при впадении реки Свияги в Волгу в 20 верстах от Казани», и констатируя, что после этого «инородцы нагорной стороны Волги, чуваша и черемисы, «увидев, что город царя православного стал в их земле», явились к воеводам в Свияжск и били челом о подданстве, лишь бы только их не воевали», Любавский полагает, что строительство Свияжска было всего лишь подготовкой «операционного базиса» для окончательного завоевания Казани³⁹. Подходы обоих авторов различаются и по многим частным вопросам. Так, основание Уфы для Любавского было вызвано необходимостью подавить восстание башкир, ибо «московские воеводы оказались не в состоянии их усмирить. Поэтому правительство царя Федора, чтобы держать башкир в подчинении, построило в 80-х годах XVI столетия города Уфу и Бирск на реке Белой Воложке»⁴⁰. Нольде, в отличие от своего коллеги, связывал строительство Уфы с мерами властей по осуществлению русской экспансии в Сибирь и не придавал возведению этой крепости большого значения.

Исследуя процессы колонизации, Любавский в своем «Обзоре» делает краткие исторические экскурсы в дорусскую историю затрагиваемых ею народов, в чем можно увидеть как его стремление показать, в какие историко-культурные области попадали переселенцы, так и влияние уже советской историографии. Нольде, ставя на первое место имперское строительство, ограничивается простым указанием на языковую или этнокультурную принадлежность местного населения колонизируемой территории. В связи с этим у него, например, отсутствуют сведения о ранних походах русских (новгородцев) за Урал и в Сибирь, сообщаемые Любавским⁴¹: эти эпизодические акции имели отношение к колонизации, но не к строительству империи.

Нольде не останавливается подробно на географической характеристике и климате колонизируемых регионов, его почти не интересуют их речные системы, ландшафт, флора и фауна, особенности почвенного покрова и т.д., ведь это имело значение для адаптации переселенцев, но не для административной и социальной интеграции территорий в состав формирующейся многонациональной России. В отдельных случаях автор даже демонстрирует свою неосведомленность в истории регионов до прихода в них русских, которая, его, видимо, интересовала мало, ибо выходила за рамки заявленной им проблемы⁴². В какой-то мере это стало следствием того, что Нольде описывает историю Российской империи в категориях не столько регионального, сколько ситуационного подхода, когда «в центре внимания оказывается определенная структура этнокультурных, этноконфессиональных, межнациональных отношений или различные аспекты, например, экономического, административного воздействия»; такой

ракурс исследования империи в данном случае может быть весьма продуктивным, но пока еще не получил широкого применения в историографии⁴³.

Автор «Истории формирования Российской империи» показал, что статус инородческих окраин в составе России по большинству параметров не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами, а установленные налоговые повинности не имели каких-либо различий по признакам этнической принадлежности. Наоборот, налоговые льготы инонациональным сообществам, которым могло позавидовать русское население центрального региона⁴⁴, являлись важной мерой сохранения территориальной целостности России.

Конечно, историю Российской империи не стоит идеализировать⁴⁵, но уникальный и в целом позитивный опыт этого государства по управлению поликонфессиональным и поликультурным пространством имеет всемирно-историческое значение и заслуживает внимательного изучения⁴⁶. Поэтому книга выдающегося русского ученого Бориса Эммануиловича Нольде по истории Российской империи еще сможет послужить отечественной науке. Возможности для изучения и осмысления этого сочинения у отечественных специалистов появились в 2013 г., когда книга была переведена на русский язык⁴⁷.

Примечания

1. ЭТКИНД А. Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М. 2013, с. 12—13.
2. ТРЕНИН Д. Post-imperium: евразийская история. М. 2012, с. 36—37.
3. ВИШНЯК М.В. «Современные записки»: воспоминания редактора. Bloomington. 1957, с. 161.
4. NOLDE В. La formation de l'Empire russe: études, notes et documents. Т. 1—2. Paris. 1952—1953. На наш взгляд, название этой книги предпочтительно переводить на русский язык как «История формирования Российской империи», поскольку в ней идет речь не о каком-то одномоментном событии, а о длительном и непрерывном процессе присоединения к России все новых и новых территорий, изложение которого автор планировал довести до 1917 года.
5. КАППЕЛЕР А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. 2000, с. 13—14.
6. САДИКОВ О.Н. Из истории юридической науки в России: барон Б.Э. Нольде (1876—1948 гг.). — Государство и право. 2002, № 1, с. 90, 93.
7. НОЛЬДЕ Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб. 1911, с. 223—554.
8. ВИШНЯК М.В. Ук. соч., с. 152.
9. 28 августа 1928 г. в письме к П.П. Сувчинскому Н.С. Трубецкой заметил, что взгляды Нольде близки к евразийцам. ГЛЕБОВ С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М. 2010, с. 533.
10. Ср.: ГЛЕБОВ С. Ук. соч., с. 534.
11. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Московское царство. Ч. 1. Тверь-М. 1997, с. 10.
12. Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Пг. [1916], стб. 815.
13. Может быть, поэтому он не попал в историографический обзор Г.В. Вернадского. Русскийское издание см.: ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Русская историография. М. 1998.
14. «Он... поглощал огромное количество книг самого разнообразного содержания, — не только по своей профессии и специальности... Он изучал всю литературу предмета, о котором писал», — вспоминал М.В. Вишняк. См.: ВИШНЯК М.В. Ук. соч., с. 156, 158.
15. ЛАНГЛУА Ш., СЕНЬБОС Ш. Введение в изучение истории. М. 2004, с. 49.

16. ШАХАНОВ А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М. 2003, с. 269—270.
17. МИЛЮКОВ П.Н. Очерки истории исторической науки. М. 2002, с. 489—490.
18. Цит. по: ШАХАНОВ А.Н. Ук. соч., с. 277.
19. НОЛЬДЕ Б. Э. Имперские судьбы России. Возрождение. Тетр. 1. Париж. 1949, с. 18.
20. СТРУВЕ П.Б. *Patriotica: политика, культура, религия, социализм*. М. 1997, с. 50—63, 170, 234. (для Струве Россия была «Великая» в первую очередь в смысле могущества). Поскольку он использует перевод *Greater Britain* как «Великая Британия» или даже «Великая Англия», причем признавая это перевод удачным (Там же, с. 225—226), то русским аналогом термина «*de la plus grande Russie*» (*Greater Russia*) должно быть «Великая Россия». Будучи плохо знакомыми с этими нюансами, некоторые отечественные авторы ключевой для тогдашней английской историографии термин *Greater Britain* (DILKE G.H. *Greater Britain*. Vol. 1—2. London. 1868) иногда неверно переводили как «Более Великая Британия». См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М. 1963, с. 188.
21. В литературе уже отмечалось влияние Дж. Сили на формирование представлений Нольде о Российской империи: ГЕРАСИМОВ И., ГЛЕБОВ С., КУСБЕР Я., МОГИЛЬНЕР М., СЕМЕНОВ А. Новая имперская история и вызовы империи. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М. 2010, с. 401, 417.
22. СТРУВЕ П.Б. Ук. соч., с. 53—54.
23. РАЕВ М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции 1919—1939. М. 1994, с. 218.
24. САДИКОВ О.Н. Ук. соч., с. 92.
25. КАППЕЛЕР А. Россия — многонациональная империя, с. 13—14. См. также: ХАГЕН М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода. В кн.: Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология. М. 2005, с. 24—25; МИЛЛЕР А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М. 2006, с. 9—10, 19—20, 22—24.
26. ХАГЕН М. фон. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода. В кн.: Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. Казань. 2004, с. 135.
27. ЕГО ЖЕ. История России как история империи: перспективы федералистского подхода, с. 31—35.
28. ЛЮБАВСКИЙ М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М. 1996.
29. А.А. Преображенский, видимо, не зная о существовании книги Нольде, был уверен, что труд Любавского «не имеет аналогов в специальной литературе». — Вопросы истории. 1998, № 3, с. 164.
30. ЛЮБАВСКИЙ М.К. Ук. соч., с. 6, 59—60, 62, 73.
31. Можно указать еще на опыт П.Н. Милюкова, однако его очерк русской колонизации, также созданный в эмиграции и подобно работам Нольде и Любавского тоже опубликованный посмертно (в 1964 г.), долгое время оставался практически неизвестным на родине и к тому же был весьма краток. См.: МИЛЮКОВ П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М. 1993, с. 228—523.
32. ЛЮБАВСКИЙ М.К. Ук. соч., с. 74.
33. НОЛЬДЕ Б.Э. Вашингтонская конференция. Современные записки. Кн. VIII. Париж. 1921, с. 253.
34. NOLDE B. *Reflexions sur le developpement politique de la Russie*. — *Monde Slave*. 1927, fév.-mars. Критический разбор этой статьи см.: КИЗЕВЕТТЕР А.А. Общие построения русской истории в современной литературе. — *Современные записки*. Т. 37. Париж. 1928, с. 310—326. В этом отношении весьма характерно заявление, сделанное Нольде в письме к Вишняку 7 февраля 1929 г.: «Людьми нужно управлять и не всегда можно церемониться». Цит. по: HOLQUIST P. *The Dilemmas of an «Official with Progressive Views»: Baron Boris Nolde*. — *Kritika*. 2006, vol. 7, № 2, p. 243.

35. САДИКОВ О.Н. Ук. соч., с. 93.
36. Именно с присоединением к Руси Среднего Поволжья и Урала некоторые ученые связывают превращение Руси в многонациональное государство: KAPPELER A. Russlands erste Nationalitäten: das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln. 1982; КУЗЕЕВ Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М. 1992, с. 116.
37. ВУЛЬПИУС Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917): сб. ст. М. 2010, с. 15. Идеи Нольде о существовании Российской империи восходят к вышедшей в 1717 г. (еще до официального провозглашения нового статуса Русского государства) в Санкт-Петербурге книге П. Шафировова «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр первый царь и повелитель всероссийский и протчая, и протчая, и протчая: к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел». Там же, с. 18.
38. ХОСКИНГ Д. Россия: народ и империя. Смоленск. 2001, с. 16; СУНИ Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз. В кн.: Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. Казань. 2004, с. 177; ФИЛЮШКИН А. Проблема генезиса Российской империи. Там же. Как справедливо заметила Э. Каррер д'Анкокс, «в России титул императора возник долгое время спустя после появления империи» (КАРРЕР Д'АНКОКС Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М. 2007, с. 7; ЕЕ ЖЕ. Незавершенная Россия. М. 2010, с. 67—68), да и по-латыни русские цари давно уже именовали себя императорами (НОСКОВ В. В. Империи нового времени. Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике 22—25 апреля 1997 г.: империи нового времени: типология и эволюция (XV—XX вв.): краткое содержание докладов. СПб. 1999, с. 78). В новейшей работе М. Романьелло взятие Казани рассматривается как событие, с которого начался имперский период истории России. См.: ROMANIELLO M. The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552—1671. Madison (Wisc.). 2012. Д. Тренин предложил называть период русской истории XVI—XVII вв. традиционной (или первой) империей (в отличие от «классической» империи, возникшей при Петре I). См.: ТРЕНИН Д. Ук. соч., с. 44—48. И тем не менее, вопрос «Когда началось российская колонизация — при оккупации этнические чуждой Казани или этнически близкого Новгорода?» (ЭТКИНД А., УФФЕЛЬМАНН Д., КУКУЛИН И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением. Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. М. 2012, с. 10). Этот вопрос остается в историографии дискуссионным. А. Каппелер начинает историю Российской империи с периода собирания Москвой русских земель еще в ордынское время. См.: КАППЕЛЕР А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды. Российская империя в сравнительной перспективе. М. 2004, с. 98 и сл. Противоположностью этим концепциям является недавнее радикальное предложение американского историка Д. Ледонна относить начало этого процесса к XIX веку. ВУЛЬПИУС Р. Ук. соч., с. 16.
39. ЛЮБАВСКИЙ М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб. 2000, с. 166; ЕГО ЖЕ. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века, с. 264.
40. ЕГО ЖЕ. Историческая география России в связи с колонизацией, с. 167. Более подробное и опирающееся на существовавшую историографическую традицию (которую Нольде во многом проигнорировал, хотя, судя по библиографическим сноскам, знал) описание см.: ЛЮБАВСКИЙ М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века, с. 492—493.
41. ЕГО ЖЕ. Историческая география России в связи с колонизацией, с. 220—221; ЕГО ЖЕ. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века, с. 438—439.
42. Так, Нольде был уверен, что о «происхождении и дорусской истории [башкир] почти ничего неизвестно», в то время как наука тогда уже обладала определенными знаниями на этот счет, которые, кстати, были воспроизведены в использован-

ных им при написании соответствующего раздела работ. Почему он не воспользовался ими, не ясно. Ср.: ЛЮБАВСКИЙ М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века, с. 489—491. Следует заметить, что в отличие от Любавского, Нольде не углубляется в дорусский период истории тех или иных территорий, интеграцию которых в Российскую империю он описывает, поскольку для темы его книги это было бы избыточным. Если он и касается этого, то лишь несколькими фразами. Исключение составляет история Казанского ханства, но опять же автора интересует только канун его завоевания, поскольку без этого нельзя понять сам процесс вхождения этого государства в состав рождавшейся империи.

43. МИЛЛЕР А.И. Ук. соч., с. 28—30.

44. См. также: Российская империя от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории. М. 2011, с. 294—295.

45. Там же, с. 307.

46. Характерно, что в период нахождения в составе России общая численность населения Северной Азии выросла с 200 000—220 000 до 822 тыс. человек. См.: Российская империя от истоков до начала XIX века, с. 302; однако в Канаде и США ситуация с коренным населением была прямо противоположной. Там же, с. 310—311.

47. НОЛЬДЕ Б.Э. История формирования Российской империи. СПб. 2013.

«Октябрь» под следствием

О.И. Капчинский

Фильму Сергея Эйзенштейна «Октябрь» в отличие от «Броненосца Потемкина» повезло значительно меньше. Картина, чьи кадры с выступлением на броневике В.И. Ленина, штурмом Зимнего дворца, до сих пор нередко показываются в передачах о революционных событиях, не только не получила мирового признания, но и внутри страны вызвала неоднозначную реакцию и немало критики. Соответственно киноведы не посвящали ему книги и монографии, а статей опубликовали не так много, и в истории создания картины до сих пор остались белые пятна.

Еще в начале мая 1926 г. Коллегия Наркомпроса приняла постановление о создании фильма к 10-летию Октябрьской революции, а в следующем месяце Совнарком РСФСР отпустил на него долгосрочную ссуду и поручил его постановку Эйзенштейну¹. 26 марта 1927 г. для начала работ по созданию фильма «Октябрь» в Ленинград выехала киноэкспедиция в составе режиссеров С.М. Эйзенштейна и Г.В. Александрова, оператора Э.К. Тиссэ, членов съемочной группы М.И. Штрауха и М.С. Гоморова, администратора С.И. Сомова и уполномоченного Совкино Р.И. Рудина (Кульганека). Позже к ним присоединились и некоторые другие члены съемочной группы. По сообщению еженедельника «Кино», в Ленинграде коллектив предполагал пробыть 2,5 месяца². Однако экспедиция в Ленинграде пробыла дольше, а 7 ноября в Большом театре вместо фильма были показаны его фрагменты. Полностью «Октябрь» закончен был лишь в конце февраля 1928 г., а на большой экран вышел 14 марта.

Почти полугодовая задержка с выходом фильма и фактический срыв государственного и партийного заказа в разное время получали свое объяснение. В интервью, данном в середине декабря 1927 г. газете «Кино» Эйзенштейн ссылался на техническую бедность, отсутствие нужного количества световой аппаратуры, громоздкость всего задания, необычайную и непривычную для советского кино масштабность работы, а также на то, что по мнению юбилейной комиссии, картину отнюдь не рассчитывали демонстрировать только в

Капчинский Олег Иванович — кандидат исторических наук, доцент Академии труда и социальных отношений.

дни Октябрьских праздников, а затем положить на полки прокатной конторы, и соответственно постановщики стремились к фундаментальности и ориентировались на «зрителя каждого дня»³. Однако в дни выхода фильма на экран в своей статье, опубликованной в той же газете, режиссер выдвинул уже иную версию: виновата была Ленинградская кинофабрика, на противостояние с которой было затрачено много энергии и времени⁴.

Последние десятилетия киноведы связывали эту задержку, как правило, с вмешательством И.В. Сталина, потребовавшего от Эйзенштейна и Александрова вырезать «неудобные» кадры из картины⁵. При этом основным источником информации для них служили опубликованные воспоминания Александрова. Так, в интервью, данном в 1962 г. центральным газетам, он рассказал, как за несколько часов до показа «Октября» в монтажную Большого театра вошел Сталин и дал указание выбросить ряд эпизодов с Лениным, в частности, его выступление на II сезде Советов, заявив, что «либерализм Ленина сейчас не ко времени», в результате чего было изъято более девятисот метров пленки⁶. Однако в вышедшей спустя 14 лет в Политиздате мемуарной книге Александрова приводится схожая версия, но объектом купюр называется Троцкий. Осведомившись у режиссеров, есть ли в картине кадры с последним, генсек потребовал их просмотреть, после чего сообщил о состоявшейся утром в Москве троцкистской манифестации и заявил, что Троцкого сегодня показывать нельзя. После этого три соответствующих эпизода режиссеры успели вырезать монтажными ножницами в тот же день перед просмотром, а остальные перемонтировали в течение двух месяцев⁷. Следует обратить внимание на то, что первая «версия» Александровым была выдвинута в разгар хрущевской оттепели на волне критики культа личности, а вторая — в брежневскую эпоху — время частичной реабилитации Сталина, когда Ленина мемуарист предпочел заменить на нереабилитированного партийным руководством Троцкого — тем самым как бы оправдывая поступок «отца народов». Купирование фильма, который в 1933 г. за «искажения революционных событий» был снят с проката, произошло только в 1937 г. после того, как в апреле руководители Главреперткома обратились к председателю Всесоюзного комитета по делам искусств П.М. Керженцеву с просьбой, чтобы из фильма «Октябрь» не были вырезаны кадры с Троцким и Каменевым⁸.

Сведения, раскрывающие истинные причины задержки выхода «Октября», имеются в фонде наркомата Рабоче-крестьянской инспекции Государственного архива Российской Федерации, и они содержат отнюдь не политическую подоплеку⁹.

19 июля 1927 г. совещание под председательством секретаря ЦК Н.А. Кубяка постановило закончить фильм «Октябрь» к 15 сентября текущего года¹⁰. Однако картина закончена не была, и Кубяк 26 сентября обратился в ЦКК с письмом, в котором содержалась просьба воздействовать на Совкино в этом вопросе. Однако нужно было разобраться в причинах срыва. Расследование было поручено Б.А. Ройзенману. Спустя две недели, на секретариате ЦКК была заслушана его докладная записка. Причин задержки, по сообщению Ройзенмана, было несколько. Так, литературный сценарий Эйзенштейном и Александровым был сдан с большим опозданием и принят Совкино только 5 февраля, а рабочий сценарий, являвшийся основой для составления смет и календарных сроков, не был представлен вовсе. На съемочную работу в Ленинград группа Эйзенштейна уехала лишь 3 апреля, а съемки начались 10 дней спустя. В результате для работы осталось лишь 5 месяцев — срок явно

недостаточный для значительной и сложной картины¹¹. Но и за это время сценарий неоднократно менялся: некоторые сцены выкидывались, зато в картину вводилось много новых деталей, и эти частичные изменения вели к ее задержке, а кроме того — к удорожанию. Наконец, Ройзенман отметил, что политическое значение этой картины и важность окончания ее к сроку своевременно не были учтены в должной мере ни группой Эйзенштейна, ни правлением Совкино, и с самых первых дней между ними и Ленинградской фабрикой происходили трения на почве использования инвентаря, световых принадлежностей и так далее. В результате, подытожил Ройзенман, был пропущен срок, названный киногруппой, — 1 октября, и нет уверенности насчет последнего срока указанного Совкино, — 16 октября. Выход он видел в принятии ряда мер, в частности, в необходимости указать правлению Совкино на нечеткость работы, и предложить ему в дальнейшем изжить такое явление.

12 октября 1927 г. на заседании Президиума ЦКК было решено обязать правление этой киноорганизации принять самые решительные меры к сдаче картины в лабораторию не позднее 26 октября, чтобы не позднее 1 ноября были готовы для распространения ее 100 экземпляров, а для своевременного снабжения фильмом окраин оперативно использовать все средства передвижения, вплоть до воздушных. На Ройзенмана было возложено неуклонное наблюдение за выполнением настоящего постановления. Ему же 30 ноября 1927 г. Президиум ЦКК поручил после выпуска картины, то есть через 2 месяца, произвести всестороннюю проверку ее изготовления¹².

Как развивалось дальнейшее расследование можно проследить на основе журнала текущей работы Рабкрина¹³. 15 февраля 1928 г. материалы были переданы Секретарю ЦКК М.Ф. Шкирятову, который явно не удовлетворившись итогами расследования по линии своего учреждения, а в начале марта обратился в ОГПУ на предмет более детального изучения обстоятельств задержки фильма «Октябрь», который к тому времени был только что закончен и готовился к выходу на широкий экран. 13 июля замначальника ИНФО, руководивший политконтролем, С.Н. Маркарьян сообщил в ЦКК, что расследование закончено, и он хочет посоветоваться с Шкирятовым, как направлять его дальше: по советской линии (то есть в суд), так как в деле имеются, например, признаки бесхозяйственности, или по партийной (в ЦКК), поскольку все его фигуранты — партийцы. Речь здесь явно шла о руководстве Совкино и, возможно, о некоторых фигурировавших в деле администраторах, так как из творческих работников «Октября» в ВКП(б) никто не состоял. Посоветоваться Маркарьяну со Шкирятовым тогда не удалось из-за отсутствия последнего на месте, однако 5 сентября, больше посвященный в детали расследования начальник «зрелищного» отделения Калькис доложил в ЦКК, что дело закончено лишь частично, а для его завершения необходимо выехать в Ленинград, что можно сделать только не ранее, чем через десять дней, поскольку уполномоченное лицо находится в отпуске. 13 сентября замначальника ИНФО А.С. Буцевич сообщил Д.З. Лебедею о ходе дела, и наконец 24 сентября уже Маркарьян доложил последнему о его окончании, после чего было решено ждать приезда Шкирятова, чтобы обсудить план дальнейших действий.

Итогом следствия Информационного отдела ОГПУ стала докладная записка, датированная 4 октября 1928 г., по делу № 56204, которую подписали Маркарьян и помощник Калькиса Филимонов, вероятно непосредственно осуществлявший следствие¹⁴.

В записке говорилось, что съемочная группа была отправлена в Ленинград без предварительного согласования ее работы с местной кинофабрикой, вследствие чего последняя, занятая своими постановками, группе уделяла слишком мало внимания. На этой почве между съемочной группой «Октября» и Ленинградской фабрикой происходили постоянные конфликты. Однако возникновению конфликтов способствовало и то, что, согласно показаниям фабричных работников, киногруппа, «пользуясь выданными ей мандатами, вела себя слишком вызывающе, прибегая к недопустимым мерам воздействия, вплоть до угрозы оружием»¹⁵. Как указывали в записке работники ОГПУ, Эйзенштейн, заявляя в Ленинграде, что он подчиняется только ЦК партии, а не правлению Совкино, на указания последнего не обращал внимания и давал волю своей фантазии, растягивая сроки съемок и не считаясь со средствами. Из-за отсутствия сценария, монтажные листы в большинстве случаев составлялись накануне и даже во время самих съемок, вследствие чего закупка и заготовка реквизита всегда проводились в срочном порядке, что также вызывало непредвиденные расходы, так как необходимые вещи покупались почти исключительно у частных лиц по высоким ценам или заказывались разным мастерским и лицам, которые в виду срочности выполнения заказов поднимали цены. Нередко заказы на реквизит делались уже во время съемок, что требовало еще большей срочности выполнения, и иногда ночью разыскивались электропринадлежности и даже пулеметы¹⁶.

Особенно злостная бесхозяйственность, по данным следствия, имела место в части использования рабочей силы. Принимались на работу лица, совершенно не знакомые с данной специальностью, никогда по этой области не работавшие. При съемках в Эрмитаже, Смольном, Русском музее и других учреждениях без всякой надобности набирались десятки служащих этих учреждений, якобы для охраны имущества. Эти же услуги оплачивались как сверхурочная работа или произвольно по усмотрению администрации по картине. Подаваемые ведомости оплачивались без всякой проверки, так как никакого контроля на съемках не существовало. Практикуемая система оплаты окончательно разложила рабочих и привела к сплошному рвачеству, злоупотреблениям и подлогам. Большинство артистов вызывалось за пять и более часов до начала съемки, которая затем отменялась, но при этом они получали деньги, как за сверхурочную работу. Административный персонал с двух человек вырос до двадцати двух. Почти все они, имея большие оклады, ничего не делали, лишь мешая работе, а некоторые из них, в силу отсутствия контроля, занимались подлогами и присвоениями¹⁷.

Благодаря отсутствию сценария, неорганизованности экспедиции и запозданию в связи с этим начала съемочных работ, значительные суммы тратились на перевозку воинских частей из лагерей, хотя, по мнению следователей, особой надобности в этом не было, так как красноармейцы без всякого ущерба для художественной стороны картины свободно могли быть заменены рабочими и артистами с биржи, тем более, что по сценарию регулярные воинские части в картине почти не участвовали. Использование воинских частей также носило крайне бесхозяйственный характер. По показаниям Эйзенштейна, Александрова и некоторых других лиц, части продолжительное время сидели без дела, а из 2 тыс. красноармейцев, доставленных из лагерей и больше недели проживавших в арендованных помещениях, снимались в эти дни не более 200—300 чел., что привело к расходам в несколько тысяч рублей¹⁸.

Из-за неподготовленности к работе и неумелого руководства имели место также частые задержки и срывы съемок. Так, были начаты с опозданием или

вообще сорваны следующие съемки: «Взрыв у Зимнего», «Бегство Керенского», «Корнилов» и «Оборона против Корнилова», «Балтийский завод», «Мандатная комиссия», «Детскосельский дворец», «Биржа», «Путиловский завод». Винный погреб вместо двух дней снимался в течении двух недель, Финляндский вокзал вместо трех — пять дней, «Штурм Зимнего дворца» вместо пяти — семь дней, «Смольный» — вместо пяти девять дней. Аналогичным образом дело обстояло с рядом других съемок, точно учесть которые для следствия не представилось возможным, так как совершенно не велось дневника, а об указанных сценах было известно только из показаний Эйзенштейна, Александрова и Рудина. Кроме того, был построен ряд декораций, продолжительное время занимавших павильон Ленинградской фабрики и совершенно не заснятых, например, «Комната Военно-революционного комитета»¹⁹.

Постоянные конфликты у съемочной группы с местной кинофабрикой, дезорганизовывавшие постановку, вызвали приезд в Ленинград председателя правления Совкино К.М. Шведчикова с заместителями П.А. Бляхиным и И.П. Трайниным. В целях урегулирования отношений правление Совкино провело несколько совещаний с руководителями Ленфабрики. Результатом этого стало назначение вместо отзывааемых в Москву Рудина и Сомова местных работников: уполномоченным, то есть фактически директором картины, — заведующего производства местной кинофабрики С.И. Бартенева, а администратором — ее хозработника Г.С. Раппопорта, несмотря на его нахождение в это время под следствием по обвинению в подлогах и растратах при постановках ряда картин. Больше никаких мероприятий руководство Совкино не предприняло и вернулось в Москву, а положение приняло еще более хаотичные и бесхозяйственные формы, сопровождавшиеся, как и ранее, систематическими подлогами, состоявшими во включении в отдельные ведомости «мертвых душ», и приписыванием сумм²⁰.

Информационный отдел ОГПУ по вышеуказанным моментам установил виновность Рудина, Сомова, Раппопорта, ассистента режиссера М.С. Гоморова, помощников режиссера по хозяйственной части С.В. Шкляревского и Н.Г. Гордеева, приглашенного с большим окладом лично Эйзенштейном бригадира электроосветителей С.И. Погорелова и еще трех технических и финансовых работников. Основными же причинами сильного запоздания постановки фильма «Октябрь», а заодно его двухкратного удорожания сотрудники ОГПУ посчитали безответственную организацию экспедиции со стороны правления Совкино, принцип Эйзенштейна работать без твердо разработанных сценария, сметы и вообще каких бы то ни было положений о кинопостановках, а также его нежелание считаться с указаниями и требованиями Главреперткома, правления Совкино и других организаций, и, наконец, отсутствие единого руководства и ответственности за работу, поскольку съемочная группа, получая директивы и от правления Совкино, и от Юбилейной комиссии ЦИК в лице Подвойского, и от Ленинградского губкома, фактически никому не подчинялась и, соответственно, была в работе неконтролируема²¹.

Ознакомившись с чекистской докладной запиской замнаркома РКИ Я.А. Яковлев и Ройзенман 21 января 1929 г., то есть только через три с половиной месяца, направили в ОГПУ Маркарьяну предложение, в связи с указанными фактами «бесхозяйственности и даже криминального характера», чекистскому ведомству самостоятельно без заключения НКРКИ направить материалы в прокуратуру для привлечения виновных к ответственности²². У нас нет данных, что кто либо из указанных лиц понес судебную ответственность. Правда, в феврале 1928 г. Ленинградским окружным судом был приговорен к двум

годам лишения свободы Рапопорт, но осужден он был за прошлые должностные злоупотреблениями, связанные с постановкой ленинградских картин²³. Однозначно можно утверждать, что никаких санкций в отношении создателей фильма не последовало. Скорее всего, это было связано с тем, что как писали 22 марта 1928 г. «Известия», Эйзенштейн правильно поступил, не показав «Октябрь» в юбилейные дни, поскольку, хотя эта картина «для нашей кинематографии в целом явление, конечно, выше среднего», но уже выяснилось, что фильм не захватывает публику, и она «уходит в значительной мере неудовлетворенной»²⁴.

Основные последствия задержки фильма были не юридическими, а скорее политическими. На заседании Президиума ЦКК 30 ноября 1927 г. заместитель заведующего Агитпропом ЦК ВКП(б) С.Н. Крылов заявил, что случай с невышедшей к юбилейным дням картиной «Октябрь» бросает яркий свет на состояние всего собственного производства Совкино. Он обвинил руководство этой организации и, в первую очередь, председателя Шведчикова в отсутствии идеологического руководства, увлечении чисто коммерческими делами и ориентации в выпуске картин, как правило, на мелкобуржуазного зрителя. Для группы Эйзенштейна же, по словам Крылова, правление Совкино не сумело создать нормальной производственной обстановки. В связи с этим, выступавший потребовал назначить общую ревизию Совкино и выразил надежду, что предстоящее партийное совещание по вопросу кинематографии привлечет к киноделу «внимание широких пролетарских масс, партийных и профсоюзных организаций», в результате чего кино явится в руках партии могущественным средством коммунистического просвещения и агитации²⁵. Спустя несколько дней после выхода на экран «Октября», руководитель следствия по обстоятельствам его задержки Маркарьян, выступая на Всесоюзном совещании по кинематографии, состоявшемся при ЦК ВКП(б), привел царившую при постановке картины бесхозяйственность в качестве одного из примеров того, что авторитетные режиссеры не считаются с указаниями Совкино в силу слабости его руководства, а в конце своего выступления заявил, что без централизации кинематографии, с одной стороны, и оргвыводов — с другой, никаких результатов не будет²⁶.

Однако, если решения партсовещания по итогам указанного и подобных выступлений носили скорее декларативный характер, то в следующем, 1929 г., последствия, в том числе и истории с «Октябрем», сказались в принятии ЦК ВКП (б) 11 января постановления «О руководящих кадрах работников кинематографии». В нем, в частности, говорилось, что «задача партии — всемерно усилить руководство работой киноорганизаций...»²⁷. С этого постановления начался путь, с одной стороны, к созданию (в 1930 г.) вместо акционерного общества республиканского масштаба Совкино общесоюзного органа руководства кинематографией, а с другой, — установлению полной подконтрольности Сталину, окончательно оформившейся к середине 1930-х годов.

Примечания

1. Летопись российского кино. 1863—1929. М. 2004, с. 532, 534.
2. Кино. 05.IV.1927, с. 3.
3. Почему опоздал «Октябрь». — Кино. 20.XII.1927, с. 4.
4. ЭЙЗЕНШТЕЙН С.М. Наш «Октябрь». — Кино. 13.III.1928, с. 4.

5. БЕРНШТЕЙН А. Вспомним Никандрова. — Юность. 1987, № 8, с. 51; ЦИВЬЯН Ю. Исторический фильм и динамика власти: Троцкий и Сталин в советском кино. — Даугава. 1988, № 4, с. 51; МАРЬЯМОВ Г.Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М. 1992, с. 14; РОШАЛЬ Л.М. Горе уму, или Эйзенштейн и Мейерхольд: двойной портрет на фоне эпохи. М. 2007, с. 138.
6. БЕРНШТЕЙН. Ук. соч., с. 51.
7. АЛЕКСАНДРОВ Г.В. Эпоха и кино. М. 1976, с. 194—205.
8. Летопись российского кино. 1930—1945. М. 2007, с. 476.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 374, оп. 27, д. 1200.
10. Там же, л. 30.
11. Там же, л. 26об.
12. Там же, л. 1, 3.
13. Там же, л. 14—14об.
14. Там же, л. 5—12.
15. Там же, л. 6.
16. Там же, л. 7.
17. Там же, л. 7—8.
18. Там же, с. 8.
19. Там же, с. 9.
20. Там же, л. 10.
21. Там же, л. 11—12.
22. Там же, л. 4.
23. Летопись российского кино. 1863—1929. М. 2004, с. 610.
24. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 22.III.1928, с. 4.
25. ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 1200, л. 18.
26. Пути кино. 1-ое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии. М. 1929, с. 355, 358.
27. Кремлевский кинотеатр. 1928—1953: Документы. М. 2005, с. 97.

Улучшение положения нижних чинов военно-морского флота России в 50—70-х гг. XIX в.

А.А. Бочаров

В первые годы правления императора Александра II морское ведомство Российской империи во главе с великим князем Константином Николаевичем стало одним из основных центров формирования и осуществления реформаторского курса во внутренней политике России. Имеющиеся исследования проведенных тогда преобразований во флоте затрагивают главным образом такие стороны военно-морских реформ, как реорганизация системы управления флотом, улучшение военно-морского образования и создание броненосного флота¹.

Однако в деятельности морского ведомства в эпоху Александра II имеется ряд сюжетов, недостаточно освещенных отечественной историографией. К ним относится деятельность военно-морского руководства по улучшению положения нижних чинов флота.

Во второй половине 50-х — 70-х гг. XIX в. морское ведомство предприняло серьезные шаги по улучшению положения нижних чинов. В числе этих мер были ограничение телесных наказаний, сокращение сроков службы, улучшение материального положения матросов и условий их быта, начало обучения нижних чинов грамоте и арифметике, создание матросских библиотек.

Уже в первые годы правления Александра II началось постепенное сокращение сроков службы нижних чинов. Так, в 1857 г. срок службы, составлявший 25 лет, был сокращен для нижних чинов Гвардейского экипажа до 20 лет, а для матросов флотских экипажей до 22 лет. 1859 г. принес нижним чинам новое сокращение сроков службы: для вновь поступивших на службу — до 14 лет, а для поступивших ранее — до 20. Наконец, в 1869 г. был установлен единый срок службы — 15 лет (некоторое увеличение срока службы объяснялось необходимостью уравнивать сроки службы в армии и флоте). Одновременно был установлен 5-летний отпуск после 10 лет пребывания в командах, до истечения срока которого, то есть до выхода в отставку, нижние чины могли быть возвращены на службу только в случае начала военных действий².

В результате усилий военно-морского руководства существенно улучшились материальное положение и условия быта матросов. Так, начиная с 1856 г. было улучшено обмундирование нижних чинов: покрой изменен на более удоб-

Бочаров Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ный, улучшен материал, в состав матросского гардероба включены новые предметы. Прежний узкий мундир был заменен широким полукафтаном, суконная фуфайка — шерстяной, вязаной; канифасная шинель — суконной, тяжелый кивер — фуражкой с ленточками. В 1861 г. гардероб нижних чинов включал следующие вещи: 3 полотняных рубахи (на 1 год), 2 пары сапог (на 1 год), полукафтан с брюками из полутонкого сукна (на 1,5 года), летние брюки полотняные (на 1 год), фланелевая рубаха с брюками (на 2 года), фуражка (на 2 года), вязаная фуфайка (на 3 года), шинель (на 4 года). Всякая вещь, прослужившая срок, становилась полной собственностью матроса³.

Согласно правилам, вступившим в действие с 1 января 1861 г., матросское хозяйство стало основываться на самоуправлении. Каждая рота делилась на несколько артелей. Артель имела отдельное хозяйство, управляемое артельщиком, избранным самими матросами. Улучшилось продовольственное обеспечение нижних чинов. Матросы получали продуктовый паек и деньги. На берегу паек составлял 7 пудов 10 фунтов муки и 30 фунтов крупы на четыре месяца. «В видах улучшения» питания стала выдаваться особая сумма — сначала 50 коп. серебром, а затем (с 29 ноября 1859 г.) — 1 руб. серебром на человека в месяц, которая позволяла ежедневно иметь к матросскому столу мясо и зелень. Такой же порядок продовольственного обеспечения существовал и во время плаваний, но нормы выдачи и денежные суммы были больше. Так, в течение месяца (28 дней) стоимость матросской порции во время плаваний стала составлять 4 руб. 68 коп. (реально от 4,5 до 5 рублей). С 1859 г. ежедневно во время кампании стали выдаваться чай и сахар (до того чай выдавался только в заграничных плаваниях). Во время кампании выдавались также мыло и табак⁴.

Командир корвета «Варяг» капитан-лейтенант Лунд в одном из рапортов за 1864 г. писал: «...смело могу сказать, что едва ли в каком другом флоте правительство так много заботится о материальном благосостоянии нижних чинов, как в нашем, так например, во время этого перехода (из Нью-Йорка в Монтевидео. — А.Б.) команда в начале, и то только несколько раз, питалась одной солониной, а то давалось или одно свежее мясо, или солонина пополам со свежим мясом, или с консервованным мясом, кроме того, раздавались, как закуска к водке, огурцы, приготовленные в уксусе, перечный соус и чеснок для приправы пищи, и вообще для сбережения здоровья команды денег не жалеется»⁵.

Годовое жалованье нижних чинов в конце 50-х гг. XIX в. составляло: в Гвардейском экипаже — от 27 руб. 45 коп. у боцмана до 4 руб. 5 коп. у матроса 2-й статьи, а во флотских экипажах — от 16 руб. 80 коп. у боцмана до 2 руб. 85 коп. у матроса 2-й статьи. Кроме того, существовали и другие денежные выплаты: аммуничные деньги, деньги за «не питое вино» (стоимость винной порции, выдававшаяся матросам, отказывавшимся от употребления спиртного), ходовые суточные деньги, наградные деньги и др. С 1861 г. из матросского жалованья стало вычитаться по 90 коп. в год, поступавших в так называемую артельную сумму. Эти деньги хранились в кредитных учреждениях и выдавались после выхода в отставку, с процентами. Нижние чины имели право делать и дополнительные взносы. К отставке накопленная таким образом сумма иногда достигала 15 рублей⁶.

К 1870 г. жалованье было существенно увеличено и стало составлять: в портах Балтийского и Черного морей и в Архангельском порту — от 72 руб. 90 коп. у боцмана до 6 руб. 30 коп. у матроса 2-й статьи, в сибирских портах и на Каспии — от 72 руб. 90 коп. у боцмана до 8 руб. 10 коп. у матроса 2-й статьи⁷.

Улучшено было положение семейных матросов, которые с 1857 г. на содержание детей мужского пола вместо натурального пайка стали получать денежное пособие (по 3 руб. 50 коп. в год на ребенка до 7 лет и по 7 руб. на

ребенка от 7 до 14 лет). Семейным матросам, в случае недостатка помещений в казармах, стали выдаваться квартирные деньги (2 руб. 50 коп. в месяц) для оплаты аренды квартиры. Впрочем, военно-морское руководство признавало, что этой суммы не всегда было достаточно для найма жилья, так как «при всех неудобствах помещения в казарме, если только очищается казенное помещение, всегда являются несколько желающих занять его»⁸.

«Большую часть сырые, холодные, худо освещаемые и отопляемые, без всяких хозяйственных удобств и приспособлений — матросские казармы представляли самые неудобные для житья и вредные для здоровья помещения», — так характеризовали состояние казарм для нижних чинов до конца 1850-х гг. авторы обзора деятельности морского управления, вышедшего в 1880 году. Начиная с рубежа 1850-х — 1860-х гг. условия быта нижних чинов в казармах были существенно улучшены: обращено внимание на дезинфекцию, приняты меры к улучшению вентиляции, отопления и освещения казарменных помещений. В частности, в 1861 г. в петербургских казармах, а с 1870 г. и в кронштадтских стало вводиться газовое освещение. Казармы постепенно ремонтировались. В них устраивались теплые отхожие места вместо холодных деревянных помещений, теплые умывальники, кухни со столовыми, хлебопекарнями и кладовыми для продовольствия. В некоторых казармах были созданы паровые прачечные с сушильнями. Нары в казармах заменялись железными кроватями. С начала 1870-х гг. стали отпускаться казенные средства на постельные принадлежности для матросов (ранее они заводились матросами за собственный счет)⁹.

Со второй половины 1850-х гг. во флоте распространилось обучение матросов грамоте, первоначально предпринятое по инициативе отдельных офицеров, а затем получившее поддержку руководства морского ведомства. В обучении были заинтересованы и сами матросы: грамотность открывала возможность для карьерного роста, поскольку сдав экзамены для получения чина унтер-офицера можно было начать продвижение по службе. Первой воинской частью флота, в которой обучение грамоте приобрело обязательный характер, стал Гвардейский флотский экипаж. Результаты экзаменов, проведенных в ноябре 1860 г. специальной комиссией под руководством капитан-лейтенанта Небольсина, показали значительные успехи, сделанные матросами в изучении грамоты. В награду за прилежание и успехи по окончании испытания матросам были розданы в подарок книги: умеющим читать, писать и считать — по три, умеющим читать и писать — по две, умеющим только читать — по одной, с надписью «за прилежание и усердие»¹⁰.

Обучение грамоте получило широкое распространение на судах, находившихся в дальних плаваниях. Многие командиры судов отмечали в своих рапортах интерес команд к занятиям грамотой и успехи, сделанные нижними чинами. Так, командир клипера «Разбойник» капитан-лейтенант Ратьков указал в одном из рапортов: «Команда учится грамоте; многие читают и иные очень порядочно. Мы имеем порядочный запас книг для первоначального чтения»¹¹.

Подробнее остановился на процессе обучения матросов грамоте и его результатах командир корвета «Калевала» капитан-лейтенант Давыдов: «Каждому человеку была дана азбука, по которой учились грамоте при помощи отделенных офицеров и гардемарин. В тропиках на это определялось время от обеда до 4 часов пополудни. Все матросы более или менее сделали успехи; нашлись даже такие, которые не знали азбуки, выходя из Бреста, а теперь читают без складов»¹².

Положительное влияние обучения грамоте на поведение матросов в плаваниях отметил один из авторов «Морского сборника» за 1861 г.: «Кто следил за матросами в продолжение годичной кампании, тот не мог не заметить, с каким увлечением грамотный матрос подробно расспрашивает о каждой проходимой им местности, о каждом посещенном порте; съехав на берег, он с полным

вниманием осматривает все замечательное; возвратясь на корабль, с гордостью рассказывает товарищам о всем им виденном; некоторые даже ведут подробный журнал; эти люди в море работают с полною энергиею, чтобы тем заслужить право съездить лишний раз на берег, а в свободное время занимаются чтением. Между тем, безграмотный, съехав на берег, ничем не интересуется, напивается пьяным и бушует»¹³.

На рубеже 1850-х — 1860-х гг. стали создаваться матросские школы в военно-морских портах. Так, с ноября 1860 г. начались занятия по обучению нижних чинов грамоте в школе при матросской библиотеке в Крюковских казармах в Петербурге. В зимние месяцы 1860—1861 гг. в этой школе обучалось до 300 нижних чинов¹⁴. Обучение грамоте началось в этот период, наряду с Петербургом, и в других военных портах, в частности, в Ревеле и Архангельске. 31 марта 1861 г. в Ревеле состоялось испытание матросов 4-го флотского экипажа в знании грамоты. Согласно его результатам, из зимовавших в Ревеле в 1858—1861 гг. 870 матросов выучилось читать и писать 511 чел., из них 153 чел. в течение зимовки 1860—1861 годов. Флотским начальством были собраны сведения о процентном соотношении грамотных и неграмотных матросов 4-го флотского экипажа по национальным группам. Так, среди 606 чел. русских грамотных оказалось 408 чел. (67%), среди 50 поляков — 19 (38%), среди 214 уроженцев остзейских губерний — 84 (40%)¹⁵. В Архангельске в 1861 г. также была образована матросская школа. 21 октября 1861 г. в ней начались занятия по обучению нижних чинов грамоте и арифметике¹⁶.

В дальнейшем матросские школы были образованы во всех флотских экипажах. В 1873 г. была учреждена должность инспектора экипажных школ, а на содержание школ стали постоянно отпускаться казенные средства. Согласно правилам, установленным для экипажных школ, учебный период в них был определен с 1 ноября по 1 марта. Обучение производилось три дня в неделю, в каждый из которых было по два урока. В течение учебного периода в каждой экипажной школе должно было обучаться не менее 120 человек¹⁷.

Большое внимание уделяла обучению грамоте администрация Военно-исправительной тюрьмы морского ведомства, созданной в 1864 г. в здании так называемой Арестантской башни на острове Новая Голландия в Петербурге и предназначавшейся для содержания осужденных матросов. Вскоре после открытия тюрьмы один из авторов «Морского сборника» писал: «В числе разнообразных и многосторонних занятий, которые составляют принадлежность тюремной жизни, обращаем особенное внимание на занятия грамотою. Возможно большее распространение ее в массе, по нашему мнению, составляет одно из главных условий к успешному достижению той цели, к которой именно должно стремиться наше пенитенциарное заведение. Задача его — исправить человека нравственно»¹⁸.

Первоначально обучение заключенных грамоте проводилось только по воскресеньям и праздничным дням, причем продолжительность занятий достигала пяти часов подряд. Ревизовавший тюрьму в 1869 г. капитан 1 ранга П. Я. Шкот отметил: «Преподавание грамотности не достигает почти никакого успеха, что можно отнести к неимению средств, которыми располагает тюрьма, а также и к дурному распределению времени и способу обучения»¹⁹.

Это замечание было учтено, и с 1870 г. было разрешено обучать заключенных грамоте и арифметике кроме воскресных и праздничных дней еще два раза в неделю (по вторникам и пятницам) по два часа в день. Тюремная администрация отмечала положительное влияние этой меры на результаты обучения заключенных, многие из которых, при поступлении в тюрьму не знавшие грамоты, приобретали умение свободно читать, писать и считать. С 1870 г. на приобретение принадлежностей для обучения выделялось 50 руб. в год²⁰.

Морское ведомство распространяло литературу, предназначенную для грамотных и обучающихся грамоте матросов. Например, в 1859 г. в команды флота были разосланы 6 тыс. экземпляров книги В.И. Даля «Матросские досуги», изданной вторым изданием по распоряжению великого князя Константина Николаевича²¹. В 1866 г. Инспекторский департамент морского министерства уведомил части и учреждения флота о возможности приобретения составленной коллежским ассессором Наваковским книги «Изборник для солдат», признанной «могущей служить занимательным и в некоторых отношениях полезным чтением для нижних чинов»²².

Свидетельством растущего уровня грамотности нижних чинов можно считать матросские сочинения: путевые заметки матроса 9-го флотского экипажа И.Т. Лыкова и «повесть» матроса Т. Никитина, опубликованные в 1861 и 1862 гг. в «Морском сборнике»²³.

Данные отчетов по морскому ведомству за вторую половину XIX в. показывают значительное увеличение количества грамотных матросов. Так, в 1865 г. из числа нижних чинов, состоявших на службе, 26,7 % были грамотными, в 1870 г. — 29,9 %, в 1875 г. — 46,4 %, в 1879 г. — 47,8 %²⁴. Деятельность морского ведомства по обучению матросов грамоте и рост числа грамотных нижних чинов улучшали качественное состояние рядового состава русского флота.

В тесной связи с проблемой обучения матросов грамоте находился и вопрос о создании библиотек для нижних чинов флота, которые стали возникать в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Следует отметить, что первые библиотеки для матросов появились на флоте значительно позже, чем в армии, где неофициальные библиотеки для нижних чинов, комплектовавшиеся за счет хозяйственных сумм («без расходов от казны»), существовали приблизительно с 1830-х годов²⁵. Созданию матросских библиотек предшествовало активное обсуждение офицерами вопроса о том, что «следует постараться поскорее поставить наших меньших братьев на ноги, развить в них самостоятельные и самодеятельные гражданские и общечеловеческие элементы»²⁶.

Аргументируя необходимость создания матросских библиотек, один из авторов «Морского сборника» писал: «... в настоящее время большая часть грамотных матросов не имеет никаких средств приобрести книги, соответствующие их понятиям, но с необыкновенным рвением и охотой читают и, за неимением других книг, перечитывают по нескольку раз такие, которые хотя и забавляют, но дают совершенно ложное понятие о многом. Именно эти книги суть народные сказки, единственно доступные матросам по своей дешевизне, а большая часть этих читателей, не понимая значение «сказки», вполне верит печатному, что весьма часто замечалось гг. офицерами при разговорах с матросами, и трудно их, а других даже невозможно, разуверить, что не существует ведьм, оборотней, русалок и домовых, о которых преимущественно говорится в этих сказках»²⁷.

В конце ноября 1859 г. заведующий флотскими экипажами в Петербурге получил разрешение на создание матросской библиотеки в здании Крюковских казарм «с целью открыть возможность грамотным матросам в свободное от службы время, в виде развлечения, заниматься чтением; причем гг. офицеры, не занятые должностью, могли бы читать матросам разные рассказы о предметах, доступных понятиям нижних чинов и вместе с тем способствующих их развитию»²⁸.

Библиотека была создана на средства, добровольно пожертвованные офицерами шести флотских экипажей, помещавшихся в Крюковских казармах, а также другими служащими морского ведомства. В дальнейшем на содержание библиотеки стали отпускаться средства из сумм морского министерства. За

период до 1 июля 1861 г. на устройство библиотеки было израсходовано 450 руб. (300 руб. пожертвовано офицерами, 150 отпущено из сумм морского министерства). В соответствии с решением Адмиралтейств-Совета от 6 сентября 1861 г. было разрешено выдать единовременно на устройство библиотеки и школы при ней еще 150 руб. и затем отпускать такую же сумму ежегодно на их ремонт и улучшение. К 1 июля 1861 г. в библиотеке насчитывалось 995 переплетенных книг и брошюр и 315 непереплетенных брошюр (всего 1442 экземпляра четырехсот пятидесяти сочинений)²⁹.

Основную часть находившейся в библиотеке литературы составляли книги религиозного содержания, учебные пособия, биографические произведения, описания кораблекрушений и морских сражений, художественные произведения и журналы. Участие в комплектовании библиотеки приняла Императорская публичная библиотека, приславшая 40 сочинений в 79 томах³⁰.

Матросская библиотека в Крюковских казармах продолжала свою деятельность и в 1870-е годы. К началу 1875 г. в ней насчитывалось 4978 книг, в день библиотеку посещали от 35 до 45 чел. нижних чинов. Библиотека просуществовала до 1883 года. В дальнейшем ее фонды, по мнению Л.И. Новиковой, вероятно, стали основой библиотеки нижних чинов 2-го Балтийского флотского экипажа³¹.

В ноябре 1868 г. управляющему морским министерством был представлен проект создания в Кронштадте библиотеки и школ для нижних чинов³². Фонды организованной на основании этого проекта библиотеки позднее, видимо, влились в библиотеку 1-го Балтийского флотского экипажа, сформированного в начале XX века³³.

Можно выделить два мотива, определивших деятельность морского ведомства по улучшению положения нижних чинов в изучаемый период. Первый был связан с практической необходимостью обучения матросов в связи с ростом технической оснащённости флота, переходом от парусного флота к паровому и броненосному. Второй можно объяснить политической и духовной атмосферой в годы реформ 1860—1870-х гг., в которой особую важность приобрели гуманные и либеральные настроения русской интеллигенции, одним из выразителей которых выступили прогрессивно настроенные офицеры флота.

Значение деятельности морского ведомства по улучшению положения нижних чинов флота в 50-х — 70-х гг. XIX в. вышло за узко ведомственные рамки. Она сыграла важную роль в подготовке и осуществлении реформ в России. Введение в 1874 г. всесословной воинской повинности изменило условия прохождения службы нижними чинами, а также условия их жизни и быта, открыло новую страницу военной истории России.

Примечания

1. См., напр.: ВОРОНИН В.Е. Великий князь Константин Николаевич: Становление государственного деятеля. М. 2002; ШЕВЫРЕВ А. П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М. 1990.
2. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855—1880. СПб. 1880, ч. 1, с. 331—333.
3. Морской сборник. 1861, № 4, с. 135.
4. Там же, с. 137—138, 140—141.
5. Рапорт командира корвета «Варяг» капитан-лейтенанта Лунда. 16 июля 1864 г. — Морской сборник. 1864, № 10, с. 650—651.
6. Морской сборник. 1861, № 4, с. 140, 142.

7. Обзор деятельности морского управления в России..., ч. 1, с. 333.
8. Морской сборник. 1861, № 4, с. 144.
9. Обзор деятельности морского управления в России..., ч. 1, с. 344, с. 346—350.
10. Морской сборник. 1861, № 6, с. 122—123.
11. Там же. 1860, № 9, с. 138.
12. Там же. 1861, № 7, с. 69.
13. Там же. 1861, № 1, с. 53.
14. Там же. 1862, № 5, с. 18.
15. Там же. 1861, № 5, с. 62—63. Разумеется, речь идет о знании русской грамоты.
16. Там же. 1862, № 5, с. 71—75.
17. Обзор деятельности морского управления в России..., ч. 1, с. 370.
18. Морской сборник. 1866, № 4, с. 5.
19. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 410, оп. 2., д. 308, л. 34об.—35.
20. Там же, ф. 417, оп. 4, д. 6673, л. 14—14об.
21. Там же, ф. 410, оп. 2, д. 1692, л. 1, 9.
22. Морской сборник. 1866, № 4, с. 25—26.
23. Морской сборник. 1861, № 10, с. 151—155; 1862, № 5, с. 1—22.
24. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М. 1973, с. 549.
25. НОВИКОВА Л.И. Библиотеки для нижних чинов морского ведомства (вторая половина XIX — начало XX в.). — Библиоковедение. 2008, № 3, с. 106.
26. Там же, с. 107.
27. Морской сборник. 1861, № 1, с. 52.
28. Там же, с. 50—51.
29. Там же. 1862, № 5, с. 17.
30. Там же. 1861, № 1, с. 62, 65; № 4, с. 176.
31. НОВИКОВА Л.И. Ук. соч., с. 109.
32. РГАВМФ, ф. 930, оп. 1, д. 373, л. 2.
33. НОВИКОВА Л.И. Ук. соч., с. 109.

Сотрудничество дагестанской правящей элиты с Россией в XVI—XVIII вв.

Ш.А. Магарамов

Начиная со второй половины XVI в. политико-дипломатические связи между российским правительством и кавказскими правителями стали развиваться более оживленно. Так, например, шамхал Казикумухский, выражая желание быть подданным царя, заверял его в миролюбии и просил построить на Тереке крепость, однако при этом от принятия шерти (присяги, клятвы) на верность царю уклонялся, видимо, из-за покровительства царя правителю Кахетии Александру, с которым шамхал находился во враждебных отношениях, а также из-за опасений быть наказанным со стороны турецкого султана. Стремясь подчинить себе шамхальство, Россия в конце XVI в. предприняла ряд военных и дипломатических акций. Результатом их было строительство Сунженского и Койсинского острогов, позволявших контролировать значительную часть равнины Северного Дагестана и торговых путей¹.

Шамхал под давлением России согласился лишь номинально принять русское подданство при условиях сноса Койсинского острога, отказа от выдачи аманатов и уплаты дани². Однако дипломатическим путем урегулировать русско-шамхальский конфликт не удалось. В начале 1604 г. в Москве было принято решение о новом походе в Дагестан. Еще в 1602 г. в Москву прибыл посол Атай от сына шамхала Андия, заявивший, что тот желает ему служить и просит держать его «в защищенье и во обороне ото всех его недругов». В следующем, 1603 г., к русскому двору явились послы сыновей Сурхая тарковского и Султан-Махмуда эндерейского. Всем им в Москве был оказан теплый прием, обещано было удовлетворить их ходатайство. С грамотами и подарками они были отправлены обратно³. Принятие русской ориентации сыновьями шамхала объясняется тем, что они не поддерживали политическую линию отца и стремились предотвратить поход царских войск в Дагестан. Но несмотря на старания сыновей, поход царской рати в шамхальство состоялся и неожиданно закончился для Москвы неудачно.

Когда попытки царского двора утвердиться военным путем в Дагестане не увенчались успехом, пришлось изменить тактику борьбы за влияние в Дагестане. Отказавшись от военных акций, привлекать дагестанских правителей на

Магарамов Шарафетдин Арифович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН.

свою сторону приходилось дипломатическими и экономическими методами, довольствуясь формальными присягами на верность «белому царю».

В последующий период отношения между Россией и дагестанским шамхалом нормализовались. В условиях новой внешнеполитической обстановки на Кавказе интересы дагестанской правящей элиты и российских властей совпадали. В 1603 г. возобновились войны между османами и сефевидами, продолжавшиеся с перерывами до 1639 года. Уже к 1612 г. османские войска были вытеснены из Закавказья и Южного Дагестана, их место заняли войска шаха Аббаса I. Начался период новой агрессии шаха против Северного Кавказа, что не отвечало интересам кавказской политики России. Поэтому в 1610 г. терские воеводы через кабардинского князя Хорошая Шолохова добились принятия присяги Гиреем и Ильдаром тарковскими, Алибеком казикумухским, «уварским Махтей князем», Сурхаем карабудахентским, Казаналпом эндерейским, сыном шамхала Альбирюем, Аметхан князем, владетелем Эрпели ⁴. Как только дагестанским правителям стало известно об избрании царем России Михаила Федоровича, они в 1614 г. повторно шертовали (шерть, как персональное соглашение между разными правителями, терял силу после ухода от власти одного из них, отчего требовал периодического обновления ⁵). Присягу на верность «белому царю» правители Дагестана подкрепили тем, что отправили аманатов (заложников. — *Ш.А.*) в Терский городок, являвшийся форпостом царской политики и военно-административным центром царизма на Северном Кавказе в первой половине XVII в., откуда осуществлялись связи с местными горскими правителями. Тогда же от шамхала Гирея с грамотой к царю был отправлен посол, вернувшийся с ответной царской грамотой и подарками. Посольством устанавливалась вассальная зависимость от России тарковских владетелей ⁶.

Усиление внешнеполитической ориентации дагестанских правителей на Москву происходило в условиях реальной шахской агрессии по отношению к Дагестану. Принося шерть русскому царю, дагестанские правители чувствовали себя защищенными. Складывался своего рода «военно-политический союз», направленный против Сефевидской державы, боровшейся за Кавказ. Переход дагестанских князей под покровительство русского царя ставил их в более выгодное положение. В свою очередь, царское правительство понимало, что овладение сефевидскими войсками Дагестаном не только ослабит его позиции в регионе, но и лишит его практически перспективы овладения Дагестаном в дальнейшем, к чему оно стремилось с конца XVI века. Именно эти обстоятельства и учитывало царское правительство, оказывая помощь и покровительство правителям Дагестана в их борьбе против шахских войск, добиваясь от шаха отмены ряда намечавшихся походов на Дагестан. Так, в 1614 г. послу шаха Аббаса I Хозе Муртозе в Москве от имени царя было заявлено, что шаху Аббасу I в сторону Дагестана «... войною людей посылать не пригоже ж» ⁷. С целью же предотвращения намеченного на 1615 г. похода на Дагестан и в другие районы Северного Кавказа к шаху Аббасу I был отправлен из Москвы посол Григорий Шахматов с грамотой, в которой наряду с заступничеством за Грузию писалось и о том, чтобы шах «на Кабардинскую и на Кумыцкую землю не наступал», как на земли русских подданных ⁸. Шах Аббас I не мог отказать русскому царю и был вынужден уступить его требованию, отменив намеченный поход на Дагестан. На такую уступку шаха вынудил также отпор, полученный его войсками от горцев Дагестана, а также их решительное заявление, что «им шах-Басу (шах Аббас I. — *Ш.А.*) не бивати челом и ему не служивати, стояти против него... головами своими и в землю его не пустити» ⁹. В конечном итоге шах Аббас I вынужден был только ограничиться одними угрозами послать «Исуп-хана своего со мною ратью» против горцев, въехать к ним в «середку» и «ловить» их, «что куров» ¹⁰.

Отмену шахом Аббасом I похода на Дагестан нужно расценивать как успех русской дипломатической политики. Россия взяла под свою защиту Дагестан, когда шах Аббас I готов был вторгнуться в Страну гор, и преградила крымско-татарским войскам путь в Дагестан. В.Г. Гаджиев, оценивая роль России, отмечает: «Можно себе представить, что было бы с Дагестаном, какие бедствия и разорение пришлось бы претерпеть его народам, сколько оказалось бы убитых и угнанных в неволю горцев, если бы Россия не предотвратила походы полчищ шаха Аббаса I и крымско-татарских войск. Иначе говоря, в эти тяжелые для Дагестана годы Россия оказала его народам неоценимую помощь»¹¹. Все это способствовало подъему авторитета России в глазах владетелей Дагестана, создавало более благоприятные условия для дальнейшего развития русско-дагестанских отношений.

Принцип покровительства России представлял собой один из способов вовлечения дагестанских правителей в сферу российской политики. С 1614 по 1642 г. только в Москву прибыло около 20 посольств из Дагестана. Еще большее число посольств побывало в Терках и Астрахани. Владетели Дагестана обращались к России, в основном, как можно судить по имеющимся данным, с просьбой принять их на русскую службу, в подданство России и с предложением своих услуг¹². Вступившие в подданство России дагестанские владетели обязаны были нести «государеву службу», охранять дороги, выставлять проводников, следить за безопасностью русских торговых людей, «ходить на государственных изменников». Таким образом, сближение русско-дагестанских отношений было выгодным для обеих сторон.

Укреплению пророссийской ориентации дагестанских правителей способствовало обещание российских властей защищать дагестанских князей от их «недругов», платить жалованье «деньгами и хлебным окладом» и т.п. В 1627 г. подобного рода обещания были даны шамхалу Ильдару¹³, в 1638 г. — его сыновьям Гирею и Касаю¹⁴, в 1632 и 1635 гг. — уцмию Кайтага Рустам-хану¹⁵, в 1642 г. — таркаловскому Салтан-Магмуту Кулаеву¹⁶, в 1627 г. — Айдемиру¹⁷ и в 1646 г. — Казаналпу эндерейским¹⁸. Кроме того, от имени царя им присылали в качестве подарков верхнюю одежду, головные уборы, кубки и пр. вещи, предоставлялось право беспошлинной торговли в Русском государстве¹⁹ или же снижались пошлины на их товары. В 1627 г. были отменены пошлины на товары Ильдара тарковского, привезенные в Москву²⁰, а в 1630—1631 гг. он добился от русских властей грамоты об освобождении его товаров стоимостью в 600 руб. от пошлинных сборов в Астрахани²¹. В 1634 г. товары уцмия Рустам-хана в Москве²², в 1641 г. товары Сурхая тарковского в Москве и Астрахани²³ также были освобождены от пошлин. Подобного рода торгово-экономические привилегии дагестанским правителям активно склоняли их на сторону русского царя.

Стремясь расположить к себе и завоевывать доверие дагестанской правящей элиты русские власти проявляли внимание к их просьбам. Так называемая политика «ласкания», состоявшая из целого ряда мер политического характера, была направлена на привлечение в российское подданство наиболее влиятельных дагестанских правителей. В многочисленных инструкциях Коллегии иностранных дел, посылаемых к кавказским комендантам, указывалось: «Особливо владетелем и их детям показывать всяческую учтивость и приласкание». Опытный российский администратор на Кавказе генерал-аншеф В.Я. Левашов отмечал, что наилучший способ удерживать дагестанцев в российском подданстве, — это милостивое отношение к ним. Он указывает на то, что «аманаты, у кого в том и дети бывают», удержать дагестанских владетелей в повиновении не могут, единственное средство для этого — «ласковое» с ними обращение. Исходя из этого, он рекомендовал отпустить шемахинского посла Шамсудина, за-

держанного в Астрахани в 1730 г. после получения информации об отношениях уцмия с Ираном, и дать ему и его товарищам судно для отплытия к берегам Кайтага ²⁴.

Во времена правления Петра I наблюдалась переориентация внешнеполитических позиций правителей Дагестана на Россию, что в свою очередь привело к усилению позиций российского правительства на Северном Кавказе, в Дагестане, в частности. Петр I прекрасно понимал, что достижению задуманных им целей будет способствовать пророссийски настроенная значительная часть населения Кавказа и Прикаспийских областей. Потому он старался удовлетворить их просьбы. Так после вступления в Дербент российской армии табасаранский владетель Рустам-кади обратился к Петру I с просьбой оказать помощь в борьбе с уцмием Кайтагским, Сурхай-ханом Казикумухским и Хаджи-Даудом, разрушившими его резиденцию в Хучнях за отказ воевать с Ираном. Из грамоты императора от 1 сентября 1722 г. видно, что он обещал табасаранскому владетелю восстановить его резиденцию, отправить инженера «для лучшего того строения города» и передать оружие и амуницию. Кроме того, коменданту А.Т. Юнгеру и наibu Дербента предписывалось, «... дабы его, Рустема, равным же образом от неприятелей охраняли» ²⁵. Одновременно с кадием майсум Махмуд-бек табасаранский был взят под защиту дербентским комендантом.

Не были забыты российской администрацией услуги, оказанные дагестанскими владетелями российской армии во время ее похода во главе с императором Петром Великим. Шамхалу было установлено жалованье и выданы подарки, среди которых была и «одна зрительная труба». Также комендант Терки удовлетворил его просьбу и отправил к Адиль-Гирею команду, состоявшую из унтер-офицера с барабанщиками и 12 рядовых ²⁶. За мирную сдачу Дербента и объявление покорности Петр Великий пожаловал дербентского наiba Иман-Кули-бека чином генерал-майора и установил ему денежное довольствие за счет казны, а 9 августа 1722 г. последовала грамота, в которой говорилось, что Дербент и его жители берутся под покровительство России и имеют право свободно торговать в Российском государстве. 17 декабря 1723 г. последовал сенатский указ о взимании таможенной пошлины с дербентских купцов наравне с российскими ²⁷.

Таким образом, Россия, в отличие от своих соперников — Турции и Ирана, которые на Кавказе в основном действовали с помощью военной силы, организуя карательные походы против непокорных горцев, привлекала дагестанских владетелей на свою сторону политико-дипломатическими и экономическими методами. Политическая ориентация дагестанской правящей элиты на Россию приносила большие выгоды: обеспечивалась относительная безопасность дипломатических и торговых контактов с Ираном и Восточной Грузией; появлялись определенные гарантии безопасности для Терской крепости и гребенских казаков; Дагестан мог служить предметом дипломатического торга с Ираном. Дагестанские феодалы, присягая царю, получали жалованье (в случае лояльности); имели льготный торговый режим в России и могли рассчитывать на дипломатическое прикрытие в случае внешнеполитических осложнений.

Примечания

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государства в мировой истории».

1. КУШЕВА Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М. 1963, с. 276.

2. ВЕСЕЛОВСКИЙ И.Н. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I. СПб. 1890, с. 267.
3. БЕЛОКУРОВ С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. (1518—1613). М. 1889, с. 364—369.
4. БЕЛОКУРОВ С.А. Ук. соч., с. 530—531; УМАХАНОВ М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала. 1973, с. 138.
5. ТРЕПАВЛОВ В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность. — Вопросы истории. 2007, № 11, с. 156.
6. КУШЕВА Е.Н. Ук. соч., с. 307.
7. ВЕСЕЛОВСКИЙ И.Н. Ук. соч., т. III, с. 33.
8. КУШЕВА Е.Н. Ук. соч., с. 307.
9. ВЕСЕЛОВСКИЙ И.Н. Ук. соч., т. II, с. 292.
10. Там же, с. 292, 348.
11. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1964, с. 86.
12. ЕГО ЖЕ. Документы о русско-дагестанских отношениях. — Исторический архив. 1959, № 3, с. 210.
13. Русско-дагестанские отношения в XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958, с. 82—85.
14. Там же, с. 144—145.
15. Там же, с. 95—96.
16. Там же, с. 159—160.
17. Там же, с. 83—84.
18. Там же, с. 177—178.
19. Там же, с. 72—75, 90—91.
20. Там же, с. 81—82.
21. Там же, с. 90—93.
22. Там же, с. 128—129.
23. Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 305, л. 1156.
24. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 340, оп. 1, д. 10, л. 28—29.
25. ГАСАНОВ М.Р. Каспийский поход Петра I — важный этап в истории российско-кавказских взаимоотношений. В кн.: Россия и Кавказ: история и современность. Владикавказ. 2005, с. 111.
26. ГАДЖИЕВ В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М. 1979, с. 90.
27. Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. СПб. 1830, с. 187.

Нарушения православного клира в конце XV—XVII в.

А.Р. Павлушков

Поведенческая культура русского православного духовенства традиционно вызвала интерес у специалистов различных научных направлений. Во многом это объясняется желанием осмыслить влияние Русской православной церкви на общество. Длительное время складывались различные подходы к оценке духовенства, базировавшиеся порой на идеологических взаимоисключающих стереотипах: от исконного славянофильства, идеализировавшего традиционные ценности православия, до ортодоксального марксизма, рассматривавшего духовенство с классово-враждебных позиций.

Поведенческая культура духовенства досинодального (доимперского) периода формировалась под воздействием многочисленных факторов, важнейшими из которых являлись усиление политического и экономического статуса РПЦ, а также следование правовой традиции восточного христианства. Влияние этих факторов в целом имело положительное значение, выразившееся в том, что на духовенство стали замыкаться важнейшие государственно-общественные функции, еще до конца не воспринятые самим государством по причине незрелости институциональных основ. К числу таких функций можно отнести миссионерство, просвещение, воспитание, регулирование семейных отношений. Реализация этих функций способствовала выработке модели священника-пастыря, который для большинства населения воплощал идеальный образ христианина и учителя, требовавший от клира соответствующего поведения. Однако с ростом церковной корпорации стали проявляться и ее серьезные недостатки.

Нарушения клира длительное время не являлись предметом научного исследования, за исключением классических работ¹, посвященных изучению православного сословия в целом, и современных региональных научных разработок относительно синодального периода². Нарушения духовенства в московский период фактически выпали из орбиты научного интереса по различным причинам. Между тем, обращение к этой стороне жизни клира дает возмож-

Павлушков Александр Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики.

ность более критично взглянуть на развитие многих социально-политических процессов в обществе, понять первопричины зарождающихся противоречий как внутри РПЦ, так и в ее отношениях с государством.

Победа и укрепление позиций стяжателей в духовной элите имели весьма неоднозначные последствия. С одной стороны, это дало возможность церкви сконцентрировать в собственных руках огромные экономические источники и, как следствие, достичь материального процветания. С другой стороны, экономическая деятельность РПЦ отвлекала ее от решения важнейших духовно-просветительских задач и обостряла у клира потребительские чувства, провоцировавшие его представителей на отступление от канонических норм.

Для понимания общего состояния духовенства в указанный период обратимся к материалам Археографической комиссии, которая с 1841 г. начала издавать правительственные документы удельной и Московской Руси. Анализ их дает все основания полагать, что дисциплинарные нарушения клира являлись объектом пристального внимания со стороны церковного и государственного руководства. Из 1490 документов пятитомного собрания 103 касались вопросов нарушений клира и наказаний (примерно 7%), в том числе документы прямого назначения составляли 4%³. Из общего потока опубликованных дел по нарушениям духовенства примерно четверть приходилась на Европейский Север России.

Документы о дисциплинарных нарушениях принципиально отличались от тех, которые были связаны с расследованием уголовных и государственных преступлений. Если первые носили более обобщенный формат и были закреплены в постановлениях назидательного характера (обращениях и поучениях), то вторые непосредственно касались судебных тяжб и были обращены к конкретным лицам. Обезличенно-неопределенный характер источников говорит лишь о том, что дисциплинарные правонарушения носили массовый характер и представляли серьезную угрозу для нормальной деятельности церковной организации.

Состав опубликованных источников о дисциплинарных нарушениях духовенства достаточно разнообразен. Документы предназначались белому или черному духовенству⁴, клиру в целом или клиру конкретного церковного учреждения⁵.

По юридической силе документы, содержащиеся в материалах Археографической комиссии, можно разделить на обязательные и рекомендательные. Первые, составляющие большую часть, были посвящены конкретным нарушениям и мерам по их устранению. Особенностью их было то, что в первой части документа обозначалось «лицо» проблемы: назывались факты либо массовых, либо наиболее вопиющих злоупотреблений и территория, на которой они происходили, подчеркивалась их опасность и вред для общества, выражалось отношение к ним церковной и светской власти. Лишь после этого устанавливался набор формальных санкций за существующие нарушения. Как правило, подтверждались уже имеющиеся (но слабо работающие) формы наказания или дополнительно вводились новые.

Церковный собор 1503 г., на котором обсуждались вопросы нравственности клира, вводил более строгие правила общежития для священнослужителей. Им запрещалось ведение службы с похмелья; за повторный брак вдовый священник лишался всех священнических прав; лишению сана подвергали и представителей духовенства, предоставляющих ставленые грамоты за мзду, а также имеющих «наложниц» (как правило, это были вдовствующие священники).

Более строго регламентировалась и жизнь монашествующих: фактически запрещалось устройство «двойных» монастырей с совместным проживанием лиц противоположного пола, в женских монастырях разрешалось служить только белому духовенству ⁶.

Похожий жестко-категоричный формат имели многие решения церковных соборов. В Соборном постановлении 1681 г., построенном в форме ответов Церковного собора на предложения царя, высказывалось публичное сожаление (фактически означавшее бессилие), что «в нынешнее время многие попы и дьяконы живут бесчинно, упиваются безмерным пьянством и дерзают бесстрашием по нетрезвости служить божественную литургию и прочие церковные службы...» ⁷. В документе была не просто обозначена официальная позиция РПЦ, но и принята программа действий, включавшая в себя комплекс различных мероприятий по борьбе с дисциплинарными нарушениями. Для усиления контроля и улучшения управления вводились новые архиепископства в Архангельске, Мезене, Пустозере, Пинеге, Кевроле — под управлением Новгородского митрополита; в Тотьме, Великом Устюге, Соли-Вычегодской — под управлением Ростовского митрополита. Усиливалась ответственность за отдельные составы правонарушений («упорствующие еретики и раскольники отсылались к гражданскому суду»), расширился перечень дисциплинарных нарушений как основания для применения епитимьи, подтверждались принятые ранее и вводились новые запреты (строить новые пустыни без разрешения, уходить в леса, просить милостыню во время службы, приходить в церковь со «своими харчами и квасом», сдавать церковные кладбищенские земли в аренду и др.) ⁸. Вместе с тем, постановление сделало серьезный шаг для ограничения смертной казни. Ссылаясь на царя, собор подтвердил применение смертной казни за отступничество от веры и ограничил ее действие за клятвопреступление, признавая массовый характер данных нарушений.

Стремление церковных властей бороться за нравственную чистоту вызывало неоднозначную реакцию рядового духовенства. После запрещения исполнять служебные обязанности вдовы священники, лишенные привычного образа жизни, вынуждены были искать новые источники существования, в том числе, незаконные (например, неофициально и негласно совершать церковные обряды). Проблема заключалась в том, что собор не решил дальнейшую судьбу этой части клира, предоставив священникам самостоятельно искать источники дохода, к чему многие из них были не готовы.

Вторая группа документов, содержащихся в материалах Археографической комиссии, имела рекомендательный характер и служила для предупреждения возможных преступлений. Они носили более обобщенный характер в форме наставлений, поучений, советов, дополнительных санкций. Например, в Уставной грамоте Разбойного приказа 1631 г. устанавливалась ответственность попов в том случае, если, например, они давали положительную характеристику подозреваемому, а тот на расспросе под пыткой признавался в совершении преступления ⁹. В большинстве источников такого рода о правонарушениях сообщалось гипотетически: попам запрещалось ходить по кабакам и «зазор чинить» ¹⁰; от кандидатов в священники требовалось соблюдать правила замещения должностей ¹¹; при выборе настоятеля следовало учитывать моральные качества кандидата ¹² и т.д. Разумеется, если бы таких нарушений не было, издавать подобные постановления было бы бессмысленно.

Следует отметить, что некоторые источники имеют принципиальное значение в силу особого статуса обвиняемого лица в церковной иерархии. Они

были связаны с расследованиями дел в отношении отдельных митрополитов¹³, игуменов¹⁴, стремившихся сохранить за собой территориальную автономию и расширить границы установленной юрисдикции¹⁵. Рядовое духовенство, как правило, не поддерживало сепаратизм, боясь усиления произвола со стороны местной власти. Об этом свидетельствуют факты прямого противостояния. Недовольные ростом церковных сборов, вышегородские соборные попы перешли на сторону горожан и устроили самосуд над митрополичьим десятником, что квалифицировалось как церковный мятеж¹⁶. Однако в условиях формирующейся централизации ни церковь, ни государство не имели достаточных возможностей контролировать территории и вынуждены были идти на административный компромисс, закрывая глаза на отдельные нарушения или ограничиваясь формальными наказаниями.

Обратим внимание на то, что на разных территориях отношение епархиальных властей к нарушениям духовенства могло отличаться, исходя из местных правовых традиций. Правонарушения клира, которые жестко преследовались в центральной и территориально приближенной к ней части страны, в северных и северо-восточных районах получали менее категоричную оценку: факт нарушения признавался как данность, но не имел серьезных юридических последствий¹⁷. Общим же было то, что за дисциплинарные проступки наказание применялось, как правило, не сразу, а только при повторном нарушении. Человеку давали возможность исправиться, требовали от него клятву или письменное обещание не нарушать церковный устав.

Анализировать статистику правонарушений духовенства в досинодальный период очень сложно. Трудность вызывает даже подсчет общего количества совершенных правонарушений по причине отсутствия официальных данных. Например, по данным Б.Н. Миронова, численность христианского духовенства в 1678 г. приблизительно составляла 40 тыс. чел.¹⁸, тогда как по подсчетам Я.Е. Водарского, на конец XVII в. приходилось примерно 140 тыс. лиц духовного звания¹⁹. Необходимо обратить во внимание и на то, что при переписях учитывалось только мужское население, а семьи священников были многодетными. Поэтому логичнее имеющиеся данные анализировать по внутреннему составу правонарушителей и структуре самих правонарушений, а в качестве материала использовать уже официально собранную нормативно-правовую базу. Локальных местных документов такого раннего периода сохранилось не так уж много, тем более, что большая часть из них уже была официально опубликована и вошла в состав выше названных комплексов.

Активизация правонарушений духовенства приходится на XV—XVI и последнюю треть XVII века. Это было вызвано политическими причинами, связанными с оформлением государственно-церковных отношений и, как следствие, стремлением преодолеть внутренний раскол РПЦ. Религиозные оппоненты официальной церкви превратились в государственных преступников под общим названием «еретики» (сектанты, старообрядцы, «лжетолкователи» христианского учения, лица, открыто пропагандировавшие иную веру). Особенно сильно развернулась борьба за чистоту церковных рядов после реформы патриарха Никона, направленной, прежде всего, на изменение внешней обрядовой формы. В многочисленных грамотах Новгородского митрополита Питирима звучит упрек священнослужителям в том, что они службы совершают с нарушением, «поют и говорят неединогласно»²⁰, не следят за поведением прихожан, причащают их «старыми крестами, а не четвероконечными»²¹.

К уголовным преступлениям клира, которые документально многократно зафиксированы в указанный период, можно отнести незаконное обогащение²², ложный донос²³, чародейство²⁴, принадлежность к расколу²⁵. К нетипичным или редким случаям преступлений относились участие в церковном мятеже²⁶, изнасилование²⁷, государственная измена²⁸, двоеженство²⁹, саботаж исполнения государственных повинностей³⁰.

Разумеется, самыми распространенными были дисциплинарные нарушения. Об этом говорят массовые обращения церковной и царской власти к клиру. Поучения в форме предостережений начали издаваться еще в XIV в., свидетельством чему является поучение митрополита Фотия псковскому духовенству о строгом соблюдении церковного устава в богослужении, запрете отпевать самоубийц и совершении очистительной молитвы перед приемом пищи³¹. В начале XV в. появились послания митрополитов в форме ответов на вопросы священников: как правильно производить богослужение, причастие, покаяние и как бороться с собственными человеческими слабостями³². В 1499 г. были подробно расписаны правила богослужения с четкими указаниями, что считается нарушениями для духовенства. Священнику запрещалось совершать службу, «озираясь по сторонам» и «без страха в сердце», быть «срамословщиком, пьяницей, игроцом». Священнослужитель обязан был быть примером для христиан, «источать любовь, кротость и целомудрие», сдерживать страсти³³.

Вопросы христианской этики и церковного этикета постоянно являлись предметом обсуждения церковных иерархов в силу того, что обрядность, исполнение культа были неотъемлемой частью православного учения. От представителей духовенства требовалось не только строгое соблюдение установленных правил богослужения, но и поддержание сложившегося положительного образа священника как духовного пастыря для населения. Любой проступок, а тем более совершение преступления, фактически разрушали монополию церкви на идеологическое и общественное верховенство. Поэтому борьба с внутренними пороками имела особое значение и носила политический подтекст.

В XVI в. было введено понятие «утаенная совесть», когда священник или церковнослужитель, исповедуясь перед своим духовником, скрывал совершенное нарушение, что приравнивалось к преступлению и влекло за собой отлучение от службы³⁴.

На церковном соборе 1551 г. обсуждались уже все стороны церковной жизни на предмет соответствия их каноническим предписаниям³⁵. 28 из 69 вопросов первой, а также второй части собора (40%) были посвящены обязанностям белого духовенства. Царь подверг разносу духовенство за неумеренное пьянство, «непотребную брань», бесчинный пример для мирян³⁶. Церковь не просто открыто признавала нарушения, ставшие массовыми, но и предлагала меры борьбы с ними. В целях контроля за церковной дисциплиной был создан институт церковных старост (протопопов) и десятских священников.

Следует обратить внимание на то, что послания отдельных архиепископов по наведению порядка в своей епархии формировали необходимый правовой климат для страны в целом. Достигалось это изменением формата официальных документов: вместо поучений шире стали использоваться адресные послания и публичные заявления, имевшие более категоричный характер и требовавшие от клира неукоснительного выполнения решений государственной и церковной власти. Сравнивая церковные постановления различных столетий, можно обнаружить изменение правового инструментария и языка общения РПЦ.

Они становились более формально выраженными, наполнялись государственным содержанием, имели ссылки на царские указы. Модель симфонического существования церкви и государства предполагала не только единство в решении важных вопросов, но и разграничение их полномочий. К юрисдикции церкви относились семейные, гражданские и уголовные преступления. Признание государством церковного судопроизводства и церковно-канонического права фактически обязывало РПЦ более жестко подходить к оценке собственных правонарушений клира. Новгородский архиепископ Феодосий в послании духовенству Устюжны Железнопольской потребовал прекратить все злоупотребления под страхом жесткого наказания. Он обвинял местное духовенство в кумовстве, венчании двоеженцев, произнесении молитв с нарушениями, неуплате в казну пошлин, допущении к молитвам состоящих в четвертом и пятом браке ³⁷. Такие явления были типичными и для других регионов страны ³⁸. Создавая атмосферу нетерпимости к собственным порокам, церковь переносила ее и на отношения в приходах, формируя фундамент общественно-правового сознания.

В XVII в. церковные власти стали требовать от священников усиления влияния на паству путем отвращения ее от «богомерзких песен и бесовских игр», «безчинных прельщений», «вечерних позорищ на улицах и полях», то есть от участия в скоморошских потехах ³⁹. Отсутствие должного контроля за паствой рассматривалось как серьезное нарушение и предполагало жесткие дисциплинарные наказания.

Параллельно предпринимались меры против нарушений в иноческой среде. Уже в XIV в. в уставных грамотах монастырям стали делаться ссылки на древние византийские церковные источники о «послушании, смирении и прочих добродетелях» монашества. Грамоты включали в себя список запретов к монашескому общежитию: принимать пищу в келье, держать лишнюю одежду, «носить бараньи шубы на пуху» ⁴⁰. В XV в. список запретов и требований к монашеской жизни был расширен в связи с тем, что некоторые монахи, по причине внутренних конфликтов, стали покидать стены обителей и подбивать население на выступления против монастырского руководства. Источники не объясняют причины этих конфликтов, а только констатируют сам факт ⁴¹.

Одной из причин роста нарушений в иноческой среде явилось изменение уклада церковной жизни. Жалованные грамоты монастырям способствовали их экономическому подъему и погружению в мирские проблемы. Государство фактически признавало право церкви на обогащение, поставив под сомнение идею первенства духовности. Благая цель — забота о монастырском хозяйстве — на деле обернулась ростом правонарушений в среде монашества. Достаточно вспомнить известное послание царя Ивана IV братии Кирилло-Белозерского монастыря, где он обвиняет иноков в обогащении и распущенности, неблагочестивом образе жизни и нарушении монастырского быта, введении своих «любострастных уставов» и предоставлении убежища боярам Шереметеву и Хабарову, которые «скрываются от гнева государя» ⁴².

Стоглавый Собор 1551 г. также рассматривал вопросы о нарушениях монашества: 7 из 37 вопросов первой части, 5 из 32 вопросов второй части повестки Стоглава (17%) были направлены на преодоление пороков в среде черного духовенства в форме запретов, причем некоторые из них имели локальное проявление (например, запрет псковского обычая монахиням и монахам вместе мыться в бане ⁴³). В XVII в. борьба за чистоту нравов черного духовенства была продолжена. Решением Церковного собора 1681 г. запрещалось

лось без разрешения нарушать послушания, уходить в леса, самовольно отлучаться⁴⁴.

Выявлению правонарушений способствовала надзорная практика за поведением духовенства. Она формировалась в период создания централизованного государства в виде предписаний руководителям епархий⁴⁵ и введением специальных церковных должностей для наблюдения за благочинием духовенства. К концу XVII в. надзорная деятельность заметно усилилась, а отчеты с мест стали составлять значительную часть документооборота. Многие доношения чиновников до введения официальной формы, написанные живым эмоциональным языком, включали копии доносов. Например, к доношению Б. Вейкова о содержании в ссылке старца Филарета (будущего патриарха) были приложены жалобы некоторых старцев на то, что тот «на них лает и бить их хочет, ... всегда смеется неведомо чему, говорит про мирское жите», из кельи их посохом выгоняет⁴⁶.

Подчеркнем, что рассмотренные источники московского периода, как правило, носят обобщенный характер, без указаний конкретных обстоятельств дела⁴⁷. Они, как правило, не содержат частных примеров, часто основываются на слухах о массовых нарушениях, которые рассматриваются как юридический факт, подлежащий оценке. При этом часто отсутствуют обвинения конкретных лиц, не указываются свидетельские показания. О незаконности говорится в абстрактном смысле, без указания конкретных имен по причине невозможности проверить полученные сведения. Именно поэтому в документах имеется фраза «слышал о сем о вашем монастыре»⁴⁸.

На основании имеющихся документов можно сформулировать отношение Церкви к происходящему в целом, но никак не к совершенному деянию конкретного лица. Поэтому многие документы Московской Руси имеют форму посланий, обращений, поучений, грамот и в основном носят рекомендательный характер. Церковь публично высказывала свое негативное отношение к случившемуся, однако не могла рассчитывать на исполнение принимаемых решений. РПЦ на тот момент еще не обладала достаточными ресурсами, чтобы институционально установить наказания за все нарушения, как клира, так и мирян. На этом этапе в большей степени стоял вопрос об усилении ее политического и правового статуса. Только в XVIII—XIX вв. подход к нарушениям стал принципиально меняться. Правовой оценке начали подвергаться конкретные действия людей, а не абстрактная информация о происшествиях.

Таким образом, анализ официально опубликованных источников указывает на то, что нарушения клира представляли собой серьезную проблему для РПЦ, требующую оперативного вмешательства и выработки определенных внутренних защитных механизмов. Социально-экономический фактор был определяющим в появлении нарушений духовенства. Обособленное существование монастырей и вотчинное монастырское хозяйство отвлекали братию от выполнения церковных служебных обязанностей, подогревали мирские страсти. Причины нарушений духовенства были также вызваны децентрализацией государства и невозможностью осуществлять системный контроль за территориями. Стремление к административно-судебному сепаратизму местных церковных властей проявлялось в усилении произвола над местным населением, что обостряло всеобщее недовольство и выливалось в социальные конфликты.

В общем объеме правонарушений духовенства доминировали дисциплинарные нарушения. Тем не менее, вряд ли можно полностью согласиться с

выводом П. Знаменского о том, что «обличение нестроений» и предъявление новых требований к клиру в допетровский период носило формальный, исключительно бумажный характер⁴⁹. Как показывают источники, церковь с момента своего утверждения пыталась преодолевать пороки в собственной среде, но по объективным причинам эффективно справиться с этой задачей она не могла.

Примечания

1. ЗНАМЕНСКИЙ П. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань. 1873; ЛЕБЕДЕВ А. Духовенство Древней Вселенской Церкви (от времен апостольских до IX в.): Исторические очерки в 10 томах. Т. VI. М. 1905, отд. III, IV; МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ). История Русской церкви. В 12 томах. СПб. 1883, кн. 3, т. 5, гл. 7; кн. 4, т. 7, гл. 4.
2. БЕЛОВА Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII — начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии. Дис. канд. ист. наук. Ярославль, 2008; ВАСИНА С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX — начале XX вв. Дис. канд. ист. наук. Йошкар-Ола. 2003; ЕРШОВА Н.А. Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб. 1992; ХРАПКОВ Г.Н. Ярославская духовная консистория и ее роль в борьбе с противоправными действиями духовенства в XIX — начале XX веков. — Вестник Поморского университета. Архангельск. 2010, № 7, с. 95—98.
3. Под документами прямого назначения понимаются официальные решения по наказанию лиц духовного звания за различные правонарушения, например, судебные решения; под опосредованными — нормативно-правовые акты, в которых содержалась информация о правонарушениях клира, имеющая вспомогательный характер, например, обращения по повышению морального облика священнослужителей, монашествующих.
4. Грамота Новгородского митрополита Варлаама в Дымский монастырь, валаамским старцам о ненарушении монастырского устава. АИ, т. 1, № 225.
5. Благословенная грамота митрополита Фотия иноку Павлу об увещании братии и соблюдении иноческих обетов. Там же, т. 1, № 256.
6. ГОЛУБИНСКИЙ Е.Е. История русской церкви. Т. 2. М. 1901, ч. 1, с. 619—625.
7. Соборное постановление по предложениям царя... о церковном и монашеском благочинии. АИ, т. 5, № 75.
8. Там же, т. 5, № 75, п. 10—16.
9. Там же, т. 3, № 167, с. 295.
10. Наказ Новгородского митрополита Корнилия заведующему Тиунским приказом священнику Никите Тихонову о наблюдении за церковным благочинием. Там же, т. 5, № 152, с. 262.
11. Поместная грамота Новгородского митрополита Киприяна о дозволении сыну боярскому первому Сафонову усыновить шурина своего Андрея Неелова с тем, чтобы он исправлял Государеву и Софийскую службу. 1631 год. Там же, т. 3, № 165, с. 292.
12. Грамота Суздальского архиепископа Серапиона в Покровский девичий монастырь о выборе игуменьи 1636 года. Там же, т. 3, № 189, с. 315.
13. Исповедная Ростовского архиепископа Феодосия о незаконном от него разрешении инокам на сыре, млеко и рыбу, а мирянам на мясоетие в на вечерие праздника Богоявления Господня, и о соборном обличении вины его. Там же, т. 1, № 57, с. 105—106.
14. Челобитная царю Мостицкого игумена Трифона на игумена Новгородского Кириллова монастыря и старцев о злоупотреблениях в монастырском управлении. Там же, т. 1, № 242, с. 458—461.

15. Грамота митрополита Фотия с увещаванием о возвращении похищенного церковного сокровища. Там же, т. 1, № 256, с. 485.
16. Послание митрополита Ионы Верейскому князю Михаилу Андреевичу с жалобой на вышегородских соборных попов и горожан, об обиде митрополичьего десятника. Там же, т. 1, № 50, с. 98—99.
17. МАКСИМОВ С.В. Год на Севере. СПб. 1871.
18. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т.1. СПб. 2000, с. 108.
19. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Духовенство. Численность духовенства. Население России в конце XVII — начале XVIII в. URL: Statehistory.ru/books/YA-E-Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII-nachale-XVIII-veka/11.
20. АИ, т. 4, № 151, с. 296.
21. О высылке в митрополичий Судный приказ Тихвинских посадских попов, совершивших литургию на просфорах с крестами старой печати. Там же, т. 4, № 203, с. 436.
22. Челобитная царю Мостицкого игумена Трифона на игумена Новгородского Кириллова монастыря и старцев..., с. 458—461; Грамота Новгородского митрополита Варлаама в Дымский монастырь..., с. 427—428.
23. Царская грамота в Пермь Великую, князю Вяземскому об исследовании дела по жалобам о порче будто бы людей посредством икоты. Там же, т. 2, № 66, с. 82—83.
24. Там же, т. 3, № 137, с. 225.
25. Царская грамота Новгородскому митрополиту Корнилию о повсеместном сыске и предании суду раскольников. Там же, т. 5, № 100, с. 161; Царская грамота Новгородскому митрополиту Корнилию об отдаче под начало в Новгородские монастыри раскольников. Там же, т. 5, № 117, с. 191.
26. Послание митрополита Фотия псковичам о соблюдении законоположений православной веры, удалении от церковных мятежников. Там же, т. 1, № 20, с. 40—43; Отписка царю воеводы Ивана Мещеринова о выходах из осажденного им Соловецкого монастыря и расспросные речи выходцев про тамошних мятежников. 1674 год. Там же, т. 4, № 248, с. 531.
27. Царская грамота в Пермь Великую, князю Вяземскому об исследовании дела по жалобам о порче..., с. 82—83.
28. Отписка Углицкого воеводы царице Марии Григорьевне и царю Федору Борисовичу на черного попа Антония о распространении слухов про Лжедмитория. Там же, т. 2, № 55, с. 67—69.
29. Послание Новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме о причетниках двоеженцах. Там же, т. 1, № 101, с. 144—145.
30. АИ, т. 1, № 50, с. 98.
31. Там же, т. 1, № 22, с. 45—48.
32. Послание митрополита Киприяна игумену Афанасию ответное на предложение от него вопросы. Там же, т. 1, № 253, № 473—482.
33. Поучения священнослужителям. Там же, т. 1, № 109, с. 157—158.
34. Деяние Собора, бывшего на Вильне. Там же, т. 1, № 289, с. 524—529.
35. БЕЛЯЕВ И.В. Об историческом значении деяний Московского Собора 1551 г. Русская беседа. Т. 4. М. 1858, кн. 12, отд. 3, с. 10—12.
36. Стоглав. СПб. 1863, с. 51—52.
37. Послания Новгородского архиепископа Феодосия в Устюжну Железопольскую, духовенству с обличением его в нерадении о пастырских обязанностях, и с убеждением не уклоняться от святительского суда. АИ, т. 1, № 298, с. 542—544.
38. Царская грамота Верхотурскому воеводе Никофору Мещерскому о наказании Троицкого соборного священника Иоакова за произнесенные им во время пения над чашею за царское здоровье непристойных речей. Там же, № 223, с. 382.
39. Там же, т. 3, № 35, с. 124—126.
40. Уставная грамота Суздальского архиепископа Дионисия Снеготорскому монастырю о соблюдении правил иноческого общежития. Там же, т. 1, № 5, с. 7—9.

41. Послание Новгородского архиепископа Симеона в Святогорский монастырь о соблюдении общежительного устава и не суждении игумена и старцев мирскими судьями. Там же, т. 1, № 24, с. 50.
42. Послание царя Иоанна Васильевича Кирилло-Белозерскому монастыря игумену Козьме с братией. Там же, т. 1, № 204, с. 372—395.
43. Стоглав. История собора 1551 г. Историко-канонический очерк В. Бочкарева. Юханов (Смоленская губ.). 1906, с. 43.
44. Соборное постановление по предложениям царя о церковном и монашеском благочинии и воспрещении строить новые пустыни. АИ, т. 5, № 75, с. 108—119.
45. Настольная грамота митрополита Фотия... Там же, т. 1, № 18, с. 27.
46. Царская грамота игумену Сийского монастыря Ионе о строгом надзоре за ссыльным старцем Филаретом. Там же, т. 2, № 54, с. 64—66.
47. ОСЛЕПЕННИКОВ Ю.В. Решения соборов в русском средневековом праве (XI—XVI вв.). — История государства и права. 2012, № 8, с. 9—14.
48. Послание митрополита Ионы Верейскому князю Михаилу Андреевичу с жалобой на вышегородских соборных попов и горожан..., с. 98—99.
49. ЗНАМЕНСКИЙ П. Руководство к русской церковной истории. Казань. 1880, с. 295.

Католический приход Петербурга в XVIII в.

А.Н. Андреев

Проблеме вклада иностранцев в становление новой, европеизированной России XVIII в. посвящено немало исторических трудов¹. Связано это с тем, что «немцы», как именовали обобщенно всех европейцев на Руси, своими обычаями и культурой сумели придать особый колорит эпохе, сыграли роль крупных агентов модернизации, стали своего рода «ферментами реформ»². Многие из них, будучи видными администраторами и военачальниками, напрямую участвовали в государственном, военном и культурном строительстве, имели немалый политический вес и влиятельное положение при дворе, пользовались покровительством русской знати. Однако малоизвестно, что выходцы из Европы, в первую очередь сконцентрированные в городе на Неве и представленные католиками и протестантами, в процессе организации своей вероисповедной жизни естественным образом втягивали в нее представителей высшего света, а иногда и широкие массы горожан. Этому способствовала, с одной стороны, вероисповедная «толеранция», впервые провозглашенная в России законодательно Петром Великим³; с другой стороны, — специфическая атмосфера межрелигиозного сотрудничества, царившая в Петербурге с момента его основания. Участие лиц царствующего дома и вельмож в крестинах, венчаниях и отпеваниях знатных иностранцев, взаимное посещение ими торжественных богослужений в дни праздников или траура, заключение межконфессиональных браков — все это приводило к тому, что инославные приходы столицы нередко становились центрами придворных событий, местами неофициальных приемов, общественно и политически значимых мероприятий. Не последнюю роль в поликонфессиональном социокультурном пространстве Санкт-Петербурга играл римско-католический приход, который в России XVIII столетия стал крупным очагом европейской духовности, вызывавшей интерес не только у самих «иноверцев», но и у многих православных.

Уже в первые годы своего существования община петербургских католиков, собиравшаяся на богослужения в молельне, устроенной зодчим Доминико

Андреев Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск.

Трезини в его собственном доме на Петроградской стороне, привлекала внимание избранной публики ⁴. В 1710 г. стараниями Трезини в Греческой слободе на одноименной улице («что за почтовым двором») был построен деревянный костел, который неоднократно удостоивался посещения царя и вельмож ⁵. В один из мартовских дней 1710 г. в культовом помещении католиков (либо уже в церкви на Греческой улице, либо пока еще в публичной молельне ⁶), состоялось крещение сына Доминико Трезини Пьетро, воспринятого от купели Петром I и г-жой Крюйс, дочерью вице-адмирала Корнелия Ивановича. Помимо родителей — прославленного архитектора Доминико и его жены Гертруды ⁷, а также восприемников, участниками и свидетелями таинства стали генерал-лейтенант Вильгельм фон Берхгольц (отец известного голштинского камер-юнкера, оставившего интересный дневник), комендант Адмиралтейства А.В. Кикин, художник и резчик Ганс Конрад Оснер и еще восемь персон ⁸. Крещение Пьетро Трезини открыло череду церковных мероприятий с участием петербургской знати: в 1711 г. А.Д. Меншиков с женой выступили крестными для Доротеи, дочери Трезини ⁹; в 1714 г. С.Л. Рагузинский крестил дочь флорентийского купца Пьетро Салучи; в 1719 г. русские военные деятели и дипломаты генерал-лейтенант И.-Б. фон Вейсбах и бригадир П.Б. Лефорт крестили детей служившего военным секретарем у А.Д. Меншикова Иоганна Вюста; в 1720 г. восприемниками Петра, сына Себастиана-Мориса Логесси, стали генерал-майор Г.П. Чернышёв и П.П. Ягужинский ¹⁰. В разное время для детей петербургских католиков крестными становились Строгановы, Бутурлины, Румянцевы, Щербатовы, Черкасские, Голицыны и представители других знатных фамилий ¹¹. Эти крещения — сугубо частные, лишённые помпезности акты — были прологом к более масштабным придворным событиям, одним из которых стало венчание царского денщика Древника и крещение его первых детей.

Андрей-Казимир Древник, литовский дворянин, происходивший родом из Варшавы (согласно другим источникам — из Данцига), был взят Петром Великим в услужение в 1715 г., и очень скоро приобрел большое влияние на царя ¹². 1 августа 1724 г. в церкви Греческой слободы, «по высочайшему императорскому повелению», состоялось его венчание с Екатериной Фельтен, младшей дочерью обер-кухмистра, к тому времени находившейся уже «на сносях» ¹³. Ф.-В. Берхгольц так описал эти события: «Венчали их в присутствии императора, императрицы и многих знатных дам и кавалеров. Их величества, говорят, были на этой свадьбе очень веселы и не уезжали почти до 10 часов» ¹⁴. Однако уже два дня спустя, по сообщению того же Берхгольца, двор участвовал в крестинах новорожденного сына Древника: «Вечером император и императрица были опять у Древника, где в этот день были крестины, при которых присутствовали обе герцогини (Мекленбургская и Курляндская. — А.А.) и большое общество дам и кавалеров. Новорожденного нарекли Петром по имени императора, который и был его восприемником; но так как католический священник (им был о. Фаустин Шиманский. — А.А.) слишком растягивал обряд крещения, то его величество соскучился наконец держать младенца и передал его великому адмиралу (Ф.М. Апраксину. — А.А.)» ¹⁵. 21 декабря 1725 г. состоялось крещение второго сына Древника, Карла-Петера, которого из купели восприняла сама императрица Екатерина I в присутствии великого князя Петра Алексеевича, герцогини Курляндской Анны Иоанновны и А.Д. Меншикова ¹⁶.

По окончании строительства первого католического храма в Петербурге придворные стали посещать проводимые в нем траурные церемонии. Браунш-

вейг-люнебургский резидент Ф.-Х. Вебер в «Преображенной России» упоминал о похоронах «самоедского короля», состоявшихся с большой помпой в петербургском костеле в начале декабря 1714 г.: «Отпевание совершалось с большими церемониями в католической церкви, к которой он (“самоедский король” — А.А) принадлежал по своей вере, и при этой церкви он и погребен»¹⁷. Самоедский король, конечно, не был настоящим — то была шуточная должность, введенная Петром I наподобие «князя-папы» на знаменитых «Всешутейших и всепьянейших соборах», и ее обычно занимал придворный *bouffon*¹⁸. Вебер ошибочно писал о том, что погребенный при костеле «самоедский король» («хан», «царь») был поляком. Речь шла о французском дворянине Вимине (Вымени, Вимени), который некоторое время находился при польском короле, а затем стал придворным «дураком» Петра I — именно он в 1710 г. в Москве был «коронован» как «самоедский царь», он же исповедовал католическую веру¹⁹. Сообщение Вебера интересно тем, что является одним из наиболее ранних упоминаний о костеле Петербурга как о действующем храме, а также фиксирует практику захоронений при церкви.

Еще большим размахом отличались похороны католика контр-адмирала Яна Фангофта, состоявшиеся 27 марта 1726 года. В анонимном «Диариуше пути из Вильно в Петербург», посвященном пребыванию в столице Российской империи Бобруйского старосты Сапеги, находим краткое описание этой церемонии: «В пять часов того же дня состоялись торжественные похороны адмирала-иностранца и католика. Провожали генералы, полковники и три полка с музыкой, стреляли не только из пушек, но и полки из ружей. А поскольку католический костел еще не достроен, его сейчас как раз возводят из дерева, то тело положили в церкви св. Александра»²⁰. Секретарь Сапеги, по-видимому, допустил неточность: петербургский костел в это время не строили из дерева, а, наоборот, перестраивали в камне, причем его реконструкция уже подходила к концу. Прощание с контр-адмиралом не могло состояться в новой католической церкви, поскольку она не была способна вместить многочисленную публику — именно по этой причине тело католика было выставлено для прощания в одном из храмов Александро-Невской лавры.

В жизни петербургского католического прихода в XVIII в. деятельное участие принимали иностранные дипломаты — представители таких «христианнейших величеств», как австрийский император и французский король. Метрическая книга церкви зафиксировала факты крещения детей, воспитанниками которых выступили австрийский резидент Оттон-Антон Плейер²¹, секретарь австрийского посольства в России Николаус Себастиан фон Гогенгольцер²² и полномочный министр Франции Жак Кампредон²³. Отношения указанных дипломатов с духовенством и прихожанами костела не исчерпывались только присутствием на религиозных церемониях, но иногда приобретали характер политического взаимодействия и даже заговоров. Большая политика всегда приковывала к себе внимание патеров, рассчитывавших расширить сферу политического и религиозного влияния Рима, и служители петербургской церкви не стали исключением. Особенным рвением отличались иезуиты, которые вели тайную переписку с венским двором и оказались замешанными в дипломатическом скандале, вызванном бегством царевича Алексея из России. Широкие связи с дипломатами давали им возможность иметь свои собственные каналы передачи информации и рычаги воздействия на российскую политическую действительность.

Иезуиты служили в петербургской церкви с момента ее построения, то есть с 1710 года. Вышеупомянутое крещение Пьетро Трезини — первое зареги-

стрированное в метрике, — совершил иезуит Скотти²⁴, и присутствие на церемонии А.В. Кикина, вполне вероятно, способствовало его дальнейшему сближению с членами «Общества Иисуса», действовавшими тогда в интересах Австрийской империи²⁵. Кикин лично разрабатывал план бегства царевича Алексея Петровича, пытался заручиться в этом деле поддержкой австрийского кабинета, и иезуиты могли быть ему полезны²⁶. Патеры были в курсе местопребывания августейшего беглеца и тесно соприкасались с цесарским резидентом в России Плейером²⁷. Так, неожиданно для большинства прихожан, в 1716—1718 гг. костел Петербурга, окормляемый иезуитами Даниэлем Жировским, Иоганном Байером и Михаилом Энгелем, стал очагом политического заговора, приведшего Кикина на эшафот, наследника престола — к гибели в застенке, а иезуитов и резидента Плейера — к высылке из страны²⁸.

После этих драматических событий обосновавшиеся в столице капуцины попытались установить тайные сношения с сыном погибшего царевича, великим князем Петром Алексеевичем. Еще в начале 1724 г. о. Петр Хризолог добивался дарования привилегий католической церкви, надеясь на проавстрийскую политическую ориентацию окружения великого князя²⁹. Вследствие распрей, продолжавшихся в петербургском костеле между капуцинами и францисканцами за право служения и осуществления миссии³⁰, Хризолог в числе других священников был выслан из России в декабре 1724 г., но «задержался» в Ревеле, откуда намеревался вскоре вернуться в Петербург³¹. В столицу Российской империи он действительно вернулся уже в январе 1725 г., но под конвоем, так как был заподозрен в шпионаже и арестован³². В процессе следствия было выяснено, что петербургские капуцины рассчитывали установить связь с политическими кругами, оппозиционными Петру I и вступившей после него на престол Екатерине, надеясь на воцарение великого князя Петра Алексеевича, приходившегося австрийской императрице племянником. В интересах Хризолога действовали такие прихожане петербургской церкви, как упомянутый Древник, некая «придворная мадама Яганна» и переплетчик Войткен. «Мадама Яганна» была придворной служительницей императрицы и безуспешно хлопотала о разрешении Хризологу остаться в России, советуя ему не торопиться с отъездом из Ревеля. Связь с капуцином она держала через Войткена³³. Разговоры о своей политической миссии Яганна вела с другим прихожанином костела, купцом Джузеппе Мариотти, на церемонии крещения одного младенца, впрочем, не в католической церкви, а в лютеранской св. Анны, как о том докладывал пастор Шаттнер: «ибо когда он младенца крестил, на котором крещении мадама Ягана, такжеже господин Мариот — восприемниками были, где разговор имелся, в котором тако помянутая обнадежила, что она возвращение отца Петра у Ея Величества за милость себе выпросила, которого она ежедневно ожидает»³⁴. Это обстоятельство свидетельствует о том, что религиозные церемонии не были помехой для деловых разговоров и встреч. Войткен и Древник в ходе разбирательства не пострадали, поскольку в упомянутом деле выступали только корреспондентами. Древник в 1726 г. даже стал камер-юнкером при дворе императрицы Екатерины³⁵.

Знаменитый пожар, произошедший в Петербурге в ночь с 24 на 25 июня 1737 г., уничтожил всю Греческую слободу вместе с костелом³⁶. Однако уже через год именным указом императрицы Анны Иоанновны под строительство новой католической церкви была отведена земельная площадь на Невском проспекте³⁷, и «на новом месте вскоре появился небольшой каменный костел с помещениями, необходимыми для школы и церковных служителей»³⁸. На деле

это была всего лишь временная капелла — здание, приспособленное для церковных нужд на период строительства большого собора. По одним источникам, капелла была построена из дерева по проекту Пьетро Антонио Трезини не позднее 1743 г.³⁹; согласно другим сведениям, часовня размещалась в одном из каменных жилых корпусов, а именно в правом церковном флигеле будущего храма св. Екатерины (Невский проспект, 34)⁴⁰. Так или иначе, но именно эта капелла в течение четырех десятилетий была единственным местом католических богослужений в Петербурге, то есть выполняла храмовую функцию⁴¹. Возможно, капелла, или «малая каменная церковь на Невской перспективе», носила имя храма Благовещения Богоматери, так как под этим названием она упоминается у известного публициста XVIII в. академика И.Г. Георги⁴².

В русских источниках капелла устойчиво именовалась церковью, и уже в середине века служила топографическим ориентиром⁴³. По-видимому, она была не такой уж и маленькой, поскольку становилась местом проведения крупных мероприятий, имевших большой общественный резонанс. В частности, одним из таких мероприятий стала торжественная панихида по императрице Елизавете Петровне, состоявшаяся в «малом костеле» 9 марта 1762 г. в присутствии Петра III. Об этой заупокойной службе с исполнением музыки, сочиненной прихожанином петербургского костела, талантливым итальянским композитором Винченцо Манфредини⁴⁴, повествуют различные источники, впрочем, так или иначе восходящие к одному информатору — известному деятелю культуры XVIII столетия академику Якобу Штелину. Штелин, сопровождавший Петра III в ходе его визита в костел, в своих записках писал об императоре: «Спустя несколько дней после погребения императрицы [Петр III] отправляется в католическую церковь, где был построен катафалк и совершена была панихида с музыкой по императрице Елисавете, сочинения Манфредини; завтракает у пасторов и подписывает план их новой церкви»⁴⁵. Некоторые подробности церемонии находим также в «Дневнике статского советника Мизере» (по предположению А.Б. Каменского, его автором выступил тот же Штелин⁴⁶): «Заупокойная служба по ее императорскому величеству в католической церкви с музыкой в присутствии его императорского величества и многочисленной публики. Тут же его императорское величество пожаловал предписание на место для постройки католической церкви»⁴⁷. Достоверность этой информации подтверждается заметкой в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые также редактировал Штелин: «соизволил Его Величество во здешней большой католицкой церкви (sic!) слушать торжественную мессу по преставльшейся и в Бозе опочивающей Государыни Императрицы Елизаветы Петровны славныя памяти. Как поставленной для того в церковь катафалк, так и вся церковь приличным случаю великолепными преизрядно убраны были, а музыка получила всеобщую апробацию. По выходе из церкви соизволил Его Императорское Величество пробыть несколько минут у патров сея церкви и всемилостивейше апробовать представленной от них план к построению их главной церкви»⁴⁸.

В упомянутой капелле (малом костеле) на «Невской перспективе» была продолжена практика крещения католиков русской знатью. Книги церковного архива за 1750-е и 1760-е гг. зафиксировали участие в таинстве в качестве восприемников кн. Василия Голицына, Александра Корсакова, кн. Прасковьи Голицыной, барона Николая Строганова, генерала Ивана Михайловича Орлова, вице-канцлера гр. Михаила Илларионовича Воронцова, вице-президента военной коллегии гр. Захара Григорьевича Чернышёва и кн. Екатерины

Романовны Дашковой⁴⁹, а также ряда других лиц. 22 июня 1763 г. в капелле в праздничной обстановке было совершено крещение дочери полномочного министра Испании в России виконта Альвара де Начиа де ла Херрера (Эррера)⁵⁰.

Весьма памятной для петербуржцев стала торжественная панихида по австрийскому императору Францу I, состоявшаяся в петербургской католической церкви (все в той же капелле) 4 октября 1765 г. и отличавшаяся грандиозными масштабами. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Сего месяца 4 числа, т.е. в день святого Франциска, отправлено в здешней католицкой церкви, по учреждению римско-императорского полномочного министра кн. Лобковича, по покойном римском императоре Франциске Первом поминовение. Для смотрения печальной сей церемонии съехалось в церковь, кроме находящихся здесь иностранных министров, такое множество знатных обоего пола персон, что прочему народу не было места, как только при входе в церковь и в паперти»⁵¹. Естественно, помещение капеллы не было рассчитано на большое количество гостей и давно уже не соответствовало той роли, какую играл в жизни Петербурга латинский приход. Капелла была тесной и для самого быстро растущего прихода, так что первоочередной задачей петербургских католиков оставалось построение вместительного собора⁵².

Строительство большого костела на пожалованном еще Анной Иоанновной земельном участке у Невского проспекта было начато по проекту Ж.-Б. Валлен-Деламота в 1763 г. и с конца 1770-х гг. продолжалось под наблюдением архитектора А. Ринальди, бывшего к тому же приходским старостой от итальянцев⁵³. Закладка первого камня в основание церкви стала событием, которому Екатерина II сумела придать немалое политическое значение, подчеркнув свою сугубую милость к подданным католического вероисповедания: 16 июля 1763 г. официально от ее имени при большом стечении народа закладной камень в фундамент собора положил граф Франциск Санти — старейший оберцеремониймейстер российского двора, прихожанин петербургского костела еще с петровских времен⁵⁴. Тогда же была отчеканена специальная памятная серебряная медаль работы Ф. Дубута в честь закладки нового храма⁵⁵. Не менее значимым для Петербурга и всей империи мероприятием стала церемония освящения церкви, совершенная 7 октября 1783 г. архиепископом Халкидонским Джованни Андреа Аркетти «с великим торжеством»⁵⁶ и «в присутствии всего города» (как гласит надпись на мемориальной мраморной доске, расположенной под хорами на юго-восточной стене храма)⁵⁷. В 1784 г. в новопостроенном костеле римско-католическому архиепископу Станиславу Сестренцевичу чрезвычайным папским нунцием Аркетти был торжественно вручен епископский паллий (омофор), незадолго до того пожалованный российскому иерарху папой Пием VI. Этим актом папа официально признал то иерархическое устройство Римско-католической церкви, которое после первого раздела Польши создала Екатерина II в своей империи с целью ослабления папской власти. По сути, публичное вручение паллия Сестренцевичу стало крупнейшим политическим событием не только в российской, но и европейской истории. О его значимости свидетельствует та шепетильность, с какой обсуждался данный вопрос в дипломатических кругах⁵⁸. Для публичного подтверждения полномочий Сестренцевича со стороны Римской курии, а также с целью увековечить событие, в Петербурге тогда же была издана речь Аркетти, произнесенная им на церемонии вручения палия⁵⁹.

Новый костел на Невском проспекте, получивший статус главного католического храма России⁶⁰, освятили во имя св. великомученицы Екатерины

Александрийской. Эта церковь, будучи выдающимся памятником архитектуры раннего классицизма, сразу же стала достопримечательностью и украшением столицы, высотной доминантой ее Адмиралтейской части, ориентиром на местности, а также, и это, пожалуй, главное, — символом тех свобод, которые царили в области межконфессиональных отношений в Петербурге и в имперской России в целом. В конце XVIII в. в жизни России значительно возросло культурное и политическое значение католической церкви, о чем свидетельствует множество материалов — делопроизводственные документы, мемуары, дневники и даже литературные произведения. Семантика петербургского «языка культуры» уже тогда имела в себе выраженную «латинскую», католическую основу. Одним из первых ее уловил А.С. Пушкин, отметивший в своей автобиографии: «Меня везут в Петербург. Езуиты. Тургенев. Лицей»⁶¹. Однако еще прежде ощущение единства исторических судеб Европы и России, неотделимости духовной жизни российской столицы от культуры католических стран, передал Г.Р. Державин, откликнувшийся поэтическим произведением на крупнейшее из мероприятий, когда-либо проводившихся в церкви св. Екатерины. Речь идет о панихиде по «невинно убиенному» французскому королю Людовику XVI, состоявшейся 26 марта 1793 года. Заупокойная служба стала масштабной политической акцией екатерининского правительства, задавшегося целью не только привести к присяге на верность французской монархии петербургских французов-католиков, но и вызвать всеобщее осуждение революции и преступных действий против царизма «смутьянов» у католиков и православных, аристократов и простых горожан. Державин сочинил оду «На панихиду в католицкой церкви, бывшую в Санктпетербурге, по покойном короле французском». Поэт призвал народы к отмщению, причем свою музу, обретенную под сводами костела св. Екатерины, считал вполне способной повлиять не только на русское общество, но и на общественное мнение Европы: «Греми, о Муза! и искусством // Подвигни к жалости сердца, // Наполнь одним Европу чувством // К отмщению царского венца!»⁶². Державин признавал нравственные совершенства католиков за истинные добродетели, а католическую веру (попранную цареубийцами) — за подлинно христианскую, невзирая на конфессиональные отличия между римской и православной церквями. Безусловно, данная аксиологическая установка была выработана благодаря опыту культурного и религиозного общения православных и католиков Петербурга, не в последнюю очередь благодаря взаимному посещению храмов — в данном случае благодаря личному присутствию поэта в костеле, где находилась и Екатерина II вместе со своим великолепным двором.

Кроме панихиды по казненному французскому королю в церкви св. Екатерины были совершены и другие политически значимые религиозные церемонии, так или иначе связанные с французской революцией. К ним можно отнести крещение детей Валентина Эстерхази, неофициального посланника французских принцев при российском дворе, ставшего в сентябре 1795 г. чрезвычайным и полномочным послом Людовика XVIII в России⁶³. Русская императрица особенно благоволила к Эстерхази, оказывала ему немалую моральную и материальную поддержку, почитая в его лице эмигрантское французское правительство⁶⁴. 3 декабря 1793 г. каноником Маскле в петербургском костеле был окрещен сын посланника Жорж-Шарль-Валентин Эстерхази, причем его воспитателями выступили императрица Екатерина II и принц Карл Нассау-Зиген, рассчитывавший стать командующим русской армией в ее предполагаемых действиях против революционной Франции. 17 марта 1795 г.

состоялось крещение другого сына Эстерхази — Александра-Жозефа-Валентина, воспринятого из купели вице-адмиралом «ея величества» Иосифом Михайловичем Дерibasом в присутствии екатерининского фаворита Платона Зубова⁶⁵.

27 декабря 1797 г. в том же костеле была совершена публичная заупокойная служба по герцогу Вюртембергскому, отцу российской императрицы Марии Федоровны⁶⁶. 22 февраля 1798 г. Павел I с особой пышностью повелел отслужить мессу и произвести отпевание бывшего польского короля Станислава Понятовского, скончавшегося в Петербурге. Король был погребен в особом склепе под восточной частью трансепта церкви св. Екатерины⁶⁷. На его похороны, собравшие цвет столичного общества, из казны было выделено почти 52 с половиной тыс. руб.⁶⁸, богослужение совершали Сестрэнцевич и апостолический нунций Лоренцо Литта. Российские чины первых пяти классов были обязаны посменно дежурить у тела почившего польского монарха⁶⁹.

Участие петербургского дворянства в католических таинствах и пребывание вместе с католиками на публичных богослужениях укрепляло царившую при российском дворе атмосферу уважения и благожелательности к Римско-католической церкви. Контакты русской знати с ее представителями в XVIII в. были настолько тесными, что в отдельных случаях у петербуржцев возникали симпатии к католической религиозной традиции. Придворные и чиновники православного вероисповедания появлялись в костеле не только из соображений служебного долга или приятельских отношений с католиками-сослуживцами, но и по причине личного интереса к культовой жизни «латинян». В частности, образованные петербуржцы в 1720-х гг. посещали проповеди, читавшиеся в католической церкви, как о том объявил капуцин Аполлинарий: «понеже в соседстве с нами обитают многие греческого закона, которые разумеющие итальянской язык, когда слышали, что я предиду итальянскую имею сказывать, то прихаживали на оную мою предиду куриозности ради». Среди «прихаживающих» были генерал князь Кантакузин со своим племянником, граф Савва Рагузинский, «да еще двое великих господ, из которых один был советник Коммерц-коллегии, и много иных нижнего чина людей, которые в службе императорского величества и греческого исповедания суть»⁷⁰.

С петербургской католической церковью так или иначе были связаны многие русские католики из высшего света — гр. Алексей Петрович Апраксин, кн. Михаил Алексеевич Голицын, кн. Ирина Петровна Долгорукова с семейством. Спустя почти 20 лет после публичного отречения Долгоруковых от католичества в петербургском высшем свете еще помнили об их «отпадении», причем вспоминали эту историю без осуждения⁷¹. В конце XVIII столетия при российском дворе вообще установилась своеобразная мода на католическую веру и культуру, все чаще появлялись тайные прозелиты из аристократической среды, склонные противопоставлять римскую веру «избранных» — православной вере простонародья. Немало этому способствовали петербургские иезуиты, обосновавшиеся в костеле св. Екатерины и получившие от императора Павла большие привилегии⁷². Нередко русские вельможи «преклонялись пред патером-иезуитом, который, будучи по образованию и воспитанию своим человеком в аристократическом кружке, вел с ними религиозные беседы на французском языке, со всею присущею католицизму театральностью: русский “поп”, мало чем отличавшийся тогда от простого мужика, был, конечно, чересчур яркой противоположностью отцу-иезуиту»⁷³. Обращения в католичество, по

мнению кн. Н.Н. Голицына, автора родословной своего семейства, — явление «легко объяснимое условиями жизни верхних слоев русского общества в XVIII в. и в начале XIX-ого, легко прельщавшегося подражанием заграничной и французской жизни, и также легко поддававшегося влиянию иезуитов, за границую и в России»⁷⁴.

Помимо отмеченных конфессиональных увлечений, православных петербуржцев притягивало в костел музыкальное оформление богослужений. Настоятели и приходские старосты всегда уделяли повышенное внимание тому, что звучит в их церкви и как звучит, справедливо рассчитывая на внимание знатоков и меломанов из русских вельмож. Храмовые служители непрестанно заботились о сотрудничестве с профессиональными музыкантами, пытались найти таковых в своей среде или же обучить способных к музыке людей. Для качественного музыкального сопровождения месс приглашались профессионалы даже из соседних лютеранских общин — например, в 1731 г. музыкантом петербургского костела значился лютеранин Петр Цахей⁷⁵. Патеры петербургской католической церкви, известные столичным любителям музыки своими красивыми службами, сотрудничали со многими музыкантами придворной капеллы⁷⁶. Мессы сочиняли первоклассные композиторы, которые одновременно в течение ряда лет являлись прихожанами костела, — уже упомянутый Винченцо Манфредини и придворный капельмейстер Джузеппе Сарти⁷⁷. В результате петербургский католический приход пользовался заслуженной музыкальной славой, став центром европейской музыкальной культуры в русской столице. Сын гетмана П.Д. Апостол в Петербурге в 1725—1726 гг., например, не раз ходил «послушать обедню в римско-католической церкви»⁷⁸. Колоссальное впечатление от музыки Сарти передал Державин в оде «На панихиду Людовика XVI»: «Звук слышу мусикийский в стене, во мраке гром, во блеске лик»⁷⁹. Католическая церковь Петербурга становилась для русской знати чем-то вроде «клуба по интересам», где можно было продолжить общение в неофициальной обстановке. Весьма любопытна в этом отношении запись, сделанная учителем и наставником великого князя Павла Петровича С.А. Порошиным в дневнике 31 марта 1765 года. Порошин описывал обед в покоях цесаревича, на котором присутствовали составлявшие «малый двор» лица — генерал-аншеф П.И. Панин, камергер и вице-президент адмиралтейской коллегии И.Г. Чернышёв, камергер А.Ф. Талызин, А.С. Строганов и др., причем, как отметил Порошин, «по окончании обеда все разъехались, многие в католическую церковь поехали, мы с цесаревичем только остались»⁸⁰.

Таким образом, приход петербургских католиков в XVIII столетии выступал одним из значимых центров политической и культурной жизни России — костел Греческой слободы, а затем и храм на Невском проспекте не раз становились ареной придворных событий и интриг, местом проведения политических акций, демонстрируемых петербургским двором и российским правительством Европе, с которой прихожане-католики сохраняли самые тесные связи. Костел был центром притяжения симпатизировавших «латинству» русских аристократов и просто уголком европейской духовной культуры, притягивавшей широкий круг лиц. Петербургский католический приход в немалой степени способствовал расширению межконфессиональных связей в столице — как между католиками и православными, так и между католиками и протестантами. Политика европеизации и модернизации России объективно выдвигала петербургскую католическую церковь на первый план в религиозном ландшафте «Петровского парадиза», превращая церковную жизнь «латинян» в фактор развития

светской столичной жизни, в ходе которой высшее общество усваивало некоторые принципы католической религиозной культуры. Недаром А.И. Герцен писал: «В Петербурге можно прожить года два, не догадываясь, какой религии он держится; в нем даже русские церкви приняли что-то католическое»⁸¹. В этой трансформации русской национальной культуры, которую, конечно же, нельзя оценивать однозначно, петербургские католики сыграли едва ли не ключевую роль, соперничая по степени воздействия на модернизационные процессы в России только с протестантами.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01205.

1. АЛАКШИН А.Э. Иностранцы в Петербурге XVIII века. Опыт историографического исследования. СПб. 2014.
2. СЕМЁНОВА Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.-СПб. 1998, с. 29.
3. АЛАКШИН А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск. 2006, с. 49—62.
4. О молельне католиков см.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 7.
5. Там же.
6. Исследователи сходятся во мнении, что появление метрической книги однозначно указывает на существование у петербургских католиков церкви. См.: ХАНКОВСКАЯ Р. Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб. 2001, с. 22. Первая запись в метрике сообщает нам как раз о крещении Пьетро Трезини, однако сделавший запись префект Микеланджело да Вестинье не указал место проведения таинства. Из церковной же практики католиков следует, что младенца могли окрестить и в доме Доминико Трезини, где до построения храма располагалась молельня.
7. Имя второй жены Доминико Трезини до сих пор считают неустановленным. См.: МАЛИНОВСКИЙ К.В. Доминико Трезини. СПб. 2007, с. 132. Однако в метрической книге петербургских католиков ее имя (ее звали Гертрудой) упоминается неоднократно. См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 2—3.
8. Там же, л. 2.
9. Они также крестили Барбару Фонтана — дочь Франческо Фонтана. См.: Там же, л. 2—2об.
10. Там же, л. 3об., 10об.—11.
11. Там же, л. 9об.—10, 17об.—18, 19об.
12. Автобиографические показания о происхождении, приезде в Россию и службе прадеда Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала, и деньщика Петра Великого, Андрея Козмича Древника. — Русский архив. 1891, вып. 5, с. 102—103. Ср.: БЕРХГОЛЬЦ Ф.-В. Дневник камер-юнкера. Неистовый реформатор. М. 2000, с. 138.
13. Знаменитый архитектор Георг Фридрих (Юрий Матвеевич) Фельтен приходился Екатерине Фельтен дальним родственником: отец архитектора Матиас являлся троюродным братом обер-кухмистра Иоганна Фельтена, отца Екатерины. См.: КОРШУНОВА М.Ф. Юрий Фельтен. Л. 1988, с. 9.
14. БЕРХГОЛЬЦ Ф.-В. Дневник камер-юнкера. Юность державы. М. 2000, с. 241.
15. Там же, с. 241—242; Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 4. М. 1860, с. 76. Ср.: ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 22об.
16. ЦГИА СПб., л. 25.

17. Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях. — Русский архив. 1872, вып. 6, стб. 1104. Ср.: ВЕБЕР Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб. 2011, с. 42.
18. Записки Вебера. — Русский архив. 1872, вып. 6, стб. 1090; вып. 9, стб. 1652.
19. ЮЛЬ Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. Лавры Полтавы. М. 2001, с. 105—106.
20. БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 205.
21. В 1717 г. царский резидент О. Плейер стал крестным некоего Александра, незаконнорожденного сына одной служанки. См.: ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 7.
22. Там же, л. 24об.
23. Там же, л. 19об.—20, 26.
24. Там же, л. 2.
25. Известно, что царевич Алексей рассчитывал на содействие венского двора для утверждения своей власти в России, а российские иезуиты были важными информаторами и политическими агентами австрийских Габсбургов. Доказательств политических связей Кикина с петербургскими иезуитами в нашем распоряжении нет, но логика развития событий наталкивает на мысль об их возможности. См.: ФЛОРОВСКИЙ А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Acta Universitatis Carolinae. Historica. 1955. Praha. 1955, S. 25, 30.
26. На дыбе Кикин признался, что указывал царевичу: «Ежели у цесаря случая не будет, то изволишь ехать к папе и в другие места». См.: ПАВЛЕНКО Н.И. Царевич Алексей. М. 2008, с. 153.
27. ПЛЕЙЕР О. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии. М. 1874, с. 12—20.
28. Обстоятельства изгнания иезуитов из России в 1719 г. изложены в следующих источниках: Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. Ч. 2. СПб. 1772, с. 444—447; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 152, оп. 1 (1719 г.), д. 1, л. 2—44; д. 3, л. 2—4об.; ф. 7, оп. 1, д. 58, л. 1—3.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 6, д. 126, л. 5.
30. Конфликт разразился в 1720 г., когда в Петербург прибыл францисканец Яков Деолегио, наделенный от Римской курии полномочиями суперiorsа. К тому времени миссией в Петербурге заведовали капуцины, не пожелавшие уступить церковь францисканцам. В конце 1724 г. Петр I повелел выслать представителей обоих орденов за «неспокойное житье». В конфликте принимал участие Ж. Кампредон, поддерживавший капуцинов. Подробнее см.: КУЗНЕЦОВ Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 75. Ярославль. 1898, с. 67—76.
31. РГИА, ф. 796, оп. 6, д. 126, л. 4—5об.
32. РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 204, л. 2—17об., 19, 63.
33. РГИА, ф. 796, оп. 6, д. 126, л. 6; РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 204, л. 17—18.
34. РГИА, ф. 796, оп. 6, д. 126, л. 19об.; РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 204, л. 18об.
35. Автобиографические показания о происхождении, приезде в Россию и службе прадеда Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала, и деньщика Петра Великого, Андрея Козмича Древника, с. 103.
36. РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 1032, л. 31об.
37. Именной указ Анны Иоанновны от 14 сентября 1738 г. отводил земельную площадь на Адмиралтейской стороне по просьбе католической общины. См.: ПСЗ Российской империи. Т. 10. СПб. 1830, № 7654, с. 612.
38. KLUCZEWSKI E. Parafia i koscioł Sw. Katarzyny w Petersburgu. W.—SPb. 1894, S. 133. Цит. по: ХАНКОВСКА Р. Ук. соч., с. 28.

39. ОЗГРИН В.Е. Примечания. В кн.: ХАВЕН П. фон. Путешествие в Россию. СПб. 2007, с. 250. Ср.: СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 186.
40. АРЖАНУХИН В., ДРЕМЛЮГ А. Трехсотлетие католической общины Санкт-Петербурга. — Символ. 2002, № 46, с. 200—201.
41. ХАНКОВСКА Р. Ук. соч., с. 35; БАЗЫЛЁВ Л. Поляки в Петербурге. СПб. 2003, с. 229.
42. ГЕОРГИ И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб. 1794, с. 108, 280.
43. См., напр., объявление в Санкт-Петербургских ведомостях от 9 октября 1752 г.: «У тирольца Андриша Мерингера имеются привезенные из Тироля разных колеров и хорошего голосу кенарейки, и ежели кто оных купить пожелает, те могут его сыскать у Католицкой кирки, где живут нирнбергцы». Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 2. Литературные источники XVIII в. (1726—1762). М. 2003, с. 694.
44. Винченцо Манфредини жил в Петербурге с 1755 по 1769 г. и являлся учителем музыки великого князя Павла Петровича. См. справочный аппарат в книге: Екатерина. Путь к власти. М. 2003, с. 349.
45. ШТЕЛИН Я. Записки о Петре III. Екатерина. Путь к власти. М. 2003, с. 37. В источнике идет речь о проекте католической церкви св. Екатерины Александрийской, разработанном в 1761 г. Ж.-Б. Валлен-Деламотом.
46. КАМЕНСКИЙ А.Б. От Петра III к Екатерине II: Екатерина. Путь к власти, с. 311.
47. Там же, с. 58.
48. Санкт-Петербургские ведомости. 12.III.1762, № 21 (без пагинации).
49. ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 2, д. 1, л. 12об., 16 (все — в 1750 г.), 18 (1751 г.), 21 (1752 г.), 68—69об. (1764 г.).
50. Там же, л. 65.
51. Санкт-Петербургские ведомости. 11 октября 1765 г. № 81 (без пагинации).
52. Об этом 2 мая 1761 г. особым мемориалом канцлеру М.И. Воронцову представляли супериор Доминик и подчиненные ему патеры петербургской церкви. См.: АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1 (1761 г.), д. 1, л. 3—4об.
53. Ведомость о С.Петербургской Римско-католической приходской св. великомученицы Екатерины церкви. См.: РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 493, ч. 1, л. 11.
54. Граф Ф.М. Санти, уроженец Пьемонта, упоминается в ряде церковных документов с 1724 года. См.: АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 15—19. 16 октября 1725 г. он был восприемником сына генерал-аншефа графа П.П. Ласси. См.: ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 24об.
55. ХАНКОВСКА Р. Ук. соч., с. 45.
56. ГЕОРГИ И.Г. Ук. соч., с. 280.
57. ХАНКОВСКА Р. Ук. соч., с. 87.
58. См.: Проект инструкции русскому послу в Риме относительно разработки церемониала вручения паллия епископу Могилевскому. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 917, оп. 1, д. 29, л. 1—2об.; Записка о петербургской миссии Иоанна Андрея Аркетти, архиепископа Халкидонского. См.: Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 73 (Бильбасов В.А. и Краевский А.А.), № 238, л. 42.
59. АРКЕТТИ Дж.А. Слово о тайнообразии римско-католического омофора, возлагаемого Папою на Римских Священноначальников и о важности Пастыреначальнического их сана, говоренное в новой римско-католической церкви в Санкт-Петербурге, по случаю присланного от Папы Римского сего священного украшения Могилевскому Римско-католическому Архиепископу и польских орденов кавалеру Сестрэнцевичу-Богушу, которое и возложено на него в вышеобъявленной церкви, находящимся при здешнем Императорском дворе послом Папы Римского, архиепископом Халкидонским (что ныне кардинал) г. Аркетти. СПб. 1784.

60. Таковым он стал еще задолго до окончания строительства, о чем свидетельствует Регламент, данный Санкт-Петербургской римско-католической церкви от 12 февраля 1769 года. См.: ПСЗ Российской империи, т. 18, с. 833, № 13252; Законодательство Екатерины II. Т. 1. М. 2000, с. 1004.
61. ЛОТМАН Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии. В кн.: ПУШКИН А.С. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 3. СПб. 1994, с. 240.
62. ДЕРЖАВИН Г.Р. Сочинения. Т. 1. СПб. 1864, с. 532—537.
63. БОВЫКИН Д.Ю. Признание Людовика XVIII (взгляд из России). Россия и Франция. XVIII—XX века. М. 2003, с. 60.
64. ЭСТЕРГАЗИ В.Л. Из воспоминаний. — Русская старина. 1906, т. 128, № 12, с. 630—648.
65. ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 29, л. 63об., 71об.
66. МОРОШКИН М.Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. 1. СПб. 1867, с. 307.
67. ХАНКОВСКА Р. Ук. соч., с. 141.
68. Копию расходного документа см.: Там же, с. 148.
69. ГЕЙКИНГ К.-Г. Император Павел и его время. Записки курляндского дворянина. 1796—1801. — Русская старина. 1887, т. 56, № 11, с. 392.
70. РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 204, л. 61об.
71. ПОРОШИН С.А. Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича. Русский Гамлет. М. 2004, с. 297.
72. 18 октября 1800 г. был опубликован указ о передаче руководства петербургским католическим приходом «Обществу Иисуса». Иезуитам было даровано право пользоваться доходами с имущества костела св. Екатерины, а чуть позднее они были выведены из подчинения митрополиту С. Сестрэнцевичу. См.: РГИА, ф. 826, оп. 1, д. 1027, л. 135; ПСЗ Российской империи, т. 26, с. 347. № 19608.
73. ШУМИГОРСКИЙ Е. Предисловие к «Запискам графини В.Н. Головиной». — Исторический вестник. 1899, т. 75, № 1, с. 41.
74. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных, собранные князем Н.Н. Голицыным. Киев. 1880, л. 112.
75. РГИА, ф. 796, оп. 12, д. 48, л. 3.
76. ГЕОРГИ И.Г. Ук. соч., с. 281.
77. Приглашен в Россию Екатериной II на должность придворного капельмейстера в 1784 году. С 1786 г. — на службе у кн. Г.А. Потемкина (пребывал на юге России), с 1790 по 1801 г. — снова в Петербурге. См.: ФИНДЕЙЗЕН Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 2. М.-Л. 1929, с. 131—141, 253—260.
78. Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. — май 1727 г.). — Киевская старина. Киев. 1895, т. 50, № 7—8, с. 126, 143.
79. ДЕРЖАВИН Г.Р. Ук. соч., с. 532.
80. ПОРОШИН С.А. Ук. соч., с. 197.
81. Цит. по: ОВСЯННИКОВ Ю.М. Великие зодчие Санкт-Петербурга. Трезини. Растрелли. Росси. СПб. 2000, с. 94.

Русская армия накануне Февральской революции 1917 г. в оценке историков Русского Зарубежья

Д.С. Платонов

Изучая правление последнего императора, занимавшего российский престол, историки-эмигранты в своих трудах вынуждены были остановиться на событиях первой мировой войны, приблизивших революцию в Российской империи. Вопросы, касающиеся боеспособности, снабжения, дисциплины и поддержания военного духа русской армии стали ключевыми при отборе исторических фактов. Тем не менее, разная политическая ориентация ученых Русского Зарубежья не позволила им одинаково интерпретировать одни и те же события. Это отчетливо видно на примере оценки состояния российских войск накануне февральского политического выступления 1917 года.

По мнению монархиста С.С. Ольденбурга, начало войны вызвало огромный патриотический подъем в стране, включая даже ту часть русской интеллигенции, которая относилась враждебно к правительству и власти: почти во всех городах проходили «большие патриотические манифестации». В деревнях народные массы, хотя и не испытывали «особого энтузиазма», но к участию в военных операциях отнеслись «как к выполнению естественного долга перед Царем и отечеством»¹. Однако уже в начале 1915 г. «в обывательских массах» стала проявляться «некоторая усталость от войны». Дело в том, что в то время «обывательские надежды» возлагались больше на «неизбежность голода в Германии», чем «на чисто военные успехи», а введение хлебных карточек в Германии было воспринято в России «как признак близкого крушения врага».

Но эти прогнозы не увенчались успехом. В то же время русскую армию поджидал другой вид «голода», проявивший себя в недостатке военного снабжения. Ольденбург видит причину дефицита оружия в том, что в правительстве, как и в обществе, господствовало мнение, что «война будет короткой», поэтому военное ведомство во главе с В.А. Сухомлиновым «не проявило за первые месяцы войны достаточной заботы об усилении производства военного снабжения... Казалось бесполезным тратить средства на постройку заводов, которые могли бы начать работать, в лучшем случае через полтора или два года». Пытаясь «скрыть это слабое место от глаз врага», представители военного ведомства были вынуждены держать этот факт в секрете и от русского общества, навлекая впоследствии на себя «тяжелые нарекания, доходившие до обвинения в измене». «Особенно ярко» нехватка снарядов и ружей проявилась в

Платонов Дмитрий Сергеевич — аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

конец весны — начала лета 1915 г., когда немецкие войска перешли в наступление. Это событие «оказало самое деморализующее действие» на солдат. Сразу же пошли разговоры о том, «что это — измена, что армию нарочно оставляют без снарядов», что генералы и министры являются предателями. Российское общество в городах «уже и без того, по традиции, готовое обвинять власть», особенно сильно негодовало из-за утраты Перемышля 27—29 мая 1915 года. Возмущение, сочетавшее «патриотическое негодование» и революционно-погромные эксцессы, нашло свое воплощение в Москве, где за три дня волнений городу был нанесен ущерб в размере «около 40 милл. рублей»².

Летом 1915 г. «толки об измене» и шедшие с фронта «вести о невероятном возмущении офицерства» вынудили Николая II «расстаться с В.А. Сухомлиновым» и встать во главе армии. Смена Верховного командования «вопреки паническим заявлениям в столицах» «была воспринята, как должное» и не вызвала возмущения в среде солдат и офицеров. «Расставание» с бывшим военным министром, возбуждение следственного дела о его деятельности и предание его суду по обвинению в измене в дальнейшем имело «самые вредные последствия». В интерпретации Ольденбурга, Николай II согласился на этот шаг только в угоду «настроениям общества», хотя «был совершенно убежден» в невинности министра. «Официальное признание возможности подобного факта» не только поставило в недоумение союзников, принятая мера «расшатывала дух страны, сеяла в народе сомнения в высших носителях власти и способствовала зарождению толков о дальнейших “изменах”». Эта уступка «общественному мнению» имела только самые вредные последствия»³.

«Возбуждение» страны, связанное с отступлением на фронте в 1915 г., «не было тождественно с той кампанией против власти, которую пыталась на нем построить оппозиция; агитация блока оставалась на поверхности». Однако к осени 1915 г. в рабочей среде идея мира начала пускать «все более глубокие корни». «“Циммервальдские” настроения» не оставили без внимания и студенчество. В начале первой мировой войны большинство учащихся ушло воевать добровольно. Призыв в начале 1916 г. вызвал акции протеста в учебных заведениях, где «ораторы заявляли, что, если они и пойдут в армию, то исключительно с целью революционной пропаганды»⁴.

Осенью 1916 г. военные тяготы стали ощущаться «всем населением России». «Продовольственное положение еще оставалось сносным», однако цены резко подскочили, и в народе «возникал страх как бы зимой не пришлось испытать голод». «Раздавались жалобы» и на расстройство транспорта в стране (хотя транспорт в тот год «был... повсюду слабым местом: французская Палата посвятила несколько закрытых заседаний тому же вопросу о “кризисе перевозок”»). Однако военное положение значительно улучшилось по сравнению с предшествующим годом: «не только не было уступлено лишней пяди русской земли», но, наоборот, было отвоевано много новых территорий. Русская армия в течение всей кампании 1916 г. «была снабжена *удовлетворительно*», а привлечение материалов статистики дало автору возможность сделать вывод, что к концу того же года «*производство военного снабжения увеличилось в огромных, поразительных размерах*»⁵, а в 1917 г. военная мощь России «должна была достигнуть высшей точки».

Но в России власть «никогда не отличалась умением саморекламы», поэтому «большинство населения» страны «*совершенно не отдавало себе отчета в гигантских достижениях этого года*»⁶. Народные массы, принимая лозунг «все для войны» не в силах были осознать, что лозунг этот «сулил суровые ограничения для тыла».

К концу 1916 г. «дух воинского устава... был крепок», так как мог «поддерживать дисциплину в восьмимиллионной солдатской массе», а количество дезертиров «оставалось ничтожным». В народных слоях и армии престиж власти царя «противостоял явлениям распада». Подобного

нельзя было сказать о столице: в городском пролетариате «этот престиж уже почти исчез», а общество вместе с высшими слоями «с самоубийственным рвением работало над разрушением веры в Царскую власть, раздувая недочеты, повторяя сплетни и наветы, подавая пример неуважения»⁷. Эта работа ставила себе одну цель — «добиться перемены строя». Общество соединило патриотический настрой первых дней войны со старыми стремлениями интеллигенции при помощи формулы: «это нужно для победы».

В интерпретации Ольденбурга, Николай II «знал больше», нежели «политические деятели», поэтому «общее положение» государю виделось «гораздо яснее», чем им. В связи с этим царь, как и в предшествующие годы войны, считал, что «нет иного пути, кроме войны до победы», в то же время, полагая, что «главная опасность» находилась не на фронте, а в «самой России».

По мнению автора, в течение первой мировой войны беспорядки на улицах городов «были, сравнительно, редки». Однако в самой столице и ее окрестностях к началу 1917 г. скопилось «около 200 000 человек» солдат. Это были, в большинстве случаев, «новобранцы, не выдавшие огня»; и к началу весеннего наступления, то есть к концу марта 1917 г. планировалось эти части в полном составе отправить на линию фронта. Эти солдаты жили столичными слухами и общались с пролетариатом, настроенным пораженчески. Рассказы вышедших из лазаретов людей «об ураганном огне, о газах, о страшных потерях», а также «речи и резолюции против правительства», опубликованные во всех газетах, не создавали оптимизма в столичной солдатской среде. Поэтому вполне естественно, что солдатская масса страстно жаждала «чуда, которое избавило бы ее от необходимости “итти на убой”»⁸. Внутриполитические события, развернувшиеся в столице в конце февраля 1917 г. действительно были для солдат столичных гарнизонов «чудом». На протяжении всей ночи с 26 на 27 февраля 1917 г. военный министр генерал Беляев и командующий войсками округа генерал Хабалов «получали тревожные сообщения из казарм». Утром 27 числа восстал Волынский полк, убив капитана Лашкевича — начальника учебной команды; затем, по мере развития событий, к ним присоединились «павловцы и литовцы».

В интерпретации Ольденбурга, февральское политическое «выступление» для солдат «было много страшнее, чем для рабочих: “вы вернетесь к себе домой, а мы под разстрел”, говорили солдаты рабочим-агитаторам, которые звали их на демонстрации». Поэтому вооруженные солдаты не стали жертвой агитации, а вышли на улицу сознательно, так как «знали, что совершали преступление и что только успех может обеспечить им безнаказанность». Лишенные офицеров, солдатские массы превратились «в зловую и трусливую» «вооруженную толпу». 28 февраля 1917 г. политическое выступление «перекинулось в окрестности столицы». В Царском селе были разгромлены склады со спиртными напитками, а в Кронштадте события приняли «особенно кровавый характер: восставшие матросы убили адм. Вирена, десятки офицеров были истреблены, остальных заточили в подземные казематы»⁹. Анархический солдатский бунт в столице, начавшийся в конце февраля 1917 г. прекратить было невозможно; его можно было только подавить, тем самым, предотвратив «начавшийся развал, и дать России шанс продолжать войну». Но, как известно из истории, события стали разворачиваться иначе.

В интерпретации лидера партии кадетов П.Н. Милюкова внешние и внутриполитические события представлены иначе. Бессилие власти, проявленное в течение первой мировой войны, придвинуло революционные события в стране. В начале 1915 г. военное ведомство в лице генерала Сухомлинова обнаружило «полную беспомощность»: Россия «в техническом отношении» оказалась неподготовлена к войне. Поэтому уже весной 1915 г., когда русские войска стали терпеть поражения «вследствие отсутствия в армии достаточного количества ружей, патронов, снарядов»¹⁰, переворот внутри страны «был поставлен на очередь». Тем не менее, по его версии, не только Российская империя «очутилась в этом положении», но и другие

воюющие страны; однако там «недостатки» были быстро устранены «в согласии с народным представительством». На Западе подобного рода союз «всей страны с властью» привел «поистине» к чудодейственным результатам; в России «весь пыл и энтузиазм народного представительства» «пропал даром».

1916 г. «прошел сравнительно вяло» по сравнению с предыдущим 1915. Тем не менее, конфликт власти и общества не прекратился: с верхушки общества «брожение» спустилось в нижние слои. Постепенно начался «распад в стране» и «разложение армии». В придворных кругах и особенно в армии, «где затычка кризиса ощущалась особенно болезненно»¹¹, разговоры о грядущей «насилованной развязке» становились «все сильнее». Автор подчеркивает, что «и там, и здесь» «особые надежды» возлагались на Государственную Думу.

«Подготовка к революционной вспышке» в столице велась «весьма деятельно» с начала 1917 г. не только в рабочей среде, но и «в казармах петроградского гарнизона»: революционные кружки вели активную пропаганду среди солдат. Однако в феврале месяце «застрельщиком» должен был стать пролетариат. Вечером 26 февраля началось восстание Волинского и Литовского полков. 27 февраля, когда власть перешла к Государственной Думе, воинские части, находившиеся в Петрограде и его окрестностях, «одна за другой» и «в полном составе», включая и офицеров, «переходили на сторону Государственной Думы». Таким образом, в концепции Милюкова, «неудачный ход войны» способствовал успеху февральских событий «в лице ее решающих факторов (дума, военные вожди)»¹².

Концепция историка С.П. Мельгунова дает читателям еще один взгляд на состояние русской армии и общества накануне февральской революции. В первые месяцы войны в стране не наблюдалось «подлинного национального подъема», предполагавшего, что в сознании народа прочно укоренилась мысль — «отечество в опасности». Вместо этого был «гипноз» — «шовинистический угар», способный быстро улетучиться после первой неудачи на театре военных действий. В момент наступления войны «все внутренние вопросы», разделявшие уже долгое время общество и власть, были «безоговорочно сняты с очереди», однако у российского общества тогда «не было сознания ответственности».

Первые неудачи на внешнем фронте в 1915 г. «повысили нервозность» в обществе. Вся вина за поражения была возложена на военное министерство, в частности на военного министра Сухомлинова. С этого периода поползли слухи об измене.

Обнаружившийся недостаток снарядов историк склонен объяснить господствовавшим в тот момент «всеобщим заблуждением», что война не будет долго длиться. Тем не менее, все трудности военного времени ложились «на необеспеченные классы», вследствие чего «классовые противоречия» начинали обостряться. «На этой почве» большевистская пропаганда получала значительный успех в рабочей среде: число пораженцев увеличивалось; в деревнях и городах «все чаще и чаще» «правительственная агентура отмечает грозные крики: “Долой войну” и жажду скорейшего мира». Автор отмечает, что на протяжении войны в рядах русской армии «не было энтузиазма» воевать, тем не менее, она по-прежнему «сохраняла свою мощь». Поэтому «узел завязавшейся драмы» находился не на фронте, а в тылу, «где озлобление масс... достигало уже “исключительных размеров”»¹³.

В интерпретации Мельгунова, после первых военных неудач в 1915 г. верховная власть под давлением «со стороны общественности» «шла более или менее на уступки». Постоянную смену министров как раз и можно объяснить уступками верховной власти, «правда, не достигших целей и часто неудачных по существу»¹⁴. Бессилие власти накануне февральских событий 1917 г. автор склонен объяснять тем, что в условиях войны стране нужна была диктатура, «в форму которой выливалось управление в Западной Европе»¹⁵. Однако там диктатура образовывалась «как бы с согласия общественности»; в Российской империи подобная форма правления могла

быть только «наперекор общественности». Таким образом, поставленная в Совете министров в 1915 г. дилемма — «военная диктатура» или «примирение с общественностью» — так и осталась висеть в воздухе, порождая бессилие власти.

«Заговорщический пыл» в столице «не мог не отразиться на фронте»: с конца декабря 1916 г. до ставки начали доходить «уже определенные слухи о дворцовом перевороте». Поэтому в военной среде родился свой заговорщический план, инициатором которого был Гучков, имевший «непосредственные связи с Румынским и Северным фронтами». Однако «подготовка шла медленно», и только к марту планировалось «подтянуть» к столице «верные воинские части».

В оценке Мельгунова, общее положение Российской империи представлялось современникам гораздо более трагичным, чем это было в действительности. Причем ситуация в тылу намного быстрее побуждала «организовать общественность», чем события на фронте. Тем не менее, «русская общественность» в годы войны «оказалась столь же раздробленной, как и в прежние годы», поэтому Февральская революция «началась сама по себе», навалившись «негаданно», и застав русское общество «в состоянии растерянности и неподготовленности». В тот февральский «короткий миг» народ и общество «как бы сливаются» воедино: происходит братание «народа и армии», появляется «наносной», «скоропелый», «но все же стихийный» «энтузиазм». Военная власть, не подозревая о том, что запасные батальоны в грозный час могут перейти на сторону рабочих, создала в столице в начале 1917 г. «крупную резервную базу» для Северо-Западного фронта. Вместе с тем и правительственная власть наряду с военной не заметила, что «армия перестала быть армией, а превратилась в вооруженный народ» уже в августе 1915 года. Поэтому, по версии автора, сбылось пророчество Бюкенена, сказанное «в преддверии 1917 г.: если будут беспорядки, войска не будут стрелять»¹⁶.

Таким образом, по мнению историка, в течение длительного времени демократическая и либеральная общественность стремилась устранить «постыдный режим» для того, чтобы привести Россию к победе. В то же время правые «во имя той же победоносной войны» требовали уничтожения Государственной Думы, как «источника брожения в стране». Смена политического режима насильственным образом во время войны «ставила под сомнение победоносный конец войны». Из этой ситуации можно было выйти, сохраняя в этом вопросе «status quo: государственная машина как-то скрипела, дело победы приближалось» (в этом были в действительности уверены и правительство и находившийся к нему в оппозиции прогрессивный блок)¹⁷.

Подводя итоги, следует признать, что в трех концепциях историков Русского Зарубежья присутствуют как общие черты, так и различия в оценке состояния русских войск накануне Февральской революции 1917 года. Общей для всех явилась, в основном, событийная канва, составляющая любое историческое повествование: смена патриотического подъема первых дней войны пессимистическими настроениями; нехватка снарядов в 1915 г. и как следствие этого — неудачи на внешнем фронте и первые разговоры об измене внутри страны; рост большевистской пропаганды; политическое выступление солдат столичных гарнизонов в конце февраля 1917 года.

Различия между историками заключались в объяснении, оценке и интерпретации этих фактов. Например, нехватку снарядов в 1915 г. Ольденбург и Мельгунов склонны объяснять «всеобщим заблуждением», что война не будет длиться долго, в отличие от Милюкова, который связывал причину дефицита с «полной беспомощностью» властей. Исходя из этого, лидер прогрессивного блока видел единственный выход из создавшейся ситуации в смене политического строя. Монархист по убеждениям Ольденбург, наоборот, был категорически против такого решения, аргументируя свою позицию тем, что царская власть быстро справлялась с трудностями военного времени, которые носили не местный, а всеевропейский характер: введение карточек в 1915 г. в Германии, расстройство транспорта в 1916 г. во Франции. Поэтому

единственное, что нужно было делать обществу во время войны, чтобы привести страну к победе, а не к поражению — стойко сносить ее тяготы и довериться Николаю II, знающему и понимающему намного «больше», чем другие. Историк Мельгунов занял в этом вопросе среднюю позицию: с одной стороны, «режим был негодный — гнилой. Он не мог соответствовать грозным событиям, разыгравшимся на мировой арене»¹⁸. С другой стороны, — смена режима во время войны ставила под сомнение ее победоносный конец.

Состояние русских войск накануне февраля 1917 г. каждый из историков также склонен объяснять по-своему. В повествовании Ольденбурга «деморализующее действие» как в солдатской, так и в офицерской среде оказала нехватка снарядов и ружей в 1915 году. Но в целом «дух воинского устава» был силен на протяжении всей войны и ничего не имел общего с той атмосферой, которая царила в столичных гарнизонах. Февральское политическое выступление в столице солдат оценено автором отрицательно, так как они вместе с петроградским пролетариатом, без участия офицеров (в некоторых случаях последние были убиты) совершали преступление, руководствуясь при этом не общегосударственными, а сугубо личными интересами: не желали «итти на убой».

В интерпретации Милюкова, «разложение армии» шло на протяжении всего 1916 г., ввиду бессилия власти и самодержавия как формы правления. Лидер партии кадетов признает большевистскую агитацию накануне февральской революции в среде солдат и рабочих, однако он не упрекает первых в содеянном: 27 февраля воинские части «одна за другой» «переходили на сторону Государственной Думы», причем «в полном составе», вместе с офицерами. «Переход» был совершен сознательно во имя победы.

Не так категоричен в своей оценке Мельгунов. По его концепции, армия «сохраняла свою мощь» на протяжении всех военных операций, несмотря на то, что не было энтузиазма воевать. В политическом выступлении 1917 г., по мнению историка, нет виновных: события «навалились» «негаданно», принимая хаотичный характер, поэтому говорить о сознательном участии солдат в столичном бунте не приходится; заговоры в военной и морской среде существовали, но на исторический ход событий влияния не имели.

Примечания

1. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Царствование императора Николая II. СПб. 1991, с. 536.
2. Там же, с. 547, 552.
3. Там же, с. 580.
4. Там же, с. 567, 572.
5. Там же, с. 587—588, 590.
6. Там же, с. 592.
7. Там же, с. 598.
8. Там же, с. 623—624.
9. Там же, с. 628, 631.
10. МИЛЮКОВ П.Н. История второй русской революции. Т. 1. София. 1921, с. 24.
11. ЕГО ЖЕ. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Париж. 1927, с. 20.
12. Там же, с. 43.
13. МЕЛЬГУНОВ С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М. 2007, с. 75, 79.
14. Там же, с. 95.
15. ЕГО ЖЕ. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М. 2006, с. 567.
16. ЕГО ЖЕ. На путях к дворцовому перевороту, с. 253.
17. ЕГО ЖЕ. Легенда о сепаратном мире, с. 587.
18. ЕГО ЖЕ. На путях к дворцовому перевороту, с. 71.

История материнства в англоязычной историографии

Н.А. Мицюк

История материнства (Motherhood Studies) — сравнительно молодое междисциплинарное направление в западной науке, объединившее историков, социологов, антропологов, этнографов, психологов и психоаналитиков, целью которого является всестороннее изучение материнства¹. В настоящее время история материнства на Западе представлена солидной библиографией, и интерес историков к этой проблеме не угасает. В частности, в 2013 г. победителем престижной книжной премии в Великобритании стала монография А. Дэвис², посвященная истории матерей Англии второй половины XX века³. Наибольшее количество публикаций по проблеме представлено историками США и Великобритании. Этот факт обусловлен, во-первых, внушительным периодом развития материнской темы в научном дискурсе этих стран, во-вторых, феномен материнства стал занимать существенное место в западной (особенно американской) популярной культуре⁴.

В то же время в России история материнства — чрезвычайно молодое направление (материнская тема в большей степени отражена в работах социологического, психологического, культурологического характера, нежели исторического), фрагментарно раскрытая представительницами гендерной истории (Н.Л. Пушкарёва, А.В. Белова, В.А. Веременко). В связи с этим, изучение опыта, накопленного западной историографией на пути институализации Motherhood Studies, имеет особую значимость.

Впервые к изучению материнства обратились психологи, врачи, этнографы. Интерес историков к вопросам материнства предопределила французская антропологическая школа, которая совершила переворот относительно возможных предметов исторического исследования. Путь к институализации материнской темы на Западе проходил параллельно в двух направлениях социальной истории: «истории семьи» и «детства», а также гендерной истории (Women's studies). От «истории детства» и «истории семьи» исследователи переходили к проблемам взаимоотношения матерей и детей, «хороших» и «плохих» матерей. Известный труд Филиппа Арьеса⁵, где он обосновал тезис об отсутствии детства в современном его понимании у детей

Мицюк Наталья Александровна — кандидат исторических наук, докторант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, доцент Смоленской государственной медицинской академии.

средневековья, вызвал бурное обсуждение и споры о характере взаимоотношений между родителями и детьми в разные эпохи. В 1960—1980-е гг. на Западе стали появляться исследования, в центре которых находились вопросы, связанные с трансформацией семьи и историей родительских отношений⁶. Западные исследователи были убеждены, что капитализм и урбанизация привели к четкому разделению частной и публичной жизни, следствием чего стала доминанта «женского» в частной сфере (семье), а «мужского» — в публичной (профессиональная трудовая деятельность). Материнство становилось значительной частью женской повседневности, а внутрисемейные отношения — исключительно женской прерогативой⁷.

Европейские историки детства 1970—1980-х гг. традиционно обращались к материнской теме, так как без ее репрезентации невозможно было проследить трансформацию отношения к детям в индустриальную эпоху⁸. Исследователи, среди которых Э. Шортер⁹, Л. Поллок¹⁰, Д. Каган¹¹, стали ожесточенно спорить о сути «материнской любви» в разные времена и у разных народов. Большинство сходилось на том, что до начала Нового времени отсутствовала категория «материнской любви» и «материнской ответственности», а, значит, и само материнство являлось исключительно биологической, а не социальной функцией женщины. Возникновение материнства они связывали с развитием буржуазного общества, просвещением народа, трансформацией семейных моделей и роли ребенка в обществе. Наиболее ярым защитником этой теории был Шортер, который настойчиво утверждал, что о материнстве стоит говорить исключительно с начала, а в ряде регионов и с середины XVIII века. Таким образом, среди европейских историков этого периода, занимающихся историей детства, доминировал эссенциалистический подход в отношении материнства, которое рассматривалось исключительно как биологическая функция женщины, в то время как отцовство оценивалось ими в качестве социальной роли мужчины¹². Во многом доминирование данного подхода было предопределено характером использованных источников, принадлежавших мужчинам, — теологам, дидактам, литераторам средневековья.

Введение в научный оборот новых исторических источников — женских его-документов (дневников, воспоминаний, автобиографий, личной переписки) — создало условия для появления новой волны исследований. Популярность приобрели биографические, гендерно-чувствительные методы, а также методы психоанализа в репрезентации истории материнства. В центре исследований оказались вопросы материнской и детской психологии. Следует отметить, что на характер исторических работ оказали существенное влияние исследования 1960—1970-х гг. британского педиатра, детского психоаналитика Дональда Винникотта (его работы многократно переиздавались)¹³. Несмотря на то, что их автор — врач, он существенно обогатил теоретическую базу родительской темы, наметив важные области для исторических исследований. Основное внимание «Доктор Винникотт» уделил изучению взаимосвязи между детьми и матерями. Ему принадлежат термины «достаточно хорошая мать», «обычная преданная мать» («the Ordinary devoted Mother»), «холдинг» — в отношении материнской заботы, которые впоследствии часто использовались историками при характеристике матерей различных эпох. Его заслуга состоит в том, что он продемонстрировал особые способы работы с «детскими источниками», записками, дневниками, что оказалось особенно ценным для историков в репрезентации женской и детской автодокументалистики.

Круг затрагиваемых историками вопросов существенно расширился¹⁴. Среди наиболее известных работ стоит отметить исследование американки Дж. Левитт «Деторождение в Америке 1750—1950»¹⁵.

Материнская тема получила особое звучание внутри Women's studies, из которого в 1970-е гг. выделилось направление Motherhood Studies. Материнство — существенная часть женской повседневности, в связи с чем, Motherhood Studies были призваны восполнить значительные

пробелы Women's studies («восстановить историческую справедливость»), делая женщин «видимыми», «ощутимыми» в истории, раскрывая их социальную значимость, связывая их повседневность с социально-политическими, экономическими и культурными трансформациями в обществе¹⁶. При этом западные исследователи полагают, что Motherhood Studies развивались от изучения института материнства — «motherhood», предполагающего официальный социальный статус матерей, правовые нормы, регламентирующие положение матерей в обществе, отношение государства и общества к материнским ролям, к «mothering», связанного с эмоциональными переживаниями матерей, восприятием ими собственной роли в обществе, приобретением гендерной идентичности посредством деторождения¹⁷.

Пионером в области Motherhood Studies стала американская поэтесса, публицистка, феминистка Андриенна Рич, опубликовавшая в 1976 г. работу, ставшую бестселлером (многократно переиздавалась, однако, до сих пор не переведена на русский язык), «Рожденная женщиной»¹⁸. Она отмечала, что, приступив к работе над книгой, обнаружила отсутствие литературы по истории материнства. Ее подход был оригинален не только поставленной темой, но и характером исследования, в котором она, рассматривая материнство как политический, социальный институт, активно привлекала собственный антропологический опыт. Кроме того, она уделяла большое внимание не столько источникам официального характера, сколько женской автодокументалистике. Рич, придерживаясь социально-конструктивистского и феминистского подхода, связывала формирование концепции заботливого материнства с рождением женщины. Она доказывала непосредственную связь между появлением «сознательных матерей» («moral mother» — термин, введенный в научный оборот исследователями-модернистами) и созданием в обществе идеологии материнства. Она считала, что концепция «moral mother» викторианской эпохи осуждала возможность женщин из интеллигентных семей работать вне дома, материнство становилось общественно-полезным трудом и призванием «новых матерей». Рич, а впоследствии и большинство исследователей Motherhood Studies, полагала, что материнство трансформировалось от социального института, контролируемого мужчинами (motherhood), до сферы женского самовыражения, сопряженного со сложными эмоциональными переживаниями (mothering). Ряд западных исследователей считает, что, благодаря Рич, материнская тема стала занимать центральное место внутри Women's studies¹⁹, кроме этого ее труд называют лучшей феминистской книгой по истории материнства²⁰.

Вслед за книгой Рич в 1978 г. была опубликована блестящая работа социолога Ненси Чодороу «Воспроизводство материнства»²¹ (переведена на русский язык, имеет несколько изданий в России), где автор продолжила развивать направление Motherhood Studies, активно привлекая методы психоанализа и феминистского подхода. Ее исследование, историко-социологического характера (ряд ученых причисляют ее книгу к тем сочинениям современности, которые существенно изменили социологическое знание), теоретически обогатило направление Motherhood Studies. Она, активно используя психоаналитические методы, в материнстве видела универсальный элемент женской сексуальности. Чодороу была убеждена, что меняющиеся требования, предъявляемые к матерям, в конечном счете, оказывают влияние на распределение гендерных ролей в обществе и в целом социальную структуру общества²². Рич и Чодороу, придерживаясь социально-конструктивистского подхода, считали важнейшим периодом в развитии материнства на Западе — рождения в европейском обществе в XVII—XVIII вв. (исследователи датировали это явления по-разному) «материнской любви», «материнской заботы» и собственно материнства.

Следует отметить, что в этот период зарубежные исследователи впервые обратили внимание на историю материнства в России (это направление в зарубежной историографии заслуживает отдельного рассмотрения). «Пионерами» данного направления стали Р. Дэвид²³,

Дж. Товров²⁴, Б. Энджел²⁵. Важной особенностью западных исследований являлось то, что их авторы стремились увязать историю материнства в России с борьбой женщин за свои права и в целом с развитием феминизма.

В 1980-е гг. направление *Motherhood Studies* обогатила французка Элизабет Бадинтер. Предметом ее изучения стала история материнской любви в Западной Европе на протяжении четырех столетий (XVII—XX вв.). Изучая материнство как исторический феномен, она пришла к выводу, озвученному еще Ф. Арьесом: материнство — это миф, проявление материнских чувств напрямую зависит от запросов общества на соответствующую женскую роль (мать, жена, свободно реализующаяся женщина). Она полагала, что с конца XVIII в. в Европе стал формироваться новый запрос общества на материнство, культивирующий «сладость материнской любви» и «материнской ответственности» (*La responsabilidad maternal*)²⁶. До этого, по мнению историка, в обществе сохранялось «безразличное материнство», что выражалось в спокойном отношении матерей к гибели детей. Материнская любовь, по мнению исследователя, была делом индивидуальным и часто случайным. Появление «новых матерей» в индустриальную эпоху Бадинтер связывала с богатыми слоями общества, для которых материнство было особым веянием моды, в то время как остальные слои населения жили по старым принципам. Привлекая многочисленные источники, она доказывала, что «моду на материнство» культивировали медицинские, педагогические, государственные круги общества, в итоге «сознательное материнство», по сути, явилось «навязанной» обществом социальной функцией женщины.

В 1980-е гг. появилось значительное количество работ, авторы которых изучали материнство в контексте социальной политики, анализируя институт материнства с точки зрения права. При этом научный интерес был направлен преимущественно на изучение матерей из низов индустриального общества, например работниц фабрик, которые впервые пытались совместить различные сферы женского бытия: профессиональный труд, материнство, домашний быт²⁷. Заметная часть работ была написана с позиции феминистского подхода, при котором развитие материнских прав и социального обеспечения матери увязывались с расширением прав человека²⁸. Немецкий исследователь И. Шютце пришел к выводу, что XIX в. навязал женщине образ матери, сделав материнство ее важнейшей социальной ролью²⁹. Новые оценки сущности материнства были даны медиэвистами. Скрупулезно анализируя источники, в том числе и материальные, они пришли к некоторым выводам, которые противоречили выводам их предшественников. Они были убеждены, что материнская любовь, заботливое материнство были присущи Средним векам, однако эта тема была депривирована в источниках эпохи, принадлежавших в основном мужчинам³⁰. Женщины не могли «спокойно» относиться к материнству, так как для них оно символизировала степень полноценности и исполнения ею, согласно средневековой традиции, своего основного долга.

В историографии зарождалась теория «обособленных сфер», согласно которой развитие капитализма привело к погружению женщин в мир домашних дел, превращая ее в достойную мать семейства, в то время как за мужчинами закреплялась роль работника, обеспечивающего свою семью. Этот процесс, по мнению исследователей, проходил параллельно с женской эмансипацией и, по сути, противостоял ей. Позднее профессор гендерной истории Линн Абрамс писала: «Подобная идеология, ограничивающая права и возможности женщины, оправдывала культ домашнего очага и так называемой истинной женственности, воцарившийся в жизни среднего класса, но одновременно, как ни странно, давала женщинам ощущение особого предназначения»³¹. Историки были убеждены, что новая идеология XIX в. культивировала материнские роли на всех уровнях. Материнство становилось важнейшей социальной ролью для женщины, призванной «оздоровить» общество³².

В этот период историки активно принялись изучать женские организации и общества, осуществлявшие социальную помощь матерям и их детям. В научный оборот стали вовлекаться новые источники: отчеты фабрично-заводской инспекции, результаты врачебных осмотров, истории болезней. Кроме этого, стали появляться работы, в которых была сделана попытка рассмотреть матерей сквозь призму социальных катаклизмов: матери на фоне войны, революционных движений, послевоенной разрухи³³. Активное изучение материнства как социального института позволило некоторым исследователям сделать вывод о том, что с начала XX в. в области охраны материнства США стали значительно опережать страны Западной Европы. Таким образом, в 1980 — начале 1990-х гг. активно развивалось направление *Motherhood Studies*, изучавшее, прежде всего, материнство как социальный институт (*Motherhood*). Женщина-мать становилась равноправным участником исторического процесса.

С развитием *Motherhood Studies* в 1990-е гг. стали появляться коллективные работы, ставящие в центр изучения различные аспекты истории материнства, что свидетельствовало в пользу популярности данного направления среди широкого круга исследователей. Бросается в глаза тематическое разнообразие научного поиска. Вопросы материнства рассматривались во взаимосвязях: мать — женщина, мать — государство, мать — ребенок, мать — работа, мать — женское движение, мать — отец, мать — религия, а также мать в контексте патриархальной, партнерской семьи. В 1990 г. было опубликовано пятитомное собрание «История женщин» под редакцией Ж. Дюби и М. Перро (на русский язык были переведены и опубликованы первые три тома издания)³⁴. В проекте участвовали свыше 70 авторов, благодаря которым был представлен образ западной женщины со времен античности до современности. Тема материнских ролей затрагивалась практически всеми авторами. Жак Деларен, медиевист, подчеркивал амбивалентное отношение к женщине-матери в Средневековье. Он полагал, что культ матери касался исключительно девы Марии, но не земных (грешных) женщин³⁵. Медиевисты в освещении места матери в средневековом обществе опирались на андроцентричные источники — мужские нравоучительные тексты, а также работы отцов церкви, оставляя в стороне женскую субъективность. Исключением стала Клавдия Опитц. Она критично отнеслась к тезису о том, что в Средние века материнство занимало мало места в жизни женщин, считая, что виной тому «мужские источники», которые, по мнению К. Опитц, «мало знали или ничего не знали об этом предмете»³⁶.

Совместный труд американских и английских историков под общим названием «Материнство. Идеология. Переживание. Учреждения» содержал обоснование новых подходов в исследовании истории материнства³⁷. Авторы уделили существенное внимание трансформации идеологии материнства. При этом в раскрытии темы доминировал феминистский подход. В частности, Патрисия Коллинз и Линда Форси связывали существенные изменения в институте материнства Нового времени с распространением идеологии феминизма. Коллективом ученых из Великобритании (преимущественно из Лидского университета) был опубликован труд под редакцией Элизабет Сильва, в котором материнство оценивалось в качестве исторического, социального и культурного аспекта. Центральная тема книги — анализ концепции «достаточно хорошее материнство» (термин введен Д. Винникоттом) в разные периоды английской и американской истории³⁸. Кроме того, авторы обратили внимание на разные оценки замужних и одиноких матерей в обществе. Авторы подчеркивали трансформацию статуса одиноких матерей: от первоначального доминирования оценок «плохие матери» до современных феминистических взглядов, видящих в «одиноким материнстве» позитивную сторону для самой женщины, так как это делает ее независимой от власти мужа и предоставляет свободу собственного самовыражения. Кэрол Смарт, анализируя официальные источники, по-

лагала, что в Великобритании в XVII в. вошло в употребление наименование «нормальная мать», «плохая мать», что свидетельствовало о превращении материнства в официальный институт, предписывающий женщинам соответствующее поведение. Популярность и востребованность этих трудов доказывает факт их переизданий. В частности, в 2013 г. состоялась повторная публикация сборника десятилетней давности, посвященного разнообразным проблемам материнства в Новейшей истории³⁹. Авторы видели в заботе об институте материнства залог благосостояния и процветания общества.

В 1990—2010 гг. материнская тема стала излюбленной темой междисциплинарных исследований в западной науке. Значительно обогатился теоретический аппарат и подходы исследований Motherhood Studies. Произошло окончательное разделение в трактовке термина «материнство» как социальный институт (motherhood) и «материнство» как субъективное восприятие (mothering)⁴⁰. Основной подход исследователей был традиционен — зависимость института и концепции материнства от конкретно-исторических условий и требований эпохи. Профессор Бостонского университета Шэри Терер заявила, что в конечном итоге изучение «мифов» о «хорошей матери» и есть история материнства⁴¹. Материнская тема продолжала расширяться, при этом предмет исследования сужался, исследователи затрагивали неожиданные стороны проблемы. В частности, в 2001 г. была опубликована работа Сандры Энос (Enos) «Материнство изнутри», где автор, применяя психологические, социологические и отчасти этнографические методы, описала повседневность заключенных матерей⁴². Американский профессор Иллинойского университета Элисон Берг показала родильные практики американок 1890—1930-х гг., при этом ее работа была построена преимущественно на женских ego-документах⁴³.

Значительное число работ было посвящено изучению материнства в XX в. в рамках феминистского дискурса. Активную научную деятельность по развитию данного направления проводила профессор Йоркского университета (Канада, Торонто) Андреа О'Релли, благодаря которой материнская тема стала популярной в Канаде⁴⁴. Она возглавила школу женских исследований при Йоркском университете, а также ассоциацию, специализирующуюся на исследованиях различных аспектов материнства (The Association for Research on Mothering). При этом она активно сочетала методы гендерной, феминистской истории и методики социологических и этнографических исследований (интервью, анкетирование, опросы). Лаура Умански, исследуя отношение феминисток 1960—1980-х гг. к собственным материнским ролям, пришла к выводу, что в их среде сосуществовали два основных взгляда: негативное восприятие материнства («негативный дискурс») и позитивная оценка («позитивный дискурс»), которая предполагала углубление знаний женщины о самой себе, раскрытие потенциальных возможностей, в том числе новых средств собственного самовыражения⁴⁵. Шарон Хейс (Hays) ввела термин «интенсивное материнство» («intensive mothering»), полагая, что возрастающие со времен Средневековья требования к женщине сформировали чрезмерный объем запросов к материнству и собственно «хорошей матери». Все это привело к усиленному самосовершенствованию женщин, которые в условиях современности должны быть и достойными матерями и преуспевающими работниками. Ряд авторов, анализируя изменения запросов по отношению к матерям в разные эпохи, считают, что современные требования, возлагаемые на женщин-матерей, — «вредны» как для самих женщин, так и для детей⁴⁶. Интерес исследователей смещался от изучения материнства как социального института в сторону раскрытия мира чувств, переживаний и «мышления» («maternal thinking»⁴⁷) матерей⁴⁸.

Анализ статей последнего десятилетия в журналах, связанных с гендерной историей (Journal of Women's History, Women's History Network, Herstoria, Woman History Review, Aspasia, Women's

Studies), показывает, что материнская тема вызывает устойчивый интерес исследователей. При этом активно осваиваются новые источники, которые позволяют характеризовать тенденции в развитии современного материнства⁴⁹.

Таким образом, европейскими и американскими историками были разработаны основные подходы и методы в изучении истории материнства. Западные исследования отличает широта тематик и глубина изучаемых вопросов направления Motherhood Studies. Мощными центрами этого исторического направления стали: в США — Иллинойский университет, университет в Индианаполисе, в Великобритании — Лидский университет (университет Лидса), в Канаде — Йоркский университет. Странники Motherhood Studies ввели в научный оборот много новых источников, среди которых значительную часть составили женские его-документы, позволившие «услышать» матерей прошлого, а также вписать их в западную историю.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы», проект №14-31-01217.

1. ПУШКАРЁВА Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях. — Этнографическое обозрение. 1999, № 5, с. 47—59; ЕЕ ЖЕ. Материнство как социокультурный феномен. В кн.: Женщины в истории. Возможность быть увиденными. Минск. 2004, с. 112—131.
2. Анджела Девис — научный сотрудник отдела истории Уорикского университета в Великобритании.
3. DAVIS A. Modern Motherhood: Women and Family in England, 1945—2000. Manchester University Press. 2012.
4. KAWASH S. New Directions in Motherhood Studies. — Chicago Journals. Vol. 36, № 4 (Summer 2011), p. 969—1003.
5. ARIÈS PH. L'Enfant et la vie Familiale sous l'Ancien Regime. Paris. 1960; The History of Childhood. N.Y. 1974.
6. GOOD W. World revolution and family patterns. N.Y. 1963; HUNT D. Parents and Children in History. The Psychology of Family Life in Early Modern France. N.Y. 1970; ЗИДЕР Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XX вв.). М. 1997; FLANDRIN J.-L. Familles, Parenté, Maison, Sexualité dans L'ancienne France (XVIe—XIXe siècle). P. 1975; TELLENBACH H. von (hsgb.). Das Vaterbild in Mythos und Geschichte. Stuttgart. 1976. Ср.: OPTZ C. Frauenalltag im Mittelalter. Biographien des 13. und 14. Jhs. Weinheim-Basel. 1985, S. 210; TILLY L.A., SCOTT J.W. Women, work and the family. N.Y. 1987.
7. LUHMANN N. Love as passion. The codification of intimacy. Cambridge. 1986, p. 48—50, 145—155.
8. ПУШКАРЁВА Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства). — Женщина в российском обществе. 2000, № 1, с. 9—24; ЕЕ ЖЕ. Зарубежная историография истории материнства. В кн.: Женщины в истории. Возможность быть увиденными. Минск. 2004, с. 131—154.
9. SHORTER E. Die Geburt der Modernen Familie. Reinbeck. 1977; EJUSD. Der Wandel der Mutter-Kind-Beziehungen zu Beginn der Moderne. — Geschichte und Gesellschaft. 1975, Hf. 2/3.
10. POLLOCK L.A. Forgotten Children. Parent-child Relations from 1500 to 1900. 1983, p. 262.
11. KAGAN J., FREEMAN M. Relation of Childhood Intelligence, Maternal Behaviors and Social Class to Behavior During Adolescence. — Child Development. 1963, v. 36, p. 899—911; KAGAN J. Elternliebe ist Keine Lebensversicherung. — Psychologie Heute. 1978, Hf. 12, S. 40.
12. TELLENBACH H. von (hsgb.). Das Vaterbild in Mythos und Geschichte. Stuttgart. 1976. Ср.: OPTZ C. Frauenalltag im Mittelalter, S. 210.

13. На русском языке изданы: ВИННИКОТТ Д.В. *Семья и развитие личности. Мать и дитя*. М. 2004; ЕГО ЖЕ. *Маленькие дети и их матери*. М. 2007; ЕГО ЖЕ. *Теория родительско-младенческих отношений*. — *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2005, № 2.
14. HARDACH-PINKE I. *Zwischen Angst und Liebe. Die Mutter-Kind-Beziehung seit dem 18. Jh.* In: MARTIN J., NITSCHKE A. (eds.) *Zur Socialgeschichte der Kindheit*. München. 1986, S. 525—590; HARDACH-PINKE I. *Kinderalltag. Aspekte von Kontinuität und Wandel der Kindheit in Autobiographischer Zeugnissen. 1700—1900*. 1981.
15. LEAVITT J.W. *Brought to Bed. Childbearing in America 1750—1950*. Oxford. 1986.
16. BRIDENTHAL R., KOONZ C. (eds.) *Becoming Visible: Women in European History*. Boston. 1977; ПУШКАРЁВА Н.Л. *Историческая феминология в России: состояние и перспективы*. — *Общественные науки и современность*. 2003, № 6, с. 164—173; ЕЕ ЖЕ. *Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы*. — *Женщина в российском обществе*. 2002, № 2—3, с. 32—37.
17. O'REILLY A. *From Motherhood to Mothering*. State University of New York. 2004, p. 2.
18. RICH A.C. *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*. Norton. 1976.
19. ABBEY S., O'REILLY A. *Redefining Motherhood. Changing Identities and Patterns*. Toronto. 1998, p. 13.
20. O'REILLY A. *Op. cit.*, p. 1.
21. CHODOROW N. *Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Universitet of California Press. 1978.
22. ЧОДОРОУ Н. *Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера*. М. 2006, с. 258.
23. RANSEL D. *Abandonment and Fosterage of Unwanted Children: The Women of the Foundling System*. In: *Family in Imperial Russia*. Urbana. 1978, p. 189—217.
24. TOVROV J. *Mother-Child Relationships among the Russian Nobility*. *Ibid.*, p.15—43.
25. ENGEL B. *Mothers and daughters. Women of the intelligensia innineteenth century Russia*. Cambridge. 1983.
26. BADINTER E. *Existe el instinto maternal? Historia del amor maternal. Siglos XVII al XX*. Paidós. 1991, p. 117, 121, 272. Первые работы Э. Бадинтер были опубликованы в 1980 и 1981 гг. на французском и английском языках: BADINTER E. *L'amour en plus. Histoire de l'amour maternel (XVIIe — XXe s.)*. Paris. 1980; BADINTER E. *The Myth of Motherhood. The Historical View of the Maternal Instinct*. L. 1981; BADINTER E. *Mother love: myth and reality: motherhood in modern history*. Macmillan. 1981.
27. ROBERTS E. *A Woman's Place: an Oral History of Working Class Women, 1890—1940*. Oxford. 1984; LEWIS J. *The Politics of Motherhood: Child and Maternal Welfare in England, 1900—1939*. L. 1980.
28. O'BRIEN M. *The Politics of Reproduction*. Boston. 1981; LEWIS J. *Feminism and Motherhood. Lecture and Discussion, held 31.03.1983 in Brown University (USA)*. Ann Arbor. 1983.
29. SCHÜTZE IV. *Die gute Mutter. Zur Geschichte des Normativen Musters «Mutterliebe»*. Bielefeld. 1986.
30. THOMPSON S.M. *On Women*. N.Y. 1986; ALFING S., SCHEDENSACK CH. *Frauenalltag im Frühneuzeitlichen Muenster*. Bielefeld. 1994, S. 82—98.
31. АБРАМС Л. *Формирование женщины новой эпохи 1789—1918*. М. 2011, с. 12.
32. DAVIN A. *Imperialism and Motherhood*. — *History Workshop*. 1978, № 5, p. 13—27; WEEKS J. *Sex, Politics and Society. The Regulation of Sexuality Since 1800*. L.-N.Y. 1981, p. 126—138.
33. SKOCPOL T. *Protecting Soldiers and Mothers*. Harvard University Press. 1995; LEWIS J. *The Politics of Motherhood. Child and Maternal Welfare in England 1900—1939*. Montreal. 1980.
34. *Storia delle Donne in Occidente*. Vol. I—V. Gius. Laterza. Figli Spa, Roma-Bari. 1990.
35. *История женщин на Западе*. Т. II. СПб. 2009, с. 24—46.
36. Там же, с. 281.
37. *Mothering. Ideology, Experience, Agency*. L. 1994.
38. *Good Enough Mothering. Feminist perspectives on lone mothering*. L. 1996.
39. *Mothers of a new world: maternalist politics and the origins of welfare states*. Routledge. 1993.
40. O'REILLY A. *From Motherhood to Mothering*. State University of New York. 2004.

41. THURER S.L. *The Myths of Motherhood: How Culture Reinvents the Good Mother*. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. 1994.
42. ENOS S. *Mothering from the inside. Parenting in a Women's Prison*. State University of New York. 2001.
43. BERG A. *Mothering the Race. Woman's narrative of reproduction 1890—1930*. University of Illinois. 2002.
44. O'REILLY A. *From Motherhood to Mothering*. State University of New York. 2004; O'REILLY A. *Feminist Mothering*. State University of New York Press. 2008.
45. UMANSKY L. *Motherhood Reconceived. Feminism and the legacies of the sixties*. New York University Press. 1996, p. 16—52.
46. ROGERS M.F. *Mothers and Children: Feminist Analyses and Personal Narratives*. Rutgers University Press. 2001.
47. UMANSKY L. *Motherhood Reconceived. Feminism and the legacies of the sixties*. New York University Press. 1996, p. 132—159.
48. HAYS S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. Yale University Press. 1996.
49. FRIEDMAN M. *On Mommyblogging: Notes to a Future Feminist Historian*. — *Journal of Women's History*. Volume 22, № 4, Winter 2010, p. 197—208.

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 10, 2014

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.09.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 3096. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2015 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**